

ВТОРОЙ ШАНС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКС Д

18+

Алекс Д
Второй шанс
Серия «Любовь и драма»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43416869

SelfPub; 2019

Аннотация

Предательство бывает разным. Измена не встает ни в какое сравнение с тем, что восемь лет назад сделал с Кристиной ее бывший муж. Долгие годы она боролась с последствиями физической и душевной травмы, сбежав из страны, оставив в прошлом страшные воспоминания. Ее единственными утешениями стали любимая работа и лучшая подруга-психолог. Но новая беда вынуждает героиню вернуться и взглянуть вновь в лицо своим страхам. Что принесет Кристине встреча с тем, кто однажды морально убил и растоптал ее? Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	23
Глава 2	39
Глава 3	45
Глава 4	51
Глава 5	74
Глава 6	94
Глава 7	98
Глава 8	123
Глава 9	140
Глава 10	166
Глава 11	184
Глава 12	212
Глава 13	237
Глава 14	257
Глава 15	310
Глава 16	326
Глава 17	339
Глава 18	372
Глава 19	387
Эпилог	390

Пролог

Со светлым червячком встречается змея

И ядом вмиг его смертельным обливает.

Убийца! – он вскричал, – за что погибнул я?"

Ты светишь", – отвечает.

А.А. Дельвиг.

Москва. 1999 год.

– Вы понимаете, Дэниэл, что я обязан сообщить в правоохранительные органы о случившемся инциденте с вашей женой?

Дэниэл Норман отодвинулся от стены, чуть поддавшись вперед, и поднял на врача свой пустой равнодушный взгляд, в котором отчетливо читалось полнейшее безразличие. Он все еще находился под кайфом, голова гудела, мысли метались, словно в сумасшедшей гонке, сердце стучало так оглушительно, что слова врача, доносились до него сквозь плотный туман. Нет, ничего он не понимал. Его ломало так, что хоть самого под нож. К черту Кристину.

Во взгляде Игоря Журавлева, легендарного хирурга, отражалось такое презрение и отвращение, что Дэниэла это даже позабавило. Разве врачи не должны сдерживать свои эмоции. Сейчас этот измученный уставший после десятичасовой операции хирург, похоже, был готов наброситься на

Дэниэла с кулаками. И, черт побери, был бы чертовски прав. Если бы Норман мог сам двинуть себе по морде, он бы это сделал, но, увы, что сделано, то сделано.

– Да, я понимаю, док, – кивнул Дэниэл, прищулив ледяные синие глаза с неестественно-широкими смоляными зрачками. – Она жива? – сухо спросил Дэниэл.

Игорь Журавлев долго смотрел на обдолбанного сынка одного из крупнейших инвесторов клиники. Через пару часов Дэниэла Нормана начнет ломать, и док с каким-то несвойственным ему злорадством ждал, когда настанет этот момент. Журавлев тщетно пытался найти в высокомерном бесчувственном молодом парне хоть какие-то эмоции, но видел только тупое равнодушие и желание поскорее убраться из больницы, куда угодно. Даже в тюрьму.

Хирург никак не мог осознать, постичь того, что случилось с девушкой, которую он оперировал почти десять часов, вытаскивая с того света. Глядя на ее мужа, он искал ответы, но не находил. Это было ново для Игоря Журавлева. За свой век он чего только не посмотрелся, но такое в его практике произошло впервые.

Если бы не положение, которое занимал его миллиардер отец – Джон Норман, Журавлев давно бы взял за грудки наглого подонка и вытряс из него душу. Но Игорь не мог этого сделать по множественным объективным причинам. Доктор с досадой думал, что, вероятнее всего, дело не дойдет до суда, если, вообще, будет открыто. С деньгами Норманов им

удастся замять скандал и избежать судебного решения.

– Кристина пережила операцию. Она в реанимации, в крайне тяжелом состоянии. Прогнозы ставить пока рано.

– Понятно, – мрачно кивнул Дэниэл, стиснув челюсти и отводя взгляд в сторону. Даже такой бессовестный подонок, как он, не мог смотреть в осуждающие глаза врача.

Все пять часов, что Дэниэл провел в коридоре, перед операционной, прошли, как в бреду. И он до сих пор находился под кайфом, наркотик все еще циркулировал в крови. Отвернувшись к стене, он уперся в нее лбом, чтобы остудить голову. Разрозненные воспоминания недавних событий складывались в хаотичную незаконченную картинку. Приложив максимум усилий он вспомнил, как вошел в больничный холл, держа на руках завернутую в покрывало Кристину. Ее кровь капала прямо на блестящий мраморный пол. Потом началась суета. Норманов знали в лицо. Его отец основал эту больницу четыре года назад. Именно данный факт сдерживал сейчас ведущего хирурга от самосуда над Дэниэлом. Как бы все не презирали Дэниэла, его отец – Джонатан Норман вызывал всеобщее уважение и поклонение, даже легкий страх. Благородный, сильный, уверенный в себе Джон, мудрый, богатый, щедрый, обеспокоенный всеми проблемами мира, и его сын – эгоистичный, проблемный прожигатель жизни. Какая нелепая карикатура на своего великого отца. Но он был бы другим, все могло сложиться иначе, если бы не жена Джона. Шлюха. Виктория, она во всем

виновата.

«Что ж, теперь ты получишь по заслугам, дрянь. Я отнял у тебя самое дорогое, единственное, что еще трогало твое глупое порочное сердце. Где же ты? Почему не плачешь сейчас возле палаты своей драгоценной девочки.»

О, Дэниэл был уверен, что достопочтенной паре уже сообщили, что вытворил непутевый отпрыск Джона. Или вернуться из Нью-Йорка так быстро не получается? Дэниэл не был уверен, что они успели долететь до Нью-Йорка, когда их настигла "радостная весть". Он вспомнил ее счастливую глумливую улыбку, когда вчера она прощалась с ним и Кристиной. Ослепительная, усыпанная драгоценностями, окруженная всеобщим вниманием и любовью мужа. Да, этот свой день рождения она запомнит надолго. Тридцать шесть лет еще не возраст. Все страдания впереди, драгоценная Виктория. Но праздник удался. Дэниэл сам не понимал, зачем пошел на этот чертов прием. Дурочка Кристина заявила, что обязана поздравить свою мать. Так, что отчасти, она сама виновата.

– Игорь! – раздался крик, а затем стук каблучков по кафелю. Неужели!? А Дэниэл уже отчаялся дождаться. – Что с ней, Игорь? Она жива? Что случилось?

Дэниэл развернулся, чтобы успеть запечатлеть в памяти ее лицо, когда эта тварь узнает, что он сделал. Растрепанные светлые волосы, бледное лицо, глаза цвета разлившейся ртути, промокшие от слез и полные ужаса. Как долго он хо-

тел увидеть холеную Викторию без своей лицемерной маски. Дэниэл ждал удовлетворения, злорадной радости, но ничего не чувствовал, совсем ничего. Мачеха игнорировала его присутствие, с мольбой глядя прямо в глаза доктора, который судорожно сжимал ее ладони, хорошо понимая отчаяние женщины, отчаяние матери. Дэн задержал взгляд на простых джинсах и голубом кашемировом свитере. Она всегда одевалась с безупречным вкусом, который наконец-то ей изменил. Сейчас она напоминала обезумевшую от страха девочку, а не светскую красавицу. Дэниэл не ошибся, поставив на Кристину. Вика родила ее рано, в восемнадцать лет, но материнские чувства не были ей чужды. Она глубоко любила дочь, хотя редко демонстрировала свои чувства. Сухая расчетливая сука.

– Она жива, Виктория, – мягко сказал Игорь Журавлев, чуть склонив голову. – Но в очень тяжелом состоянии. Я не хочу давать вам ложных надежд. Прошу вас, пройдемте в мой кабинет. Здесь говорить не стоит.

– Но я хочу видеть ее, – простонала Вика, до боли сжимая руку врача и с мольбой глядя в его глаза.

– Нельзя. Не сегодня, – твердо ответил Журавлев. – Кристина без сознания. Она в кома, Виктория, подключена к системе искусственного жизнеобеспечения.

– Что? – женщина закрыла рукой рот, чтобы сдержать вопль отчаяния. Наконец, ее побелевшие глаза остановились на Дэниэле, и гримаса лютой ненависти обезобразила ее со-

вершенные черты лица. Ни один мускул не дернулся на лице парня, с холодной сдержанностью он встретил ее обвиняющий яростный взгляд.

– Это ты? Чудовище, что ты сделал? – закричала женщина, растеряв остатки сдержанности. Дэниэл презрительно ухмыльнулся. Доктору понадобилась вся его сила, чтобы удержать женщину, которая, как разъярённая тигрица, пыталась наброситься на Дэниэла. И она имела на это право!

– Что тут происходит? – раздался властный мужской голос. Дэниэл обернулся.

– Вот, и папочка пожаловал, – насмешливо пробормотал Дэниэл. Вся воля Джонатана сосредоточилась сейчас в его судорожно сжимающихся кулаках. Он не мог позволить себе публичной сцены. Слишком много свидетелей. В любой ситуации нужно уметь хранить лицо и достоинство. Жаль, что его сын никогда этого не понимал, что в итоге привело к трагедии.

– Он убил ее, Джон. Этот подонок убил ее, – истерично вопила Виктория, все еще пытаясь дотянуться до Дэниэла.

– Нам лучше пройти в мой кабинет, – настойчиво повторил Игорь, посмотрев в лицо Джона Нормана, единственного, кто мог трезво оценить масштабы катастрофы.

– Держи себя в руках. На нас смотрят, – строго обратился он к жене. – Пойдемте, Игорь.

Взяв под локоть дрожащую от ярости женщину, он уверенно пошел за хирургом, не удостоив сына взглядом. Но

Дэниэлу пришлось последовать за ними. Бежать глупо. Джон найдет его везде. Пациенты и персонал, собравшись в небольшую кучку, провожали их любопытными взглядами.

– Джон, пообещай, что убьешь его. Он не должен жить. Ты понимаешь? – рыдала Вика, позволяя мужу вести ее.

– Милая, мы должны сначала все выяснить, а потом принимать решения, – со стальным спокойствием, стоившим ему немало сил, произнес Джон, ласково коснувшись ее щеки. – Здесь работают лучшие врачи, она выкарабкается. Кристина сильная девочка. Я ее знаю. Она так просто не сдастся.

– Она в коме, Джон, – сквозь всхлип вырвалось у Виктории. Близость мужа и его уверенность немного успокоили молодую женщину. Джон был ее опорой и надежным тылом. И еще – он никогда не врал. Женщина готова была упасть перед ним на колени прямо сейчас и исповедаться во всех грехах. Лишь бы Джон повторил, что Кристина выживет. Лишь бы заставил ее поверить...

– Все будет хорошо, – пообещал Джон, но от внимательного женского взгляда не укрылось, как заиграли желваки на его скулах. Дэниэла, наблюдающего за семейной сценой, мутило от отвращения. Руки начали предательски дрожать, сердце неравномерно скакало, боль царапала легкие, выкручивала суставы. Стиснув зубы, он терпел. Он тоже кое-что умел прятать.

Оказавшись в кабинете Дэниэл остался стоять возле закрытой двери, опираясь на нее спиной. Журавлев занял по-

зицию у стола. Виктория села в кресло, бессильно откинувшись и закрыв лицо ладонью. Джон, как мраморное изваяние, застыл возле подлокотника кресла. Рука его покоилась на плече жены. Итак, позиции расставлены, все герои трагедии заняли свои места, а теперь действие....

Но Игорь Журавлев не решался. Ему сложно было открыть правду этим людям, которые смотрели на него с надеждой и страхом. Журавлев бросил взгляд на Дэниэла. Красивое лицо было также бесстрастно. Словно все, что сейчас происходит, его не касается. Может, он солгал? А, если так, то зачем?

– Игорь, – настойчиво и нетерпеливо произнес Джон Норман, пронзительно посмотрев в глаза Журавлева. – Как есть. Правду.

– С чего начать? – утомленное лицо хирурга посерело. Тревожный взгляд остановился на Виктории. Выдержит ли любящая мать правду о кошмаре, который пришлось пережить ее дочери?

– Сутки назад, мы видели Кристину в добром здравии на вечеринке у нас дома, – взволнованно заговорил Джон. – Мы проводили ее и Дэниэла до машины, а сами поехали в аэропорт и вылетели в Нью-Йорк. Нам позвонили, когда мы получали багаж, и сразу взяли билеты обратно. Как я понял, операция только что закончилась. Главное, что сейчас меня интересует – как она прошла.

– Мы сделали все возможное. – Игорь прочистил горло.

Дышать стало трудно. Он безумно устал. – Кристина потеряла много крови. Сейчас ее состояние можно охарактеризовать, как крайне тяжелое. Она в коме, о чем я уже сообщил Виктории. Однако мы все должны надеяться на благополучный исход.

– Нужны ли какие-либо средства, лекарства, аппаратура? Может быть, вызвать специалиста из-за границы? – напряженно спросил Джонатан Норман, отчаянно пытаясь сохранить внешнее спокойствие.

– Нет, Джон. Мы обеспечены всем необходимым. Все, что зависит от нас, будет сделано, – глухо произнес доктор. Глаза его светились сочувствием. Он знал, что Джон медлит с главным вопросом, потому что боится ответов. Виктория спросила за него, откинув с бледного лица волосы, она посмотрела прямо в глаза хирурга.

– Что произошло? Как Кристина оказалась в больнице? – голос Виктории прозвучал сдавленно, хрипло, но в нем были твердость и сила, несвойственные хрупкой женщине. Журавлев быстро взглянул через ее плечо, на застывшую фигуру Дэниэла. В его глазах начали пробиваться отблески сознания. По всей видимости, наркотическое опьянение сходило на нет.

– Джон, вам следует держать Викторию, чтобы она не натворила глупостей, – предостерег хирург Нормана-старшего, который судорожно втянув воздух, кивнул и крепче сжал плечо жены, пригвоздив ее к креслу. – Прежде чем обратить-

ся в полицию, мне следует все вам рассказать, – выдохнул Журавлев.

– Прекрати тянуть, – взвизгнула Вика, перейдя на «ты». Здравый рассудок покидал ее.

– Я понимаю вашу боль. Мне тоже тяжело. Дэниэл принес в больницу истекающую кровью Кристину, завернутую в одеяло. По характеру повреждений и внешнему виду девушки, я предположил, что она была подвергнута жестоким побоям и изнасилованию.

– Господи! – воскликнула Вика, снова зажав рот рукой, рыдания вырвались из ее горла стоном раненого зверя.

– Не понимаю, – нахмурился Джон, его челюсть окаменела. Он боролся с желанием обернуться и посмотреть на сына. Мужчина все еще надеялся на разумное объяснение. Дэниэл – глупец, жестокий избалованный мальчишка, но зачем? Зачем ему избивать и насиловать собственную жену, которая с ума по нему сходила?

– Как могло изнасилование привести к таким последствиям? – сбивчиво спросил Джон. Доктор отвел глаза.

– Это не простое изнасилование. Внутренние ткани девушки повреждены. Мы собрали ее заново, но эти повреждения очень серьезны, разрывы связок, переломы запястий, ребер, потеря крови, болевой шок, тяжелейшее психологическое состояние. Не стану перегружать медицинскими определениями и терминами, которые еще больше напугают вас. Кристине понадобится очень длительный курс психологи-

ческой помощи и реабилитации в будущем.

– Господи, за что? Джон, она же еще ребенок. Ей всего восемнадцать. Кто мог это сделать? – снова попыталась вскочить с места Виктория. Лицо Джона Нормана побледнело, губы сжались в полоску. Он удерживал жену, хотя сам был на грани взрыва.

– Почему у нее сломаны запястья? – надтреснутым голосом спросил Джон, дыхание со свистом вырвалось из груди.

– Смею предположить, она сломала запястья сама, пытаюсь освободиться. Джон, ее зверски избили и изнасиловали, я уверен, что сделал это не один человек. И я обязан сообщить властям о случившемся. Дело в том, что Кристину принес в больницу ваш сын. Я спросил у него, где это произошло и, кто это сделал.

– И что он ответил? – почти не дыша, хрипло спросил Джонатан Норман.

– Он сказал, что слишком много выпил. Но уверен, что Дэниэл употреблял не только алкоголь. В любом случае, вы сами спросите у него. Трагедия случилась не на улице и не в парке, а скорее всего, дома.

– Ах, ты сукин сын! – закричала Виктория. Ей все же удалось освободиться от хватки мужа. Вскочив с кресла, она рванула в сторону Дэниэла. Ничего не понимая от боли и застилающей глаза ненависти, Виктория бросилась на него, впиваясь когтями в застывшее лицо парня, пиная ногами, пытаясь разорвать, задушить, стереть с лица земли. Дэниэл

не сопротивлялся. Он все это заслужил и даже испытывал извращенное удовлетворение от происходящего. Доктор не сказал ни слова лжи. Парень продолжал стоять в той же позе, сжимая руки за спиной, и бесстрастно наблюдая, как отец оттаскивает свою рассвирепевшую жену. Журавлев среагировал моментально. И через несколько секунд в кабинете появилась медсестра со шприцом в руке. Джон держал Вика, пока ей вкалывали успокоительное. Обессиленная Виктория безвольно повисла на муже, все еще теща себя тщетной надеждой, что все происходящее – просто кошмарный сон.

– Сейчас Виктория уснет. Медсестра проводит ее в палату. А нам нужно решить, что делать дальше, – произнес Журавлев. Джон согласно кивнул. Он как-то сразу постарел, лицо осунулось, посерело.

– Поклянись, что он заплатит, – прошептала Вика, заглядывая в глаза мужа.

– Он получит сполна, дорогая, – пообещал Джон потухшим голосом. Говорить не было сил. Засунув руки в карманы, он отрешенно смотрел, как медсестра уводит его жену.

– Что еще вы не сказали, Игорь? – повернувшись к доктору, безжизненно спросил Норман.

– Кристина была беременна, Джонатан. Я не мог сказать это при Виктории. Восемь недель, состояла на учете в нашей больнице. Думаю, она сопротивлялась так отчаянно, потому что боялась за жизнь ребенка. Кристина очень хотела ро-

дить. А теперь уже не сможет никогда.

– Что? – Дэниэл, наконец, вышел из состояния холодной отрешенности. В его глазах застыл вопрос, недоверие.

– Она не говорила вам, Дэниэл. Может быть, хотела сделать сюрприз.

Криво усмехнувшись, Дэниэл отвернулся. Он отлично знал, почему она молчала. Сюрприз, как же. Маленькая сучка хотела сбежать от него. Неделю назад он нашел припрятанные деньги и билеты.

– Тебе есть, что сказать? – с трудом выговаривая слова, обратился Джон к своему сыну. Дэниэл поднял голову, и посмотрел в убийственно-ледяные глаза отца. Он не увидел осуждения, злости, ярости, только презрение и отвращение. – Ты это сделал?

– Что ты имеешь в виду? – сухо спросил Норман-младший. Из царапин, нанесенных Викторией, сочилась кровь, но он не чувствовал боли. Он ничего не чувствовал, кроме пустоты и желания покинуть больницу. Ему опостылел этот фарс. – Если ребенка, то да. Я его сделал. А насчет остального. Все действительно произошло в нашем доме, Игорь проявил невероятную догадливость, – иронично заметил Дэниэл. Лицо парня исказила свирепая гримаса. Его начинало ломать. Агрессия росла в геометрической прогрессии. – Что еще ты хочешь знать, папа? Как? Мы приехали с вашего праздника, и решили продолжить дома. Я решил. И именно я пригласил друзей. Насколько я помню, ты никогда не одоб-

рял мое окружение. Ну, мы выпили, кое-что приняли и нас занесло. Я не принимал участия, но и не остановил их. Все начиналось, как злая шутка, но закончилось весьма плачевно для одной маленькой идиотки. Я отключился в какой-то момент, а когда пришел в себя, понял, что мои друзья малость переборщили. Меня привезла сюда одна из проституток, которые видели достаточно, чтобы дать показания на суде. Они много интересного смогут рассказать. Слишком часто эти особы бывали в нашем доме. Как в отсутствии моей жены, так и при ней. Они с радостью поведают судье, как я избивал Кристину, как издевался над ней, как она молчала и никому не жаловалась. Ты такой правды хочешь, отец? А? Пусть меня судят. Я готов. Но готов ли ты?

От яростного пренебрежения в глазах Дэниэла, Джон чуть не задохнулся. Он замахнулся, но не ударил сына, опустив руку.

– Не смей меня называть отцом, – свирепо прошипел он, отшатнувшись в сторону.

– Отлично, но это не освобождает тебя от ответственности. Не отводи глаза, посмотри на меня. Ты вырастил меня, ты воспитал. Так задай себе вопрос, почему я такой? И кто в этом виноват? Или ты не видишь никого, кроме своей шлюхи. Ну же, вызывайте ментов. Чего вы ждете?

– Значит, ты этого хочешь? – выпрямившись, Джон сумел совладать с собой и посмотрел на Дэниэла, как на никчемное насекомое. – Тебе мало того, что ты сотворил с бедной

девочкой. Ты хочешь публичного унижения. Кого ты наказал, Дэниэл, кроме самого себя? Ты думаешь, что в тюрьме ты сможешь забыть о том, что сделал? И все для того, чтобы причинить боль мне и Вике? Зачем?

– Просто так, – усмехнулся Дэниэл. – Приятно помучить двух таких благородных идеальных до омерзения людей. Только ты многое забыл, отец. Моя мать умерла не от рака, а от того, что потеряла надежду, когда ты спутался со смазливой русской шлюхой. И не надо врать, что начал трахать ее уже после нашего переезда в Россию. Мама знала, что ты ей изменяешь и поэтому опустила руки. Эта тварь отняла у меня всё. И теперь я сделал с ней тоже самое.

– Ты отнял все, не у Виктории, Дэн, а у себя самого. Это свою жизнь ты только что угробил собственными руками. Я всегда знал, за что ты ненавидишь Вику. И не стану ни в чем оправдываться. Ты понятия не имеешь, что я пережил за время болезни Мод. И не тебе судить. Я уверен, что Алисия никогда не винила меня ни в чем. Я делал невозможно, чтобы она жила. А насчет Виктории. Я не планировал жениться на ней. Я никогда не был глупцом, чтобы поверить, что молодая красивая женщина может бескорыстно полюбить потрепанного жизнью старика. Но ей удалось меня убедить. И хочу тебя разочаровать, Дэн. Я в курсе о вашей короткой интрижке, случившейся пару лет назад. И я еще помню, что такое страсть, и то, как трудно противостоять ей. Но страсть проходит. Вика сама мне рассказала. Ей было очень стыдно,

и она не сразу поняла, что ты пытаешься через нее отомстить мне. Ты ведь уже похоронил меня. И только и ждал, когда завладеешь моей компанией и деньгами. Тебе всегда было мало. А принять, что доля наследства достанется Вике и ее дочери, оказалось выше твоих сил. Я устроил вашу свадьбу, чтобы умирить твой эгоизм, я надеялся, что ты успокоишься, поняв, что никто ничего у тебя не отнимет, и деньги останутся в семье. Если бы я знал... Не Виктория твой враг, Дэниэл. И не я. А ты сам. – Джон сделал паузу, чтобы прочистить горло. – Скажи, за что ты наказал Кристину?

– Она ее дочь. И согласишься, ты не зря устроил обучение за границей, ты готовил Кристину, хотел отдать ей все, – ледяным тоном произнес Дэниэл. В глазах его полыхали искры гнева.

– Какой же ты дурак. Я люблю Кристину, как дочь. И заставил тебя на ней жениться, только потому что ты уложил ее в постель, когда ей едва исполнилось семнадцать. Наивная, неискушенная девочка была легкой добычей, не так ли?

– Не так уж она и наивна. Кристина просто дура. Другая ушла бы.

– Но она не другая, и она любила тебя.

– Я не просил никого любить меня, – сквозь зубы прошипел Дэниэл.

Дэниэл долго смотрел в глаза отца. Он сделал все, чтобы заставить его ненавидеть себя, окончательно разорвать все связи. Дэниэл жаждал облегчения, но его чувства были дале-

ки от освобождения. Месть не принесла радости. И, черт, он вовсе не собирался заходить так далеко. Если бы не наркота, которую принесли его приятели, ничего бы не произошло. Он просто потерял голову. События завертелись, как страшный сон. Дурман владел им и сейчас. Дэниэл не понимал, что говорит и делает. Реальность еще была далека, расплывчатая и туманная. И он не хотел трезветь и возвращаться.

Игорь Журавлев, молчаливо наблюдающий за разговором отца и сына, неловко кашлянул, привлекая к себе внимание. Джон повернулся к доктору и уверенно посмотрел в глаза.

– Игорь, вы не станете никому сообщать об обстоятельствах трагедии. И забудете обо всем, что видели и слышали сегодня, – безапелляционно произнес Джон Норман.

– Но... – с сомнением начал Журавлев, в глазах его мелькнуло разочарование.

– Это все, Игорь. Достаточно с нашей семьи позора. Лучшим наказанием для Дэниэлом станет то, чего он боится больше всего.

Джон снова посмотрел в исполосованное царапками лицо сына.

– У тебя больше нет отца, нет денег. Выживи, если сможешь.

Брови Дэниэла вопросительно взметнулись. Он ожидал совсем другого исхода. Он хотел резонансного скандала, прилюдной экзекуции, публичного полоскания имени Норманов во всех газетах страны. Полнейшее равнодушие било

сильнее, чем упреки и удары. И это все?

– Выживу, – пообещал Дэниэл, разворачиваясь. Покидая кабинет главврача, он ни разу не обернулся.

Его шаги были уверенными, хотя все существо бунтовало. Голова раскалывалась от давящей боли и хаотично скачущих мыслей. Куда идти? Что делать? Дэниэл стремительно шел по коридору, не обращая внимания на любопытные взгляды медперсонала и пациентов. Какое ему дело до всех этих людишек? Он никогда не был озабочен тем, что подумают или скажут о нем.

Дэниэл задержался только перед стеклянными дверями реанимации. Там, подключенная к аппарату, облепленная трубками, лежала его жена. Болезненный спазм сжал его желудок, горло обожгло незнакомым чувством.

Дэн помнил ее ребенком, а она только что потеряла своего, нерождённого. Их ребёнка. В голове не укладывалось, он не мог принять такую истину. Он запрограммировал себя на ненависть ко всему, что связано с Викторией. Кристина была ее дочерью. Черт, не была, а есть. Она все еще есть. Все еще здесь. Черные волосы рассыпаны по подушке, вместо лица кровавая маска. Перед глазами возникло внезапное воспоминание. Истекающее кровью, покрытое синяками, сломанное тело на растерзанной кровати, тяжелое дыхание и прикованные железными браслетами руки, хриплый шепот разрывал воспаленный слух:

– Я умираю, Дэниэл. Вызови врача. Пожалуйста, вызо-

ви...

Вот и все, что она сказала. Ни слез, ни упреков, только мольба. Он думал, что Крис молила за себя и ошибся. Крис ни жила для себя ни одной минуты своей жизни.

Прижавшись лбом к стеклянным дверям, Дэниэл закрыл глаза, прогоняя жестокое виденье. Он хотел уйти, но не нашел в себе сил даже пошевелиться. Подняв глаза, он снова посмотрел на бесчувственную неподвижную девушку. И совсем другое воспоминание пронзило мозг.

– Я люблю тебя, Дэниэл, – сияющие голубые глаза смотрели на него со слепой доверчивостью. Солнце обжигало глаза. Июльское утро, бассейн, он сидел в шезлонге, она у него на коленях, и ее черные, как смоль, волосы ласкал ветер.

Боже, как давно это было. Но нет. Всего год. Все-таки ему удалось сломить ее веру в него. Не стоило бороться с ним. Малышка Крис проиграла бы в любом случае. Она всегда верила, что за своей жестокостью он прячет боль. И ее уничтожило именно то, что она оказалась слишком близка к истине.

– Живи, – прошептал он одними губами, и резко пошел прочь.

Глава 1

*"Я живу в карточном домике,
доме из песка, воздушном замке,
и провожу минуты, ожидая
падения стен, удара молнии..."*

Хорхе Каррера Андраде.

Москва. 2007 год.

Кристина отвела взгляд от иллюминатора. Через двадцать минут самолет пойдет на посадку. Зябко поежившись, молодая женщина посмотрела на подругу. Лиза спокойно дремала в своем кресле. Кристина отдала бы все, чтобы одолжить хотя бы капельку ее невозмутимости. Тяжело вздохнув, она снова посмотрела на снежные облака, плывущие вниз. Грудную клетку сдавило и предательский комок застрял в горле. Кристина боялась не справиться с эмоциями и расплакаться, чего не делала очень давно.

Она возвращается домой....

Еще вчера Крис рассмеялась бы в лицо любому, кто сказал, что через несколько часов она сядет в самолет, который вернет ее в Россию. В Москву. Туда, откуда она бежала восемь лет назад, и поклялась никогда не возвращаться.

Если бы можно было не дышать одним воздухом с бывшим мужем, но при этом не умереть.

Она поменяла, страну, гражданство, изменилась сама. Ни-

чего не осталось от прежней Кристины Норман. Норман. Она с отвращением сморщилась, произнося про себя эту фамилию. После развода, она вернула девичью фамилию. Кристина Монахова. Ничто не связывает ее с прошлым. И все же она возвращается, чтобы отдать последний долг. Чтобы похоронить свою мать и отчима.

В прошлом месяце Виктория приезжала в Лондон на очередную выставку своей дочери. Она выглядела счастливой, уверенной, довольной жизнью, но Кристина всегда ощущала на себе этот ее особый взгляд, в котором читались чувство вины и сожаление. Как бы ни старалась девушка изображать радушие и беспечность, мать никогда не забывала, что произошло. Ее глаза пытались отыскать за маской равнодушия и сдержанности остатки боли. Подобные взгляды Кристина бросала на Дэниэла, когда-то давно.

Боль была.... Нет, она не придумала ее. Интуиция никогда не обманывает женщин. Только Кристине никогда не забыть до чего довела ее глупая попытка что-то исправить.

– Прекрати вздыхать, – подала голос Лиза, открывая один глаз. – Ничего страшного не происходит. Тебе давно нужно было вернуться. Чтобы справиться со своими страхами, необходимо набраться смелости и взглянуть им в глаза.

– У меня нет страхов, Лиз, – прошептала Кристина, нервно теребя рукав свитера и болезненно ощущая, как каждая секунда приближает ее к Москве, к аду, из которого ей удалось вырваться. – Я, вообще, ничего не боюсь.

– Да, – хмыкнула Лиза, открывая оба глаза. – Ты же понимаешь, что должна была полететь?

– Да, – кивнула Кристина, напряженно глядя на подругу. В глазах ее мелькнула боль. – Она была такой молодой, такой красивой. Не могу поверить, что их больше нет. Какая-то нелепая авария и мгновенная гибель двух человек. Господи, я не видела Джона восемь лет, а теперь еду на его похороны. Просто в голове не укладывается. – тяжело вздохнула она.

– Ты же понимаешь, почему он не приезжал с Викторией в Лондон?

– Да, мы говорили об этом с мамой. Неужели он не понимал, что я ни в чем его не виню?

– Понимал, но Дэниэл его сын и Джон ощущал ответственность за случившееся.

Кристина вздрогнула и поморщилась, услышав имя бывшего мужа. Лиза проницательно посмотрела на нее.

– Милая, ты должна быть готова к тому, что тебе придется увидеть его снова. Умер его отец. Он будет на похоронах.

– Я знаю, – слишком громко воскликнула Кристина. – Но, я не в силах понять, как мог Джон его простить.

– Может быть, он изменился, – пожалала плечами Лиза. – Столько лет прошло, время меняет людей. К тому же они не чужие люди. Ты же простила Викторию за то, что она скрыла свою связь с Дэниэлом.

– Тебе обязательно так часто произносить его имя, – раздраженно отозвалась Крис.

– Что, опять тошнит? – тревожно спросила подруга.

– Нет, но мне нехорошо. Ты могла бы выписать мне свои чудодейственные таблетки? Только на время, что придется провести в Москве, – поспешно уточнила Монахова, понимая, как негативно относится Лиз к ее увлеченности успокоительными препаратами.

Елизавета сдвинула тонкие брови, в глазах отразилось сомнение. Проведя длинными тонкими пальцами по коротко стриженным светлым волосам, она окинула пронизательным взглядом бледное лицо подруги.

– Не думаю, что это хорошая идея. Уже три года ты справляешься без лекарств. Я рядом, и если нужна будет помощь, то я....

– Лиз, я знаю, что ты сможешь мне, но я хочу чувствовать себя уверенной. Я боюсь поставить себя в неудобное положение, если приступы вернутся.

– Ну, что ж, если тебя стошнит на его ботинки, то поделом ему, – усмехнулась Лиза.

– Мне не смешно.

– Просто пытайся сконцентрироваться на чем-то другом, я учила тебя, как абстрагироваться от раздражающего объекта.

– Надеюсь, что у меня получится, – мрачно пробормотала Кристина. Может, Лиз и права. Прошло столько лет. Пора перестать прятать голову в песок. – А что ты чувствуешь?

– В смысле? – не поняла Лиза.

– Ты не была в России еще дольше, чем я, – пояснила Крис.

– Да, я уехала из Москвы сразу после окончания университета. Пятнадцать лет назад. И ты знаешь, я не возвращалась не из-за страха перед прошлым, а потому что возвращаться некуда. Меня ничто больше не связывает с этим городом. Отец давно в могиле, квартиру я продала. В Лондоне все моя жизнь. Мой дом, карьера, и ты.

– А если я решу остаться в Москве? – предположила Кристина. Лиза прищурилась, оценивающе разглядывая подругу.

– Не думаю, что ты решишься, а, если так, то я бы очень гордилась тобой, и, конечно же, тоже осталась, – тихо, но уверенно произнесла Елизавета Озерова, не сводя прямого взгляда с лица Кристины.

– Я знала, что ты так ответишь, – мягко улыбнулась Монахова, протягивая руку и сжимая пальцы Лизы. – Я люблю тебя.

– Я тоже, милая. Никто больше не обидит тебя, обещаю.

– Я верю тебе. Только тебе во всем этом чертовом мире, – прошептала Кристина.

В глазах Озеровой сверкнули слезы. Для тридцатисемилетней женщины она была чувствительна, словно девочка. Невысокая, стройная, всегда в брюках и без макияжа, с неровным ежиком на голове, не признающая каблуков, помады и юбок, именно она производила впечатление непро-

бываемой сильной, холодной женщины, скупой на эмоции. Но молодая подруга, являющаяся полной противоположностью Елизавете, знала, как легко вызвать слезы на ее глазах. Но это нисколько не умаляло силы духа Елизаветы и уверенности в себе. Она просто была естественна. Умела плакать и смеяться именно тогда, когда того просила душа. Кристина же не позволяла себе такой роскоши, как эмоции. Слишком больной была душа девушки, чтобы показать ее хоть кому-то. Но с Лизой притворяться было бесполезно. Она знала все тайны подруги, мысли, страхи, сомнения, всю ее боль. Восемь лет назад, на краю пропасти, Кристина встретила странную энергичную и мудрую маленькую женщину, которая вытащила ее с того света, не обещая ничего и ничего не прося взамен. Два одиноких сердца познакомились в не лучшие минуты жизни обеих, и вместе сумели преодолеть одиночество, от которого страдали.

– Расскажи мне о Мэдисон Норман. – попросила Лиза, откидываясь в кресло, не отпуская руку Кристины. Монахова последовала ее примеру.

– Я видела ее лишь однажды. Пару лет назад. Мама привозила Мэдисон с собой. Она намного моложе Джонатана, поздний ребенок. Не знаю, зачем она покинула Штаты. Мама говорила, что в Вашингтоне у ее мужа имелся свой успешный бизнес.

– Может, в бизнесе мужа не все гладко, и она вспомнила о богатом брате.

– Возможно, – не стала спорить Крис. – Мама разделяла твоё мнение.

– А почему Джон уехал из Америки?

– Его жена очень долго страдала от онкологии. Она умерла, когда сыну было восемнадцать. Сразу после похорон Джон собрал все вещи, продал дом, бизнес и уехал в Россию. Наверное, решил, что именно в нашей дикой стране лучше всего забыться, – Кристина повернула голову и пронизательно посмотрела в голубые глаза подружки. – Пытаешься заговорить меня? Я в порядке, Лиз.

– Нет, мне и, правда, интересно. В конце концов, Виктория и Джон были частью твоей жизни, а мы с тобой почти о них не говорили.

– Да. Я не хотела касаться прошлого. Да, и какая разница, что привело Джона в Москву? Главное, что он нашел мою маму и сделал ее счастливой. Ей несладко пришлось в этой жизни. Хотя Дэниэл был верен, что мама и Джон были знакомы до его переезда из Штатов, что именно моя мать стала причиной выбора страны проживания.

– Ты как считаешь? – приподняв одну бровь, иронично спросила Озерова.

– Я не знаю. Так ни разу и не решилась спросить. – отрезанно качнула головой Кристина.

– Почему? Ты имела на это полное право. Виктория итак скрывала от тебя слишком многое. Ты так и не знаешь, кто был твоим отцом, – напомнила Лиза.

– Боюсь, что мама и сама не знала. Она была красивой девочкой. И ей не повезло родиться в деревне. А там всегда не до нравов. Залетела, родила, и в двадцать лет упорхнула в Москву на поиски счастья и легкого заработка, а меня оставила на попечении бабушки. Ты можешь говорить, что угодно, но я не виню ее. Ей нечего было делать в деревне, среди доярок и пьяных мужиков. А то, что она бросила меня.... Так она никогда не скрывала, что бабуля настояла, чтобы оставить меня. В двадцать семь мама познакомилась с Джоном, вышла замуж и получила все, о чем мечтала. Муж был старше ее на семнадцать лет, но он был богат, неглуп, и неплохо сохранился для своего возраста.

– И к тому же у него был молодой красивый сын....

– Прекрати....

– Тебя это все еще задевает?

– Нет. Мама умерла, я не хочу, чтобы ты плохо говорила о ней.

– Она бросила тебя. Скажи, что она делала семь лет в Москве до встречи с Джоном? Часто ли она вспоминала о тебе?

– Она была манекенщицей, моделью, снималась в рекламе. Она высылала деньги и приезжала на новогодние праздники. Когда ее личная жизнь наладилась, мама забрала меня.

– Тебе было двенадцать. Слишком большая девочка, чтобы знакомиться со своей матерью.

– Ты не понимаешь. Я всегда ее знала. Мама любила меня.

По-своему, но любила.

– Но она не сказала, что спит с твоим мужем, – Лиз была жестока и понимала это, но она хотела, чтобы Кристина не испытывала иллюзий, а воспринимала реальность такой, как есть.

– Тогда она уже не спала с ним, – глухим безжизненным голосом ответила Кристина. Она закрывала глаза на озвученный факт очень долго. Крис не хотела не в чем обвинять свою мать, но, если бы она предупредила, если бы сказала до .... Господи, многое стало бы ясно уже тогда. Целый год Кристина билась о глухую и слепую стену отчуждения, выстроенную собственным мужем, пытаюсь понять, выявить причины его ненависти и презрения. Крис не хотела просто отпустить Дэниэла, не могла уйти. Дура, она считала, что сможет спасти его от жесткости и злобы, которыми он окружил их брак. Дэн уничтожил Крис за то, что она оказалась дочерью женщины, которую он ненавидел. Он ломал ее, методично и уверенно. Та роковая ночь оказалась последней точкой, умирать Кристина начала гораздо раньше. Дэниэл убивал ее медленно. День за днем. Это был ад, самый настоящий ад. Ни один нормальный человек не сохранил бы разум, пережив то, что она, ни один, не вернулся бы туда, где все началось.

– Мне интересно посмотреть на Дэниэла, – задумчиво произнесла Лиза. Кристина удивленно вскинула брови, неприятно ошарашенная ее словами.

– Тебе любопытно посмотреть на человека, которое со-
творил со мной такое? – недоверчиво спросила она.

– Прежде всего, я психолог по образованию. Это профес-
сиональный интерес. Восемь лет я пытаюсь воскресить в те-
бе любовь к жизни и смягчить боль. Ты всегда была сильной.
И когда мы встретились в первый раз, я рассмотрела твою во-
лю, стойкость, желание сражаться и побеждать. Тебя сложно
сломать. Но он сделал это. Так умело, что я уже столько лет
пытаюсь исправить то, что натворил этот парень и теряюсь
в догадках, насколько аморальным и бесчувственным чело-
веком нужно быть, чтобы вырвать душу из сильной цельной
личности. Я хочу понять, кто он? Маньяк, самоубийца, или
просто псих.

– Дэниэл Норман – чудовище, Лиз, – глухо ответила ей
Кристина. – Ты можешь хоть целый день смотреть на него,
но ничего не поймешь. Он хорошо маскируется под обыкно-
венного человека. На людях, в обществе, на работе, Дэниэл
– абсолютно адекватен, сдержан, даже приятен в общении.

– Он – красив?

– Я не понимаю, почему мы так долго говорим о нем. Я
думала, что мы навсегда закрыли тему Дэниэла Нормана.

– И все же?

– Увидишь. – Вздохнула Кристина.

– Сколько ему сейчас?

– Лиза!

– Вопрос простой. Не понимаю, почему ты так бурно реа-

гируешь. Что будет, если ты столкнешься с ним лицом к лицу. Отвернешься, убежишь? Забьешься в истерике?

– Ему тридцать два.

– Взрослый мальчик. Может, он больше ....

– Лиза, – потеряв терпение, Кристина накрыла ладонью губы подруги, заставляя ее замолчать.

– Милая. Я очень верю, что ты заботаешься о моем благополучии, но прошу, нет, умоляю, давай забудем о Дэниэле до тех пор, пока нам не придется вспомнить о его существовании.

– Последний вопрос, и я больше не назову его имени, – убирая руку Кристины, попросила Лиза. Кристина удрученно вздохнула, передернув плечами.

– Тебе было бы легче, если бы он получил срок и понес наказание?

Какое-то время Монахова смотрела на подругу задумчивым тяжелым взглядом.

– Нет. Я бы не пережила суд, – честно ответила она.

– Ты не поняла. Хорошо, скажу прозрачнее. Ты бы хотела, чтобы он умер?

– Ого! – выдохнула Кристина удивленно. – Что-то не улавливаю связи между смертью и тюремным заключением.

– А, чтобы ты выбрала?

– Я не хочу, чтобы он дышал со мной одним воздухом, но... Я бы смогла бы его убить, наверное. Не уверена. В любом случае, сейчас моя ярость утихла. Я ненавижу его, мое

презрение безгранично, но смерть для Дэниэла Нормана – слишком легкое наказание.

– Ты так и не ответила на мой вопрос, – сухо произнесла Озерова, отворачиваясь.

Кристина хотела что-то добавить, но ее прервал голос пилота, объявляющий о подготовке к снижению. Сердце рванулось, затихло, потом забилось невероятно быстро. «Ну, вот я и дома,» – подумала Кристина, пристегивая ремень.

Через час молодые женщины, волоча за собой объемные чемоданы, вышли из здания аэропорта, и остановили первое попавшееся такси, которое заломило баснословную цену.

– М-да, – пробубнила Лиза, усаживаясь на заднее сиденье. – Лучше бы ты воспользовалась предложением Мэдисон. Она бы довезла нас бесплатно.

– Лиз. Ты вроде не скряга, – скупой улыбнулась Кристина, пытаясь скрыть нервное напряжение. Они молчали всю дорогу. Кристина смотрела в окно, жадно рассматривая изменения, произошедшие с городом. Тут и там появились новые торговые центры, парки, дома. Казалось улицы стали шире, чище, ярче. Машин и людей еще больше, чем она запомнила. Вечерний город утопал в неоновых огнях и ярких рекламных вывесках. Одна часть красивой пестрой толпы спешила домой с работы, а другая – в поисках развлечений сновала от клуба к клубу.

В какой-то момент Кристине захотелось выйти, смешаться с толпой, погрузиться в этот балаган, шум, вдохнуть за-

пах задымленного города. Как бы ни заставляла она забыть себя о Москве, душа ее вострепнулась, словно очнувшись от долгой спячки. Лондон сильно отличался. Там легко играть свою роль, там просто быть холодной. Сдержанный, окутанный туманами и смогом Лондон так и не стал ее домом. С болью в сердце Кристина понимала, что теперь ей будет куда сложнее уехать. Она прилетела, чтобы похоронить своих близких людей, и даже представить не могла, как ошеломит ее Москва. А она-то надеялась, что поездка навсегда разорвет связь с родиной, что, похоронив мать, она вычеркнет тяжелые воспоминания, и с легким сердцем вернется к своим картинам в Лондон.

Через несколько секунд появился коттеджный поселок. Преодолев пропускной пункт, такси остановилось перед до боли знакомым домом. Высокое трехэтажное здание, с колоннами и огромными окнами не претерпело никаких изменений. Невозможно описать, трепет охвативший Кристину в этот момент. Она крепко сжала руку Лизы, ища у нее поддержки.

– Вот это да, – только и смогла выдохнуть Озерова, во все глаза глядя на дом, окруженный высоким белокаменным забором. – Если ты решишь тут остаться, то я за ... руками и ногами.

– Не говори чепухи, – отмахнулась Кристина, вытаскивая свой чемодан из багажника. Расплатившись с таксистом, Кристина отпустила его. Остановившись перед воротами,

девушка посмотрела на темные окна, пытаясь унять внезапную дрожь в коленях.

– Ну, что стоишь? Звони, – подтолкнула ее Лиза к воротам. Кристина нервно взглянула на подругу, подняла воротник пальто, несмело нажала на звонок. Камера над забором задвигалась, пытаясь сфокусироваться на них. Короткий щелчок означивал, что последний рубеж взят. Они вошли.

Зимний сад выглядел таким же красивым, каким запомнила его Кристина. Покрытые инеем голубые ели загадочно сверкали, дорожка, ведущая к дому, вычищена до самых плит. На крыльце с резными перилами девушки увидели женщину в норковой шубе.

– Кто это? – шепотом спросила Лиза, пока они медленно приближались к ожидающей их фигуре.

– Не знаю. Может, Мэдисон решила лично поприветствовать меня, – пожала плечами Крис.

Но незнакомкой оказалась вовсе не сестра покойного Джонатана. Женщина скупно, но вежливо улыбнулась подошедшим девушкам.

– Здравствуйте, я Татьяна. Я домработница. Примите мои соболезнования, Кристина. И добро пожаловать домой.

Кристина едва сдержала удивленное восклицание. Неужели все московские домработницы выглядят так претенциозно. Она смутно помнила старую домработницу, но точно знала, что норковых шуб та не носила.

– Спасибо, – сдержанно кивнула Монахова. Татьяна рас-

пахнула перед ними дверь в ярко освещенный холл. Внутри дом выглядел так же, как и восемь лет назад. Вика ничего не изменила.

– Татьяна, это Лиза, моя подруга. Она будет жить с нами. – Спohватившись, представила Кристина Озерову, оборачиваясь к ступающей за ними по пятам женщине.

– Вам накрыть ужин в гостиной прямо сейчас? – вежливо поинтересовалась Татьяна.

– Лучше проводите нас в комнаты, – попросила Монахова. Все, что ей было сейчас необходимо, это горячая ванна и рюмка коньяка.

Оказавшись в просторной бледно-голубой спальне, в которой провела пять долгих лет своего детства и юности, Кристина обессилено опустилась на кровать. Лучше бы ей выделили другую комнату. Эта хранит слишком много воспоминаний. Ее взгляд упал на зеркало, накрытое черной тканью. Изменилось главное. Никогда больше в этом доме не прозвучат шаги ее матери. Закрыв глаза, Кристина сдержала приступ боли, прежде чем он успел пронзить сердце. Ей так много хотелось узнать, но было слишком поздно, чтобы задавать вопросы.

Приняв горячую ванну, и облачившись в извлеченный из сумки халат, Кристина отправилась в комнату Лизы. Озерова в точно таком же халате стояла у окна.

– Летом тут, наверное, просто рай, – завороченно проворботала она, глядя на пустой бассейн под навесом. – Я и

представить не могла, что ты так богата.

– Не я, а Джон. Мне ничего не нужно от этой семьи.

– Но мы скоро узнаем, что он оставил тебе. Так ведь? – повернувшись, Лиза посмотрела на Кристину.

– Для меня это не важно. Я приехала, чтобы похоронить их, проводить в последний путь и попрощаться.

– Ты как? Очень тяжело? —обеспокоенно спросила Лиза, заметив изможденный вид подруги.

– Думала, что будет хуже. Но я чувствую только неловкость. Это дом Джона. Не знаю, должна ли я быть тут. По закону он должен отойти сыну.

– Закон имеет силу, если нет завещания, но оно есть. Так?

– Да, Мэдисон что-то говорила. И все же мне не по себе.

– Но ведь Дэниэл не живет здесь. Ты заслужила свое право находиться здесь. Я больше чем уверена, что именно тебе достанется этот дом. И я бы на твоём месте приняла его и осталась. Черт, это же мечта.

– Тебе нравится? – спросила Кристина, мягко улыбаясь подруге. Лиза нежно коснулась ее щеки.

– Мне ты нравишься, когда вот так улыбаешься. Это дороже, чем прекрасный дом.

Глава 2

С самого утра без звонка и предупреждения появилась Мэдисон со своим мужем.

Кристина проснулась от настойчивого стука в дверь.

– Лиза, вы не знаете, где я могу найти Кристину, – почти кричала Татьяна. Лиза никак не отреагировала на вмешательство, продолжая забавно посапывать во сне. Толкнув подругу в бок, Кристина встала с кровати и, накинув халат, вышла в коридор.

– Не шуми, Татьяна. Я здесь. Можешь перенести мои вещи в эту комнату. Нам с Лизой не нужны разные спальни. Вполне хватит одной. – сдержанно улыбнувшись, Кристина наблюдала, как медленно краска покидает лицо домработницы.

– Хорошо, – взяв себя в руки, кивнула Татьяна.

– Что ты хотела? – сухо спросила Крис.

– Мэдисон приехала. Она в гостиной с мужем.

– Напомни, пожалуйста, как зовут ее мужа, – попросила Монахова.

– Роберт Хьюстон.

– Спасибо.

Вернувшись в свою спальню, Крис быстро привела себя в порядок, наспех облачилась в строгую серую блузку и черные брюки-дудочки и спустилась в гостиную. Заметив Кри-

стину, Мэдисон вскочила с дивана. На ее красивом лице застыла маска неестественного страдания. Наверное, черный цвет ее платья намекал на траур, но намек был очень легким. Короткая длина подола и смелое декольте демонстрировали неплохо сохранившееся тело сорокалетней Мэд. Волосы женщины были распущены по плечам сверкающими волнистыми локонами, лицо безупречно накрашено, в синих глазах сочувствие и фальшивые слезы.

– Девочка моя, какое горе! – с чудовищным акцентом, воскликнула Мэдисон, хватая Кристину за руки. Девушка не на шутку испугалась. Пальцы Мэдисон были ледяными, Кристине показалось, что ее держит не женщина, а красивая хищная паучиха. Она ни на грамм не верила, что эта женщина искренне сочувствует ей.

– Это было ужасно. Я была дома, когда мне позвонили из больницы. Твоя бедная мать скончалась на месте, а Джон через пару часов в реанимации. Огромное горе для всех нас. Как хорошо, что ты так быстро приехала. Они бы это оценили. Боже, я, наверно, все слезы выплакала. Представляю, что ты чувствуешь, милая. У тебя же никого не осталось!

– Да, вы правы, – сухо ответила Кристина, осторожно освобождаясь. Повернув голову, она посмотрела на Роберта, мужа "паучихи". Немолодой подтянутый мужчина с грустными карими глазами не вызывал у нее такой неприязни, как его жена. Ему даже не нужно было говорить, чтобы она поняла – он скорбит искренне в отличие от тараторящей Мэд.

– Это мой муж, Кристина. Роберт Хьюстон, – спохватившись, женщина представила супруга.

– Примите мои соболезнования, – мягко произнес Роберт, пожимая руку Кристины, а она невольно задумалась, почему Мэдисон не взяла фамилию мужа, оставшись Норман даже после брака.

– Спасибо, – Монахова тепло улыбнулась мужчине, и повернулась к Мэдисон.

– Я бы хотела сама заняться организацией похорон, – тоном, не терпящим возражений, заявила Кристина. Мэдисон обомлела, искусно накрашенный рот некрасиво искривился.

– Кристина, это не обязательно, – пыталась возразить Мэдисон. – Дэниэл позаботится обо всем. Почти все уже готово.

Кристина холодно смотрела на сестру отчима. Она понимала, что так намекает на тот факт, что Кристина не является единственной родственницей погибшей семейной пары.

– Где будет проходить отпевание? – прочистив горло, спросила Монахова.

– В соборе, как положено, – ответила Мэдисон. – Мне удалось выбить места на Новодевичьем кладбище.

– Хорошо. Какие планы насчет поминок?

– Я заказала ресторан.

– Нужно отменить. Мы устроим поминки в доме. Гостиная сможет вместить всех, кто пожелает прийти.

Мэдисон нервно заморгала, сжав руки на груди и изумленно глядя на Кристину, но почему-то спорить не стала.

– Делай, как знаешь, – вздохнула женщина, повернувшись к мужу. – Ты, что думаешь?

– Я согласен с Кристиной. Дома лучше. Здесь все напоминает о них. Джон был бы рад.

– Стоит обсудить это с Дэном, – решительно встряла Мэд.

– Обойдемся без него, – сухо отрезала Кристина. Мэдисон прищурившись, посмотрела на нее. И девушка невольно задалась вопросом, как много знает эта женщина о разводе между ней и Дэниэлом и его причинах.

– Мы не можем обойтись без него, Кристина, – с напускной доброжелательностью произнесла Мэдисон. – Дэниэл – единственный сын и наследник Джона.

– Я помню об этом.

– Нет, ты помнишь только о том, что сделал Дэниэл, – заявила Мэдисон. А вот и ответ. Сука знает достаточно. Кто ей рассказал?

– Мэди, – оборвал жену Роберт.

– Еще увидимся, Мэдисон, – Кристина резко развернулась и пошла к лестнице.

– Нет, Роберт, ты видел, как вела себя эта ведьма? Маленькая сучка. – свирепствовала Мэдисон, по дороге домой. Роберт равнодушно молчал и следил за дорогой. – Явилась спустя столько лет и взялась командовать. А как она смотрела на меня? Словно я какая-то приживалка, а не единственная сестра Джона Нормана. Ну, ничего мы еще посмотрим,

как она запоет, когда Дэниэл выставит ее из этого дома.

– Остановись ты, пожалуйста. Имей уважение. Вика погибла, твой брат тоже. А о мертвых или хорошо, или никак. А Кристина не сказала и не сделала ничего обидного. Девушка приехала попрощаться с родителями. Она имеет право.

– Ничего она не имеет. Я знаю, зачем она явилась. Все дело в завещании.

– Не смейся.

– Она не была здесь ни разу за восемь лет.

– Мэдисон, ты же знаешь, что обстоятельства вынудили Кристину приехать. Иначе бы ее здесь не было.

– Эти обстоятельства называются жажда денег.

– Я не думаю, что она бедна.

– Ха, как ты думаешь, много ли зарабатывают художники?

– Хорошие художники очень даже обеспечены.

– Господи, Роберт, ты наивен, как ребенок. Эта девушка не так проста, как кажется. Я не хочу, чтобы она оставалась в Москве.

– Ее присутствие ничем тебе не угрожает. Оставь девушку в покое. Она и так много пережила.

Мэдисон наотрез отказывалась слушать мужа. Ее мысли хаотично метались.

– Через сорок дней состоится оглашение завещания. Присутствовать обязаны все. Так сказал адвокат. Так хотел Джон. Сорок дней она будет жить в нашем доме.

– Мэдисон, дом не наш.

– Дэниэлу он не нужен. Мы возьмем его, – уверенно заявила Мэд.

– Если он не уступит его Кристине. – Вздохнув, сказал Роберт.

– С чего это он должен ей что-то оставлять?

– Разве Дэниэл не задолжал ей после всего, что сделал?

– Мы не знаем всей правды, Роб. Возможно, она заслужила то, что получила.

– А ты жестока, Мэдди, – осуждающе покачал головой Роберт.

– Да, – не стала спорить его жена. – Я просто не люблю делиться. Дэниэл унаследует издательский дом, но, возможно, модельное агентство достанется нам. Ты думаешь, что Джон мог бы совершить глупость и оставить что-то этой дворняжке?

– Да, дорогая. Это было бы в его стиле. В любом случае, я уверен, что Дэниэл поступит благородно.

– Да? – расхохоталась Мэдисон. – Он уже поступил один раз так благородно, что его малолетняя женушка чуть не отправилась на тот свет.

– Пора исправлять ошибки, – произнес Роберт.

– Видно, ты плохо знаешь моего племянника. Он абсолютно беспринципен.

– Вика совершила глупость, рассказав тебе.

– Она была дурой. И шлюхой. Но Джон все равно любил ее.

Глава 3

Откинувшись на спинку дивана, Дэниэл Норман крутил в руке бокал с разбавленным виски, безучастно рассматривая его содержимое. Лицо его хранило мрачное бесстрастное выражение, поза была расслабленной, и только напряженные руки выдавали внутреннюю борьбу. Мэдисон, его тетя, расположившись в кресле напротив, наблюдала за ним немигающим взглядом, пытаясь рассмотреть хоть что-то за ледяной маской племянника. Если смерть отца и ранила его, то он тщательно скрывал это.

Иногда Мэд казалось, что она хорошо знает племянника, понимает его, но порой он ставил ее в тупик. Вот и сейчас она не знала, как начать разговор, и что сказать. Ее пугала его возможная реакция. Дэн был нужен ей, нужна его благосклонность. Без него она не получит ничего. Это зависимость удручала женщину, но не уменьшала привязанности к племяннику.

Мэдисон никогда не любила брата, считая его слишком слабым и наивным для мужчины, хоть и, несомненно, удачливым, но Дэниэл вызывал в ней сложные чувства. Он был ей близок, словно отражение в зеркале, словно часть ее души, которая перетекла в него при рождении. Она помнила его ребенком, своевольным, дерзким, избалованным. Его дикие выходки вызывали у нее восторг. Не было в Дэниэле ничего,

что напоминало бы Джона. Только черные волосы, и крепкое мускулистое тело.

– Тебе нужно было поехать со мной, – уверенно начала Мэдисон, глядя на него поверх своего бокала. Дэниэл не удостоил ее взглядом. Крепко сжатые челюсти выдавали упрямство.

– Только ты смог бы поставить ее на место, – продолжила женщина, пристально наблюдая за его лицом. – Дэниэл, она говорила со мной, словно я пустое место. Она ведет себя в доме твоего отца, словно хозяйка. Ты же не позволишь ей остаться там до оглашения завещания? – мягко, но осторожно спросила она.

– Почему нет? – пожав плечами, небрежно бросил Дэниэл, сделав большой глоток виски.

– Но это твой дом! – возмущенно воскликнула Мэдисон, недоуменно глядя на него.

– У нее такое же право быть в этом доме, как и у меня. – Напомнил Дэниэл, взглянув, наконец, на тетю. Взгляд его был тяжелым.

– Ты забыл, какой была ее мать? – вскинув брови, жестко спросила Мэдисон.

– Все это потеряло значение. Ни отца, ни Виктории больше нет. Вместе с ними умерли и их грехи. Им легче.

– О чем ты? Почему им легче?

– Забудь, – небрежно тряхнул головой Дэниэл. Он неожиданно пристально впился в Мэдисон взглядом, словно хотел

спросить о чем-то, но не мог. Ей было не трудно догадаться.

– Она тебя ненавидит. Это очевидно. Только тебе ее презрение, все равно, что лай болонки. Раздражает, но не причиняет особых помех. – Мэдисон усмехнулась. – Не думаю, что она может представлять какую-то угрозу.

– Обиженная женщина способна на все, – задумчиво произнес Дэниэл, снова уставившись на свой бокал. – Но ты права, она не способна причинить серьезные неудобства. Я до сих пор не верю, что Кристина жива.

– Ты не хочешь рассказать, что случилось?

– Нет. – резко ответил Дэн.

– Ты винишь себя?

Дэниэл с грохотом поставил свой бокал на столик. Его испепеляющий взгляд остановился на побледневшем лице тетки.

– Никогда не спрашивай меня о Кристине, не пытайся что-то выведать, умерь свое любопытство. Скажу только одно, у нее есть масса причин для ненависти. Я похоронил ее восемь лет назад, я не видел с той ночи в больнице, где бросил умирать.

– Ты так говоришь, словно испытываешь чувство вины, —растерялась Мэд, удивленно разглядывая племянника.

– А что я, по-твоему, не человек? – Дэниэл поднялся на ноги, и, взяв бокал, прошел к бару, чтобы плеснуть себе еще виски.

– Я не хочу спорить, Дэнни. – глухо произнесла Мэди-

сон, немного смущенная его поведением. Нужно быть осторожнее с Дэниэлом. Если у него действительно есть совесть, то это сильно усложнит их отношения. – Прощание пройдет завтра, в доме. Кристина решила взять все на себя. Она даже слушать меня не стала.

– Не уверен, что заниматься похоронами нелюбимого брата и еще более нелюбимой невестки было жизненно важным для тебя делом. – Спокойно произнес Дэниэл, поворачиваясь. – Мне обязательно ехать? Может, хватит моего появления на кладбище?

– Тебя что-то смущает? – прищурился, поинтересовалась Мэдисон. Дэниэл приподнял одну бровь, встретив ее подозрительный взгляд.

– Я похож на смущенного? Просто я привык считать ее мертвой. А встретить призрака на похоронах отца – это как-то не очень приятно. – он скривился, словно вкус отпитого виски показался ему горьким. – Думаю, что Кристина разделяет мои чувства. Мы не должны были встретиться снова.

– Но выбора нет, – глубокомысленно изрекла Мэдисон. – Если ты не появишься в доме отца утром, это вызовет новый всплеск кривотолков. Как восемь лет назад, когда пресса почти год пережевывала госпитализацию твоей бывшей жены, ваш развод и ее побег из страны. Тебе ведь не нужен очередной скандал?

– Мне плевать на мнение общества и прессы, моих коллег. – отрезал Дэниэл холодным тоном. – Я начал с нуля, ко-

гда Джон отвернулся от меня. Я создал бизнес сам, без чьей-либо помощи. Я добился успеха, вопреки ожиданиям отца, так что меня не испугать очередной гнусной сплетней. Но ты права, я обязан пойти. Я должен исполнить последний долг. Джон нашел в себе силы простить мне все, что я натворил, и я не имею права отказать ему в послед.... Мэдди, ты смотришь на меня, словно я сошел с ума.

– Ты любил его, да? – спросила она удивленно.

– А что тебя так удивляет? Он был моим отцом. И не сделал мне ничего плохого. Это я все время подводил его.

– Его жену ты тоже любил. – Дерзко усмехнулась женщина. Глаза Дэниэла потемнели.

– Не говори того, о чем не имеешь малейшего представления. Я ненавижу эту женщину. Я не скорблю по Виктории Норман. Много лет я винил ее в том, что она сделала меня чудовищем, но, как оказалось, я сам сделал себя таковым. Это моя сущность.

– Но именно это в тебе и притягивает. Ты сильный, Дэниэл. Ты жесткий, беспринципный, такой, каким и должен быть успешный человек. В наше время быть размазней опасно.

– Ты единственный человек на земле, который одобряет меня, – Холодно улыбнулся Норман.

– Нет. Не зря столько людей ищут знакомства с тобой. А теперь с издательством отца и модельным агентством ты подомнешь под себя еще и шоу-бизнес.

– Ты невероятная, – скептически улыбнулся Дэниэл. – Я

никогда не хотел издавать глянцевого журнал для избалованных блондинок и жлобов, и тем более возиться с капризными авторами бестселлеров. У меня для такой профессии слишком мало терпения и такта. Торговать машинами у меня гораздо лучше получается.

– Кстати о машинах. Ты обещал мне "Инфинити". Забыл?

– Нет. Я помню. Просто сейчас не время думать о подарках.

– О, да. Извини, – поспешно закивала Мэд.

Дэниэл посмотрел на нее. Нет. Виноватой себя эта женщина не чувствовала. Тяжело смотреть на свое отражение в женском облике. Неужели он так же омерзителен? В его окружении немало людей, которые не без основания ответят утвердительно. И завтра ему придется встретиться с одним из таких людей.

С одной. И посмотреть в глаза. Он пытался заставить себя чувствовать равнодушие, но безуспешно. Призраки прошлого всегда возвращаются, когда их меньше всего ждешь.

– Лучше бы она умерла, – озвучила его мысли Мэдисон. Но какой-то необъяснимый порыв заставил его не согласиться с тетей.

– Нет. Я никогда не желал ей смерти, – произнес он ровным голосом, осознав, что говорит правду.

Глава 4

Крис впервые видела такой огромный похоронный зал, хотя ей не так часто доводилось присутствовать на похоронах. Ритуальное агентство подобрало помещение, учитывая количество желающих прийти попрощаться с четой Норманов. Вцепившись в руку подруги Кристина, рассматривала прибывающих людей. Они подходили к гробам в молчаливом почтении, склонив голову и скорбно шепча какие-то слова. Потом они останавливали свой взгляд на Кристине. Мало, кто из всех этих людей знал ее в лицо. Но напряженная фигура в черном траурном платье, спрятавшаяся за темными очками от любопытных сочувствующих взглядов, не оставляла сомнений, что перед собравшимися дочь Виктории Норман, падчерица Джона Нормана. Рядом с ней стояла невысокая блондинка тоже в черном, а с другой стороны – блистательная, даже в своем трауре, Мэдисон, и ее невзрачный муж.

Кристина принимала соболезнования сухо, без эмоций, ни одна слезинка не скатилась по ее бледным щекам, в то время как Мэдисон горестно причитая, обливалась фальшивыми слезами, изображала убитую горем сестру. Кристина с трудом сдерживала тошнотворное чувство, все ее существо переворачивалось от вероломного поведения Мэдисон. Хотелось придушить ее своими руками.

Толпа все увеличивалась, напряжение читалось на лицах людей, и оно казалось глубже, чем скорбь об усопших. Монахова подсознательно понимала, чего ждут люди. Здесь не хватало главного участника. Сына и наследника. И хоть его отсутствие радовало Кристину, она не могла не признать, что в глазах пришедших выразить свое соболезнование его отсутствие вызвало волну недоумения.

Когда Мэдисон очередной раз начала причитать, и воспевать таланты своего безвременно ушедшего горячо любимого брата, Кристина не выдержала. Вырвавшись из рук бережно обнимающей ее Лизы, она убежала в туалет. Несколько мучительных мгновений ее выворачивало наизнанку. Склонившись над унитазом, она едва дышала. Все ее тело содрогалось от презрения, ненависти, боли и бесконечных рвотных позывов. Она не думала, что будет так тяжело.

Она услышала, как дверь открылась и тихие шаги, остановившиеся за ее спиной.

– Кристина, – позвала Лиза, мягко дотронувшись до ее плеча. – Ты как?

– Плохо, – отозвалась девушка. Тошнота потихоньку отпускала. Лиза помогла ей подняться на ноги, умыться и привести себя в надлежащий вид.

– Возьми. Это поможет, – Озерова протянула ей две белые таблетки. Кристина взяла их, благодарно сжав ладонь Лизы.

– Спасибо, Лиз.

– Не благодари меня. Я думала, что мы обойдемся без ле-

карств. Я думала, что ты сможешь.

– Я бы справилась, – Кристина с сомнением разглядывала таблетки. – Я могу их не пить.

– Выпей. Ты должна казаться сильной, если не можешь быть таковой. Он приехал, Кристина. Я пришла, чтобы предупредить.

– О, черт, – простонала Монахова, пряча лицо в ладонях. Таблетки были сладкими на вкус, но горечь перебивала все. Она знала, что это неизбежно, она готовилась, но надежда, слабая надежда, что бывший муж не приедет на похороны все же теплилась в ее душе. Теперь она понимала тщетность своих надежд. Кафельный пол поплыл. Качнувшись, она прислонилась спиной к раковине, выжидая, когда дыхание выровняется, мышцы расслабятся, а окружающее ее пространство перестанет кружиться с такой скоростью. Таблетки всегда помогали ей восстановиться. Но Лиза говорила, что искусственное душевное равновесие фальшиво, оно не поможет ей справиться со страхами и болью, а только ослабит иммунитет. Но разве против боли есть иммунитет?

– Успокоилась? – минуту спустя спросила Лиза. Кристина кивнула, надевая очки.

– Вот и умница, – нежно улыбнулась Озерова. – Нам нужно вернуться. Понимаешь?

– Да, – голос молодой женщины звучал отстраненно и глухо.

– Люди там, – Лиза указала на дверь. – Только и ждут

скандала. Но это похороны твоих близких людей. Ты не позволишь превратить их в балаган. Да?

– Да, – снова кивнула Кристина.

– Тебе нужно поздороваться с ним, как ни в чем не бывало. Пусть все видят, что вы цивилизованные люди.

– Да, ты права.

***

Дэниэл, молча, выслушивал бесконечные слова соболезнования от друзей и коллег отца. Джон Норман был богат, влиятелен, и среди собравшихся оказалось немало завистников, иначе и не могло быть. Несмотря на всю свою порядочность, даже отец не мог избежать человеческой нечистоплотности. Но сегодня пришли и те, кто по-настоящему уважал и любил его отца. И все они сейчас искали страдание на отчужденном сдержанном лице его сына. А Дэниэл не мог оторвать взгляд от гробов.

Итак, это все. Все, что осталось от его отца и Виктории. Изувеченные останки и дорогие ящики. Как неумолима судьба. Один миг может оборвать самую сильную жизнь, вычеркнуть из числа живых. Дэниэл очень давно не хоронил близких. Последней была мать. А теперь отец. Так внезапно... Дэн не ожидал, что ему будет так тяжело и больно. Часть его все еще не верила, что отец мертв. О Виктории он не думал, его сердца не хватало и на нее тоже.

Дэн почувствовал присутствие Крис, даже не глядя на нее. Ощутил мощные поток ненависти, направленный на него.

Ничего другого он и не ожидал. Прошло какое-то время, прежде чем Дэниэл сумел заставить взглянуть, наконец, в глаза призрака. Окинув глазами гостиную, он не нашел ее. Неужели почудилось?

– Дэниэл, – незнакомый, холодный, словно дыхание мертвеца, голос заставил его вздрогнуть. Он повернулся, чуть не подпрыгнув от неожиданности, но быстро взял себя в руки, не забывая, что за ним сейчас наблюдая десятки глаз. Она стояла позади него, вот почему он не нашел ее. Мгновения хватило, чтобы захватить взглядом весь ее облик. Сказать, что перед ним стоит совершенно незнакомая женщина, все равно, что не сказать ничего. Ошарашенный невероятной ошеломляющей переменой, он пытался пробиться под темные стекла, желая убедиться, что эта женщина – не самозванка. Люди не могут так меняться.

– Кристина? – недоверчиво выдохнул он, пристально глядя на нее. Женщина вздернула подбородок, губы ее были плотно сжаты, и он чувствовал исходящее от нее ледяное презрение. Наверное, нужно что-то сказать или хотя бы пожать руку в знак приветствия, но угадав его намерения, она шарахнулась в сторону, словно испуганная лань. И этого тоже стоило ожидать, но внутри него что-то болезненно натянулось.

– Мне жаль, Крис, – выдавил Дэниэл, не осознавая, о чем именно он жалеет больше. Женщина едва заметно кивнула.

– Да, мне тоже, Дэниэл, – ответила сухо.

Он опустил взгляд на ее туфли, думая о том, что раньше его имя в ее устах звучало совсем иначе.

Удовлетворенные спектаклем люди снова продолжили поток своих душещипательных слов сочувствия. Дэниэлу пришлось отвлечься от незнакомки в черном длинном платье, напряженной, как струна, но готовой драться до конца. Ему хотелось что-то сказать, разглядеть ее, как следует, чтобы удостовериться, чтобы понять, кто перед ним... Какого черта? Зачем ему это? Сцепив челюсти, он пошел к выходу. Воздух стал слишком спертым от такого количества народа.

Мэдисон догнала его. Они вместе стояли на крыльце и курили.

– Ты отлично держишься, – удовлетворенно произнесла она, выпуская колечко дыма. – Сейчас поедem в собор, потом на кладбище. Еще как-то надо пережить поминки в доме Джона. Мечтаю, чтобы этот день поскорее кончился.

– Я тоже. – Согласился Дэниэл.

– Ты видел, какие ужасные у нее волосы?

– Что? – не понял Дэниэл, повернувшись.

– Я про Кристину. Эти светлые пряди в волосах выглядят, как седина.

– Она изменилась. Я не узнал ее, – сдержанно ответил Норман.

– Еще бы, восемь лет прошло. Она выглядит гораздо старше своего возраста.

Дэниэл ничего не ответил. Взгляд его блуждал по верхуш-

ках елей. К воротам ритуального центра подъехали три микроавтобуса.

– Вряд все поместятся, – равнодушно бросил он, и, бросив окурочек в снег, пошел к своей машине.

***

Во время отпевания, Кристина, пряча руки в широких рукавах пальто, с трудом сдерживала подкатывающие к горлу рыдания. Слишком много переживаний для одного дня. И все же она почти выдержала. Осталось немного.

– Эй, ты жива? – дотронувшись до ее плеча, спросила Лиза. Кристина вздрогнула, посмотрев на нее.

– Вроде, – слабо улыбнулась Кристина, отстраняясь от монотонных молитв священника.

– Ты молодец.

Да, я молодец, – согласилась про себя Монахова, бросив взгляд на бывшего мужа, первый раз после их короткого приветствия. Ее все еще мутило. Господи, если бы она позволила ему взять ее руку, то ее непременно бы вырвало у всех на глазах. И никакие лекарства не помогли. В этот момент она ненавидела свое подсознание, реагирующее на стресс таким отвратительным образом.

Сейчас нервные приступы вызвали у нее только досаду и раздражения, а много лет назад чуть не убили. Она не могла, есть, спать, разговаривать. Малейшее движение вызвало рвоту или обморок от смертельной слабости истощенного организма. Само осознание своего существования вызывало

у нее тошноту. Никто не мог помочь ей, ни один психолог, ни один врач. Она умирала. Пищу вводили через капельницы, менструальный цикл остановился, а о состоянии психики не стоило даже говорить. Если бы не Лиз, то Кристина умерла бы в психушке. Она выхаживала ее, словно, маленького ребенка с заботой и неумолимой уверенностью в успехе, при том, что не она являлась ее лечащим врачом. Лиз была ее единственным неравнодушным другом, с первой минуты их знакомства и до сих пор.

Мучительный и затяжной период возвращения Кристины в реальный мир дался ценой огромных моральных сил. И все же Лиз вытащила ее, именно Лиз, но излечить до конца так и не смогла. Слишком глубоки были раны, нанесенные душе девушки. Ни любовь, ни забота не сумели заглушить боль и отвращение.

Приступы тошноты со временем стали реже, она даже научилась сдерживать их. С бессонницей и отсутствием аппетита подруги боролись до сих пор. Кристина почувствовала жжение в ладонях. Безумно захотелось помыть руки. Еще один пунктик. Болезненная отчаянная чистоплотность. Она принимала душ не менее трех раз в день, а руки мыла чуть ли не каждые полчаса, если имелась такая возможность. Но отмыться никак не могла. Испачкана была ее душа, растоптана и осквернена.

Почувствовав ее взгляд, Дэниэл повернулся. Кристина встала поодаль от всех, у дверей. Высокая, худая и нелепая

в слишком широком пальто, с грубым пучком стянутых на затылке волос, в огромных очках. Впалые скулы, бледные губы. Он вдруг подумал, что, несмотря на жалкий вид, она держится с достоинством и уверенностью. Откуда в ней взялась эта стойкость? Дэниэл ожидал увидеть испуганную, растерянную, залитую слезами девочку, но не ледяную женщину, взирающую на него с презрением и вызовом. Он чувствовал, что теперь она смогла бы стать достойным соперником. Только делить им больше нечего, но Крис об этом еще не догадывается.

Кристина отвернулась и что-то сказала своей немного чудаковатой подруге. Такая же странная, как и сама Кристина. Короткие волосы, вызывающая уверенность. Дэну не нравился изучающий пристальный взгляд незнакомой блондинки. Он привык к тому, что на него глазают, но то, что излучали глаза женщины, имело совсем другое значение. Дэниэлу не хотелось, чтобы она смотрела на него. Ему казалось, он был уверен, что женщина знает правду. Однако взгляд ее не выражал осуждения, только пристальное изучающее выражение, словно она пыталась сканировать его мозг, рассмотреть под микроскопом. Неприятное ощущение.

После отпевания процессия отправилась на кладбище. Там разыгралась настоящая драма. Мэдисон рыдала так оглушительно, что вороны с окружающих деревьев рванули в небо. Было сказано немало добрых слов в адрес Джона. О Виктории никто не вспоминал. Когда пришла очередь бро-

сать горстку земли на гроб отца, Дэниэл замешкался. Замерев на краю могилы, и сжимая холодные комья земли, он пытался сдержать боль потери, рвавшую сердце. Если он сейчас сделает это, то подтвердит неумолимую истину. Джон Норман умер.

Вытянув руку, Дэниэл разжал ладонь, закрыв глаза. Заскрежетали зубы, удары сердца соединились с ударами земли о крышку гроба. Краем сознания он услышал причитания Мэдисон, непрошено ворвавшиеся в его мозг. Ее лицемерие в такой момент показалось кощунственным даже ему. Он обернулся, чтобы остановить ее, но это сделала за него Кристина. Грубо схватив Мэдисон за локоть, она резко развернула ее к себе.

– Немедленно прекрати, – зашипела она на Мэд. – Или я ударю тебя.

– Что? – охнула женщина, опешив от такой наглости. На побелевшем лице выступили красные пятна. – Как ты смеешь!

– Заткнись, или я за себя не отвечаю, – испепеляя ее яростным взглядом, предупредила Кристина. Дэниэл недоуменно смотрел на бывшую жену. Она сняла очки. Но не стала собой. Он не знал ее. Кристина Норман умерла в той палате, в которой он бросил ее восемь лет назад. К его великому удивлению Мэдисон послушалась и затихла. Неужели его непоколебимая уравновешенная тетка испугалась худенькой хрупкой женщины? Кристина подняла глаза, и он со свистом

втянул воздух. Ее глаза были цвета серебра, светлые, выбеленные гневом, почти нечеловеческой яростью. Тут было чего испугаться. Даже ему было не по себе от жуткого бесцветного взгляда. Подняв воротник пальто, девушка уверенными смелыми шагами подошла к могилам и по очереди повторила процедуру, которую только что проделал он. Дэниэл не мог оторвать взгляда от ее острого профиля. На мгновение лицо ее расслабилось, губы печально дрогнули и что-то беззвучно произнесли. Прижав руки к груди, она неотрывно смотрела на могилы близким им людей. Дэниэл осознавал, что стоит рядом с ней, но она, похоже, ничего вокруг не замечала. Что-то шевельнулось в его душе. Она так же одинока.... Боль стала неотъемлемой частью ее жизни. Он был виноват перед ней, но исправить ничего не мог.

Она очнулась неожиданно. Плечи ее выпрямились и напрягались. Она повернулась. И снова взгляды их встретились.

– Мне жаль, что ты потерял отца, – произнесла она ровным тоном и пошла прочь.

Дэниэл ошеломленно смотрел ей вслед. Тугой узел, образовавшийся в груди, рожденный ее словами, мешал дышать. Он отказывался понимать ее. Только что она гипнотизировала его исполненным ненависти взглядом, и вдруг искреннее сочувствие. Он не ожидал. И это рассердило его.

Поминки вытянули из него остатки самообладания. Собравшиеся говорили много хорошего об его отце, но Дэниэл

не слушал. Он не из тех, кто говорит. Он переживал свою утрату молча. Так же, как и Кристина. Он заметил, что во время поминок она не произнесла ни слова. Ее подруга все время маячила рядом, словно сторожевой пес, охраняющий свою хозяйку от любой опасности. Но теперь Кристина могла сама за себя постоять. В этом Дэниэл убедился на кладбище. Мэдисон и теперь старалась держаться от нее подальше и больше не причитала.

Дэниэл не осознавал, как часто смотрит на бывшую жену. Он просто не мог оторвать взгляда от этой новой незнакомой женщины. Норман думал, что будет жалеть ее, испытывать муки совести, неловкость от того, что им все же пришлось встретиться, но ничего подобного он не испытал. Невольное уважение, даже восхищение удивило его самого. Он не подозревал, что способен на такие чувства. Его взгляд скользил по бледному лицу, с большими холодными светло-серыми глазами, которые когда-то казались такими глубокими, яркими, живыми, в которых жила надежда, детская искренность и любовь. Дэниэл убил в ней все это. Он – не Бог, не Дьявол, но создал свое творение, опустошенное и черствое, признающее существование, но не жизнь. Такое же, как он сам.

А ведь все могло быть иначе. Если бы он усмирил свою гордыню, слепую ярость, упрямое равнодушие, если бы принял от жизни то, что она давала ему. Жесткое чудовище владело его душой. Дэниэл презирал себя, больше, чем она ду-

мала. Никогда он не забудет, что сделал с ней, с их общим не рожденным ребенком, чего лишил ее и себя. Сердце его замерло, он перестал дышать, когда, подняв голову, Крис встретила его взгляд. Глаза девушки потемнели, словно она поняла, что за мысли сейчас блуждают в его голове. На долю секунды ему показалось, что глубокая боль, которую Кристина носила в себе, мелькнула в усталом взгляде. Опустошение, разлившееся по ее лицу, отрезвило Дэниэла. Он не имел права даже смотреть на нее, не имел права думать о ней.

Кристина никогда не простит его, потому что он сам так и не смог простить себя, а просто закрыл свою душу от любых чувств, от воспоминаний. Прошлое должно быть там, где ему место. Просто день такой. Слишком много призраков витает за этим столом, и они невольно заставляют вспоминать.

Люди начали расходиться ближе к вечеру. Дэниэл стоически выдержал соболезнования последнего гостя, облегченно закрывая за ним дверь. В гостиной остались трое. Дэниэл, Кристина и ее подруга Лиза. Он сам не понимал, почему не ушел полчаса назад вместе с Мэдисон и Робертом. Было бы так просто сбежать. Следующая встреча состоялась бы только на оглашении завещания.

***

Они стояли в разных концах гостиной, но даже такое внушительное расстояние не спасало Кристину от раздражаю-

щего влияния его присутствия. Все нервы сжались в комок. Лиза без слов читала ее мысли. Ее ободряющий взгляд успокаивал. Кристина ждала, что он скажет что-то на прощание и уйдет, дав ей, наконец, спрятаться в свой неуязвимый кокон.

Ее бесило его нахождение в этом доме. В этом мире.

Она ненавидела его.

Но это чувство было совсем другим, не как вначале. Вместе с ним она ощущала невероятную усталость. Ее ненависть ничего не изменит, не исправит и не накажет его. Убить его у нее не хватит сил, а иначе Дэниэл Норман не сможет заплатить за то, что сотворил с ее жизнью. Оставалось только терпеть свое бессилие....

Она ждала. Дэниэл не уходил. Облокотившись на дверь, он смотрел на нее немигающим, спокойным взглядом. Сдержанное холодное лицо не выражало никаких чувств. Почему он медлит? Зачем мучает ее? Она не могла смотреть на него так долго. Весь ужас прошлого обрушился на нее. Никогда она не научится, не думать о том, что он сделал, глядя в его синие льдистые глаза. В Лондоне ей почти удавалось забыть-ся. Почти. Но теперь все страхи, вся боль с новой силой ожили в ее сердце от одного только взгляда на это жесткое красивое лицо. Неужели она когда-то любила его? Теперь это было трудно даже представить. Только слепая дуручка могла так сглупить.

Несколько минут они просто изучали друг друга через комнату.

– Я пойду, – неожиданно прервала тишину Лиза. Кристина бросила на нее испуганный взгляд. «Нет, Лиза нет», – кричали ее глаза. Не бросай меня. Но Озерова неумолимо посмотрела на нее. – Так нужно. – тихо сказала она. – Вам нужно поговорить.

– Зачем? – недоумевала Кристина. Лиза передернула плечами, вперив тяжелый взгляд на Дэниэла Нормана.

– Обидишь ее. Убью, – будничным тоном произнесла она. И Дэниэл понял, что она не лукавит. Развернувшись, Лиза пошла к лестнице.

– Не понимаю, о чем нам говорить, – Кристина высказала вслух его мысли. Дэниэл склонил голову в знак согласия. Он снова окинул ее взглядом. Напряженная струна, приготовившаяся к прыжку львица, опустошенная и усталая, взрослая, чужая. Что он может сказать ей?

– Мне жаль, – пробормотал он. – Действительно жа...

– Я это уже слышала. – Холодно оборвала его Кристина, вцепившись в рукава платья. – Твой отец был чудесным человеком.

– Да, но я не об отце сейчас, – осторожно сказал Дэниэл. Она не отвела взгляда, и в нем не промелькнуло ничего, чтобы выдало ее истинные чувства.

– Я знаю, – вздернув подбородок, сказала она. – Не поздно ли для сожалений?

– Нет. Не думаю, – сбивчиво ответил он, чувствуя себя крайне нелепо. Что, черт побери, он пытается сказать? Ду-

рак, беги, пока не поздно.

– Ты, вообще, редко думаешь. – нервно усмехнулась Кристина, подходя к дивану, отодвинутому к стене, и села на него.

– Крис, послушай....

– Нет! – яростно воскликнула она. Глаза ее метали молнии. – Я не Крис тебе. И я не буду слушать. Не хочу. Чтобы ты не сказал, мне совершенно не нужно.

– Ненавидишь меня? – спокойно спросил он.

– А ты как думаешь? Дэниэл, давай прекратим ломать комедию. Нам обоим известно, что ты за человек. Если бы я могла бы пережить судебное разбирательство, я бы посадила и тебя и твоих дружков. Но ты, как всегда, вышел сухим из воды. Если бы я могла вернуться и убить тебя, то сделала бы это, не колеблясь. В отличие от тебя, я обладаю моральными устоями. И я верю в Бога. Верила. Убийство не сделало бы меня счастливее, а ты бы все равно ничего не понял. Мы оба не хотели этой встречи. И, как цивилизованные люди, будем притворяться, что относимся друг к другу сносно. Я не стану биться в истериках и нападать на тебя, если нам придется еще раз столкнуться. Я смогу заставить себя общаться с тобой на людях, но сейчас нет смысла играть роли.

Высказавшись, Кристина умолкла. Дэниэл смотрел на нее какое-то время, не зная, что ответить. Нужно бы принять то, что она предлагает.

– Кристина, я был под кайфом. Я не осознавал, что про-

исходит, – выдохнул он. Конечно, это не оправдывало его, но он должен был сказать.

– Я знаю, – кивнула она, глядя прямо ему в глаза. – Но до .... До того, как все произошло, целый год, ты не был под кайфом, Дэниэл. Все, что случилось, стало лишь печальным эпилогом твоего отношения ко мне. Я нисколько не отрицаю своей вины.

– Твоей вины? – лицо его вытянулось от изумления.

– Да. Если бы не моя глупость, не моя наивность, – Крис отвернулась. – Я не хочу все это беречь. Все слишком тяжело. Если тебе нужно искупление, то ты напрасно стараешься, хоть я и мало верю в твое раскаяние.

– Я понимаю. – тряхнул головой Дэниэл. – И очень сожалею. Я не прошу простить меня, потому что знаю, что это невозможно.

– Да, Дэниэл. Невозможно, – согласилась Кристина, тяжело вздохнув, и посмотрела на него без ненависти. – Столько лет прошло. Тебе лучше уйти сейчас. Я в порядке. Не волнуйся.

Он внимательно смотрел в пустые холодные глаза. Она лгала. Это было очевидно.

– Хорошо, – Дэниэл оторвался от двери. – Я пойду. Что ты будешь делать?

– В плане? – не сразу поняла Кристина.

– Останешься в Москве до оглашения завещания? – пояснил Дэниэл. Молодая женщина, сдвинув брови, недобро по-

смотрела в его сторону.

– Не терпится избавиться от меня? – не удержалась от издевки, но тут же взяла себя в руки. – Я останусь до девятого дня, а потом улечу в Лондон. Мне не обязательно присутствовать на оглашении завещания. Мне ничего от тебя не нужно.

– Не от меня. Кристина, – сухо напомнил Дэниэл. – Такова была воля отца. Ты же не откажешь ему в последней просьбе?

– А у меня есть выбор?

– Выбор всегда есть, – выдохнул Норман с какой-то непонятной грустью. – Делай, как считаешь нужным.

– Ты ни возражаешь, если я побуду в этом доме до конца недели? Или мне переехать в гостиницу?

Она успела заметить, как напряглись его челюсти, прежде чем отвела глаза. Она была совершенно сбита с толку поведением человека, разбившего ее сердце, превратившего ее жизнь в крошечный ад. Неужели у него есть совесть? Ему действительно жаль? Только какой прок от его сожалений? Они не вернут восемь долгих лет утраченной юности, бессонных ночей, и убитого ребенка.

– Это такой же твой дом, как и мой. Оставайся здесь хоть навсегда. – решительно ответил Дэниэл. – У меня квартира в центре, рядом с офисом. Не представляешь, как сложно с утра куда-то добраться. Всюду пробки.

– Я помню, – бесстрастно отозвалась Крис. – Навсегда я

здесь не останусь.

Дэниэл ничего не ответил. Говорить было больше не о чем. Сняв с вешалки черное стильное пальто, он быстро накинул его и бросил на нее прощальный взгляд.

– До свидания, Кристина, – на лице Нормана мелькнула неуверенность. – Может, еще увидимся.

– Да, на оглашении.

– Возможно, в церкви или на кладбище, на девятый день.

– До свидания, Дэниэл, – холодно отрезала Кристина, поднимаясь. Кивнув, он открыл дверь и ушел.

Едва дверь закрылась за ним, женщина без сил рухнула обратно на диван. Ее колотила мелкая дрожь. Желудок сводило от бесконечных спазмов. И все же она пережила не только встречу с самым страшным кошмаром в своей жизни, но даже разговор с человеком, лишившим ее жизни. Устало закрыв глаза, она попыталась восстановить дыхание, привести в порядок хаотичные мысли.

Следующий час она потратила на горячий почти обжигающий душ. Она скребла кожу до красноты, словно это могло спасти ее от оживших страхов. Зубы ее стучали, как в ознобе, голова кружилась. Она потеряла бы сознание, если бы не Лиза, которая почувствовав неладное, ворвалась в ванную и вытащила ее из горячей воды. Бережно обтерев подружку махровым полотенцем, женщина проводила ее в спальню и уложила в постель.

– Я принесу чай, – поцеловав ее в лоб, сказала Озерова.

Кристина чуть не расплакалась, чувствуя себя виноватой перед Лизой. Ей бы хотелось наконец излечиться и порадовать ее. Ей всегда что-то мешало. Какой-то сломанный механизм не желал заводиться. И его нельзя было заменить или вставить новые батарейки. Кристина понимала, что ей придется жить с этим всегда.

– Лиз, – позвала Кристина, натягивая одеяло до горла. Озерова нежно улыбнулась, присаживаясь рядом и протягивая подруге чашку с чаем. – Ты помнишь Пьера?

– Да, Крис, конечно, помню.

– Он потерял жену, двоих детей, стал калекой, но нашел в себе силы жить. Как ты думаешь, он действительно счастлив, или это такая маска?

– Нет, Пьер счастливый человек. Он – молодец.

– Почему я так не могу? – задала Кристина вопрос, который мучил ее больше всего. Лиз внимательно посмотрела в ее бледное лицо, обрамленное темными с седыми прядями волосами.

– Можно лишиться ног, рук, семьи, и ничто и никто не заменит этой потери, но даже в таком случае человек учится, приспособливается, принимает жизнь такой, как она есть. Но, если лишаешься души, то выход только один. Найти ее, вернуть.

– Как?

– Не как, а где.

– И где же моя душа?

– Там, где ты ее оставила, – произнесла Лиза, поднимаясь на ноги. Кристина обожгла язык горячим чаем.

– И где же я ее, по-твоему, оставила? И что-то я не припоминаю, чтобы психологи заговаривали о душе. Неужели ты веришь в то, что говоришь?

– Тебе нужно, чтобы я это сказала. Ты никогда не говорила о произошедшем ни с кем. Тебе пора научиться доверять людям, быть искренней с ними. Выговорись, расскажи мне все сама. С самого начала. Станет легче, поверь.

– Нет, – отрицательно качнула головой Кристина. Лиз лишь печально улыбнулась. – Мне не станет легче, а ты итак все знаешь.

– Ты должна выплеснуть свои чувства, понимаешь? Только живые эмоции могут воскресить тебя. И я думаю, что, несмотря на то, что сейчас в твоей болезни наметился рецидив, все к лучшему. Нужно было привезти тебя раньше. Переболев все снова, ты не соришь, а восстанешь....

– Как птица Феникс, – усмехнулась Кристина. – Из пепла. Ты романтик, Лиз. Я нет. И нет у меня никаких чувств, ни настоящих, ни искусственных.

– Нет, не думаю. Хочешь поговорить о сегодняшнем дне?

– Нет.

– Это необходимо, милая.

– Я не хочу, – категорично тряхнула волосами Монахова.

– Ты в ярости. Это хорошо. Выплесни ее, можешь, кричать, если хочешь, но только не замыкайся, не заталкивай

свою боль внутрь.

– Да, черт возьми, я в ярости. А как иначе? – глаза девушки метали молнии, она с грохотом поставила чашку на прикроватный столик, выплеснув часть содержимого. – Я ожидала совсем другого. Я думала, что ненависть испепелит меня. Что я увижу прежнего Дэниэла Нормана, таким, каким запомнила. Столько лет он был для меня страшным чудовищем, демоном из ада, и вдруг заявляет, что сожалеет, он, бл*дь, раскаивается. Я не верю ему, Лиз. Меня просто трясет от гнева. Как он смеет, вообще, говорить со мной? Он жалеет только о том, что я не умерла тогда. Именно этого он добивался. Моей смерти. Дэниэл не думал, что ему снова придется столкнуться лицом к лицу со своей жертвой. Он похоронил меня восемь лет, но я осмелилась воскреснуть. Я жива, Лиз, и именно об этом неприятном факте Дэниэл Норман жалеет больше всего.

– Ты не права, Кристина. Я тоже ожидала увидеть бесчувственного монстра, но увидела обычного человека, который много и часто ошибался в своей жизни.

– Лиз, как ты не понимаешь? – слепящий глаза гнев в одночасье обернулся отчаянной грустью. – Я была девочкой. Маленькой наивной девочкой. Я так его любила. Я готова была простить ему все, а он отдал меня на растерзание своей своре, обожравшись наркотой. Мне только исполнилось восемнадцать. Я так мало знала о жизни, о жестокости, презрении, слепой ярости, болезненном упрямстве. В то время

как другие девушки только учатся жить, я училась умирать. С каждым днем, с каждым вздохом. Без причины, без объяснений. Просто потому что, он хотел наказать мою мать за то, что посмела стать хозяйкой империи Норманов, просто потому, что боялся потерять свое чертово наследство. Будто деньги могут значить больше, чем человеческая жизнь. Испорченный, избалованный, привыкший все делать по-своему, он сделал меня грушей для битья. Всю свою ярость и недовольство излил на молоденькую девушку, которая даже не догадывалась, какой дьявол правит его душой.

– У тебя есть весомые причины для ненависти. – согласилась Лиза, отводя глаза. – Но ненависть – не выход. Ты ничего не изменишь и не поможешь себе, если будешь изводить себя страшными воспоминаниями.

Глава 5

Дни тянулись мучительно медленно. Кристина старательно носила маску внешнего спокойствия и усиленно работала над собой. В одну из трех ночей она смогла заснуть без снотворного, а Лиза, в свою очередь, делала все, чтобы отвлечь подругу от тяжелых мыслей и воспоминаний. Днем они бродили по городу, тратя деньги в бутиках и салонах красоты. Озерова заставила Кристину покрасить волосы, чтобы избавиться от старивших ее седых прядей. Потом, облачившись в обновки, купленные днем, подруги направлялись в кино, а после ужинали в ресторане, шокируя посетителей своим внезапно-гламурным обликом.

Иногда Лиза замечала, как хохочущая до упада Кристина вдруг замыкалась, глаза ее застилала пелена, и она словно мысленно ускользала куда-то очень далеко. Никакие уговоры не могли заставить рассказать, где она бывает в такие моменты. Лиза понимала, что Кристине нужно немного больше времени. Девушка только что потеряла мать. Нет нечего удивительного в том, что она тоскует о ней.

Огромное количество времени Кристина тратила на телефонные переговоры со своим агентом в Лондоне, который организовывал выставки девушки. Самая последняя, состоявшаяся в Дрездене полгода назад имела колоссальный успех. Критики выделяли девушку среди молодых современ-

ных художников и прочили большое будущее.

В отличие от Кристины, Лиза прекрасно понимала причины популярности картин подруги. Скупая на эмоции Кристина выливала всю свою нерастраченную страсть, а иногда и злость в свои работы. И сколь бесстрастной была Монахова, столь чувственны были ее работы, в них горела сама жизнь, та, которой лишала себя художница. Лиза видела ее юношеские работы десятилетней давности, и они разительно от тех, что она творила сейчас. Удивительно и отчасти кощунственно, но именно трагедии, произошедшая с ней, Кристина была обязана своему успеху.

Почти все картины Кристины Монаховой уходили в лет, и по хорошей цене. С каждой ежегодной выставки девушка оставляла себе только одну картину. Восемь лет. Восемь работ. И на каждой тайная исповедь, боль и отчаяние. На каждой мужчина. Нет, она не пыталась рассказать миру о том, что случилось с ней, она делала это для себя. До малейшей подробности отражая внешность насильников, безумную злобу на их лицах, Кристина надеялась, что, обличив свою ярость в краски, она, наконец, успокоение. Все виновники были обличены в ее работах. Все, кроме одного. Того, кто был в каждой картине безмолвной темной тенью в углу. Любители ее творчества терялись в догадках, пытались найти объяснение этой странной серийности непродаемых полотен. Напрасно они вглядывались в неумолимый темный силуэт мужчины на заднем фоне, пытались разгля-

деть его черты и разгадать, наконец, загадку художника. На последней своей выставке Кристина позволила разглядеть только руку, покоящуюся на рукоятке кресла. Руку с тонким обручальным кольцом.

Лизе не раз доводилось наблюдать, как невольный озноб пробирает людей, бросающих любопытные шокированные взгляды на эти ее полотна. У Кристины получалось, как нельзя лучше отразить в работах свою израненную душу. Ни один нормальный человек не мог не ощущать могильного холода и душераздирающего крика разбитого сердца, исходящих от полотен. И даже, если бы художница решилась их продать, не нашлось бы желающих приобрести.

Через полгода запланирована новая выставка, и несколько картин уже готовы. Лиза невольно ждала еще одну странную работу, гадая, решиться ли Кристина на последний шаг, и принесет ли ей это долгожданное облегчение.

***

Как бы ни боялась Кристина новой встречи с Дэниэлом, она все же состоялась. Как и он предвидел – на девятый день, на кладбище.

Подруги об руку шли между могилами, пока Кристина не замерла, заметив бывшего мужа. Он стоял перед памятником отцу, сунув руки в карманы пальто. Шел снег. Крупные хлопья падали на его черные опущенные до плеч волосы. Дэниэл не видел приближающихся женщин и казался очень замерзшим. Еще бы. Выпендриться в фирменные кроссовки

в такой мороз. Подозрение, что Дэниэл специально поджидал тут ей, караулил, искал встречи застало Кристину врасплох, напугало до чертиков. Она готова была развернуться и броситься наутек, но Лиз удержала от столь глупой выходки.

– Здесь вы не враги, – тихо шепнула Лиза, сжимая руку Кристины и почти волоком таща ее к могилам Норманов. Снег под ногами трещал, но Кристина не слышала ничего кроме пульсирующих толчков в висках. Из-за снежных туч вышло солнце и ударило по глазам. Зажмурившись, Кристина запнулась и чуть не полетела в снег, но Лиза, как всегда, оказалась под рукой.

Оторвавшись от своих мыслей, Дэниэл поднял голову. Синие непроницаемые глаза словно прилипли к лицу Кристины. В свете солнечных лучей они казались неестественно яркими. Она невольно вспомнила совсем другое время, и то, что могли сделать с ее сердцем эти непостижимо-красивые глаза. Как все это далеко и неправда. Восемь лет назад она могла бы убить его, выйти из тюрьмы и сейчас стоять на его могиле. Но вернула бы ей его смерть счастье, надежду, любовь, свет и слезы? Уменьшило бы боль и отвращение? Глядя сейчас в небесно-синие глаза, она почти не верила, что он сотворил с ней ужасающее по своей жесткости преступление.

Вежливое недоумение в его глазах сменилось напряженной улыбкой.

– Я опять тебя не узнал. Ты просто мастер перевоплоще-

ний, – Вместо приветствия произнес он. Кристина замерла в трех шагах от него, как раз рядом с могилой матери. Каждый из них скорбел по своему близкому человеку.

– Зато ты не меняешься, – резко ответила Кристина. Дэниэл нахмурил брови и перевел взгляд на сдержанно улыбающуюся спутницу грубиянки. – Доброе утро, Лиза.

– Привет, Дэниэл, – вполне дружелюбно ответила Озерова, протянув ему руку для пожатия. – Как ваши дела?

– Не очень. Мы же на кладбище, – не без иронии ответил Норман. Кристина бросила на подругу укоризненный взгляд.

– Понимаю, – мягко отозвалась Лиза. – Я забыла, как тяжело терять близких. Мама умерла, когда мне был восемь, а отца я убила.

Брови Дэниэла поползли вверх. Похоже, даже он потерял дар речи.

– Не переживайте, я сделала это непреднамеренно. Самооборона. Меня даже не судили. Мне было тринадцать лет.

– Да уж. А я-то думал, что у меня странная жизнь, – выдохнул Дэниэл, во все глаза, глядя на маленькую блондинку.

– Не берите в голову. Каждый получает то, что заслуживает, – тон ее был двусмысленным. И судя по тому, как заиграли желваки на лице Дэниэла Нормана, стрела попала в цель. В отличие от него, Кристину не удивляла шокирующая откровенность подруги. Она уже привыкла к ее выходкам. Лиза опять играла в психолога. Сейчас она выбрала тактику погружения клиента в легкий шок, чтобы вызвать у него нуж-

ные ей эмоции, которые впоследствии собиралась разложить по полочкам. Дэниэл даже не подозревал, что стал объектом исследований. Так тебе и надо, – злорадничала про себя Монахова.

Все вдруг замолчали. Напряжение росло. Кристина украдкой бросила взгляд на Дэниэла, но тут же отвела глаза, заметив, что он тоже украдкой разглядывает ее. Молодая женщина расправила плечи, осознавая, что выглядит отлично. Его избалованному взгляду не к чему придраться. Дурнушкой Кристина Монахова никогда не была. Внимание мужчин являлось для женщины тяжким бременем. Ей нечего было предложить им, кроме пустого сердца и презрения ко всему сильному полу.

– Не передумала уезжать? – первым нарушил тишину Дэниэл. Кристина безразлично повела плечами.

– Мне необходимо уехать, – отчеканила она. – У меня работа в Лондоне.

– Я знаю, что ты продолжила заниматься живописью. Вика много рассказывала о твоих выставках. Она гордилась тобой, – опустив взгляд на мраморное изваяние памятника, произнес Дэниэл отстраненным голосом. Боль стальным обручем сжала ее сердце. Мама никогда не рассказывала ей, что...

Кристина резко отвернулась, чтобы он не увидел смутения на ее лице. Мама говорила с ним? Рассказывала о ней? Как она могла? Все это время, пока она заживо хоронила се-

бя в туманном холодном городе, они, оказывается, за чаем в тесном семейном кругу говорили о ней? Не в силах переварить все это, Кристина побежала прочь, вилля между неровными рядами могил. Даже Лиза не ожидала такой реакции.

– Что я такого сказал? – растерянно уставился на Озерову Дэниэл Норман.

– Вика не говорила ей, что вы общались после того, что случилось. Кристина, вообще, никогда о тебе не говорила. Ни с кем, включая мать. Кристина думала, что Виктория разделяет и понимает ее чувства, – женщина смерила его долгим оценивающим взглядом. – Можно, задать один вопрос, Дэниэл?

Он посмотрел в глаза маленькой, но храброй женщине, которая, казалось, видела его насквозь.

– Зачем я это сделал? – попытался угадать он. Лизе не понравился сарказм в его голосе. Он неискренен сейчас. Как и Кристина, Норман носил маску, за которой прятал настоящие чувства, если они, конечно, у него есть. Пока Озеровой не удалось его разгадать. Пока....

– Нет, не угадали. Боюсь, вы еще сами себе не готовы ответить на этот вопрос, – Лиз посмотрела вслед Кристине, которая почти пропала из поля зрения. – Что вы хотите сейчас, Дэниэл?

– Не знаю, – пожал плечами Норман. – Может быть, прощения.

– Вы думаете, что оно возможно? – сухо поинтересовалась

Лиз. – И, если на долю секунды представить, что Кристина все же простила вас. Что это даст вам, Дэниэл? Вы простили себя?

– Нет, и вряд ли когда-то смогу, – на этот раз ответ прозвучал абсолютно искренно.

– Уверена, что вы не лжете, – удовлетворенно кивнула Лиза. – А теперь догоняйте ее. Заставьте Кристину принять ваше существование, смириться с ним. Только ради Бога не пытайтесь обольстить, второй раз это не сработает. Вы только испугаете ее.

– Зачем вы помогаете мне? – изумился Дэниэл, краем глаза следя за передвижениями Кристины.

– Не вам, Дэниэл. А ей, – сдержанно поправила Лиза.

– Вы такой хороший друг? – снова ирония в его голосе неприятно резанула слух. Дэниэл Норман еще далек от того человека, который смог бы стать полноценной ячейкой общества.

– Не совсем, – не сразу ответила Лиза. – Не совсем друг.

Дэниэл прищурился, оценивающе разглядывая невысокую блондинку, смело смотрящую ему прямо в глаза. Похоже, эта женщина ничего не боится. С чего, интересно, она взяла, что он собирается бежать за Кристиной? Дураку понятно, что она даже говорить с ним не захочет. А дураком Дэниэл Норман чувствовать себя не привык. Ну, да ладно, попытка не пытка.

***

Кристина поскользнувшись, снова чуть не упала. Она устала. Бег привел ее мысли в порядок. Она прислонилась спиной к толстому обледеневшему стволу дуба и пыталась восстановить дыхание. Холодный воздух обжигал легкие. Закашлявшись, девушка закрыла рот пушистой варежкой. Почувствовав чью-то руку на своем плече, она нервно вздрогнула и обернулась. Синие глаза смотрели на нее с сочувствием. Так близко, что она задохнулась. Желудок болезненно сжался.

– Нет, не прикасайся, – закричала она, отскакивая в сторону, но было уже поздно. Внутренности свело судорогой. Отбежав еще на несколько шагов вперед, женщина упала на колени. Ее снова рвало. Господи, а она-то надеялась, что справиться. Стоило Дэниэлу дотронуться до нее, и вся ее многолетняя работа над собой полетела к черту.

Дэниэл растерянно наблюдал за сжавшейся фигуркой. Неужели это из-за него? Ее от него тошнит? Норман почувствовал, как краска ударила ему в лицо. Никогда еще он не казался себе таким омерзительным. Животное, это ты с ней сделал. Необходимо что-то сказать или уйти, но он не мог двинуться с места и дар речи не возвращался. Снег мокрыми гроздьями сыпал с неба, ветер нещадно бил в лицо. Но он не чувствовал холода.

Омыв рот снегом, Кристина поднялась с колен. Ее трясло от слабости. Боже, сделай так, чтобы я обернулась, а его не было, молила она про себя. Но Бог сегодня был к ней неми-

лосерден, как, впрочем, и всегда.

– Никогда не трогай меня, – пробормотала она безжизненным тоном. – Никогда. Понял?

– Да, как тут не понять, – натянуто отозвался он. – Я могу чем-то помочь?

– Ты уже помог, – жестко произнесла Кристина. – В свое время.

– Пойдем куда-нибудь. Тебе нужно поесть, – неожиданно для самого себя предложил Дэниэл. Кристина часто заморгала, вытирая подтеки туши под глазами.

– Это плохая идея, – наконец, выдавила она.

– Ты не хочешь есть? Или не хочешь идти со мной?

– Я никогда не хочу есть, Дэниэл. И тем более, с тобой. Я ответила на твой вопрос?

– Ты боишься меня? – это был вызов. Он пытался схитрить. Да, таким его Кристина помнила. Стало даже легче.

– Только не теперь, – уверенно покачала головой она. – Просто не вижу смысла.

– Мы должны что-то сделать с этим, – заявил Дэниэл. Самонадеянный ублюдок.

– С чем?

– С твоим недугом. Мне не очень-то нравится, что из-за меня тошнит женщину. – Дэниэл улыбнулся уголками губ. – Удар по самолюбию.

– А мне плевать на твое самолюбие. И, вообще, у тебя его никогда не было мужского самолюбия.

– Брось, Кристина. Просто пообедаем вместе и все. Никому от этого хуже не станет, – настаивал Дэниэл. Забывшись, он протянул руку, чтобы дотронуться до нее, но по расширившимся от ужаса глазам, понял, что делать этого не стоит. – Прости. Пойдем?

– Что тебе нужно? – в лоб спросила Кристина, пристально глядя ему в глаза.

– Точно такой вопрос мне задала твоя подруга несколько минут назад, – усмехнулся Дэниэл. Кристина смотрела на его длинные ресницы. Почему он не стал менее красивым? Не постарел, не располнел, не облысел? Как внешность порой не совпадает с внутренним миром человека. Если бы она поняла это раньше, то многих трагедий удалось бы избежать.

– И что ты ответил? – тихо спросила она.

– Спросишь у нее сама, – пожал плечами Дэниэл.

– Мы не говорим о тебе. Я не говорю о тебе. Но ей бы хотелось. Лиз думает, что нужно взглянуть в лицо страху, чтобы справиться с ним.

– Но не только Лиза такая умная. Это всем известно, – с сарказмом заметил Норман. Кристина спрятала руки в рукава шубы. – А твой страх – это я?

– Нет. Ошибаешься. Я давно не боюсь тебя.

– И никогда не боялась, – добавил он, глядя ей в глаза. Девушка судорожно сглотнула.

" Я умираю, Дэниэл. Вызови врача. Пожалуйста, вызови ». Кристина тряхнула головой отгоняя кошмарное воспо-

минание. Нет, она не боялась его. Даже тогда. Даже, когда он безжалостно хлестал ее по щекам, рассердившись из-за какого-нибудь пустяка. Даже, когда наматывая ее волосы на кулак, волок через весь дом в спальню. В такие моменты де-вушка закрывала глаза и вспоминала другого Дэниэла. Дэниэла, которого она узнала в двенадцать лет. Красивого, уверенного в себе, безумно обаятельного, веселого. Кристина не заметила, когда произошла перемена, и существовал ли вообще тот Дэниэл, которого себе нафантазировала малолетняя дурочка. Она упустила момент, когда стала для него способом уязвить мачеху и отца, и долгие месяцы ждала, когда он вернется. Обаятельный и внимательный Дэниэл. Он не вернулся. Его никогда не было. Иногда Крис казалось, что это она создала чудовище, она вызвала зверя, прощая и позволяя ему слишком многое.

Ей больше не обмануть себя. Каждый раз, когда Крис будет смотреть в его непроницаемые глаза, перед ней будет всплывать та комната, возбужденный хохот мужчин, ледяной холод металла на запястьях, и склонившееся над ней лицо мужа с безумным отсутствующим взглядом, зажавшего в пальцах перед ее носом ключи от наручников.

"Как ты мог, Дэниэл, как же ты мог?" – кричала ее душа долгие восемь лет. Он не ответит ей на этот вопрос, потому что она никогда не спросит. А ведь она до последнего надеялась, что ее непутёвый муж одумается, что он очередной раз попытается испугать ее. Крис помнила, как смотрела ему

в глаза, глазами, полными недоверия, ужаса, обиды, как билась в своих оковах, словно раненое животное. Да, она понимала, что Дэниэл не контролировал себя, находясь под воздействием запрещённых препаратов, смешанных с литрами алкоголя. Он вряд ли что-то запомнил из событий, которые необратимо изменили ее, разрезав жизнь на две половины. Если бы Кристина могла стереть свою память... Она хотела забыть, но не могла. Боль, ужас, отчаяние, шок, кровь, смерть... так близко, что чувствовала ее зловонное дыхание на своем лице.

Это были последние в ее жизни эмоции.

Дэниэл Норман больше ничего не сможет ей сделать. Она его больше не боится.

Закусив губу, Кристина опустила глаза.

– Пойдем, – согласно кивнула она. – От меня не убудет.

– Вот так-то лучше, – улыбнулся Дэниэл. Они шли рядом и молчали. Его автомобиль был припаркован на стоянке возле кладбища.

– Тебе подходит, – задумчиво пробормотала она, проводя рукой по холодному металлу.

– Что? – переспросил Дэниэл.

– Красивая машина, – пояснила Кристина, открывая дверцу Лексуса.

– Это комплимент? – их взгляды встретились. Кристина попыталась выдавить равнодушную улыбку.

– Нет, констатация факта, – сказала она, садясь на перед-

нее сиденье.

– И все равно спасибо, – он сел рядом и завел двигатель. – Ты тоже прекрасно выглядишь.

– Я говорила о машине, – девушка уставилась в окно.

– А я о тебе.

Всю дорогу Кристина корила себя за глупость. Как ему удалось уговорить ее поехать с ним? Было бы так легко отказаться и поехать домой. Завтра она улетит в Лондон, а потом увидит его только через три недели.

Господи, как же все сложно. Еще несколько дней назад ее мутило от сознания, что ей приходится дышать с ним одним воздухом, и вот она едет с ним обедать, словно они закадычные друзья, встретившиеся после долгой разлуки. Она сошла с ума, раз снова позволяет манипулировать собой. Ярость в ее душе боролась со здравым смыслом. Одна часть ее жаждала мести, мечтала разодрать ногтями его смазливую физиономию, а другая хотела освободиться от ненависти и боли.

Дэниэл выбрал тихое немногочисленное кафе, чем несказанно удивил ее. Она и представить не могла, что ему могут нравиться столь скромные заведения. Она помнила, как Дэниэл ночи напролет пропадал в клубах. Развлечения, женщины, наркотики, алкоголь – это, все, что интересовало Дэниэла Нормана в двадцать четыре года.

Возможно, Лиза права и время меняет людей. Кристина посмотрела на него поверх меню. Сдержанное красивое лицо, чувственные губы, сосредоточенный взгляд, уверенная

осанка. Внешне он стал еще привлекательнее. Это чертовски несправедливо.

Пока Дэниэл тщательно изучал меню, она изучала его, пытаясь найти фальш в его поведении. К столику подкатила шикарная длинноногая блондинка. Неужели все официантки одинаковы? Любезная улыбочка, невероятное декольте, короткая юбка. Ее заинтересованный взгляд остановился на Дэниэле. Знакомая ситуация. Встав напротив него так, что, подняв голову, его глаза непременно оказались бы напротив ее внушительного бюста, она сказала стандартную фразу. Голос у девушки был под стать груди. Чувственный, глубокий, сексуальный. Кристина невольно скользнула по ней оценивающим взглядом.

– Вы готовы сделать заказ? – повторила девушка, не дождавшись ответа. Дэниэл рассеянно посмотрел на Кристину, игнорируя официантку.

– Ты определилась? – мягко спросил он. Кристина, прищурив глаза, наблюдала за ним. Он, что серьезно не замечает великолепную грудь прямо у него под носом? Или просто держится своей роли?

– Я буду мороженое и сок. – вымученно улыбнувшись секс-бомбе, сообщила Кристина. Дэниэл нервно кашлянул.

– Мороженое? В такой мороз? Давай, хотя бы кофе и пирожное?

– Хорошо, добавьте к заказу еще кофе и бисквит.

Кристина, как замороженная, продолжала улыбаться офи-

циантке, пока Дэниэл диктовал свой заказ. На девушку он все же взглянул, но скорее, раздраженно, нежели с интересом. Когда она отправилась с заказом на кухню, Кристина, наконец, перевела взгляд на своего спутника. Он, в свою очередь, наблюдал за ней. Причем с откровенным беспокойством.

– Что-то не так? – уточнила Кристина.

– Да. Ты пялилась на эту шлюху, словно вы сто лет знакомы.

Улыбка сползла с лица Монаховой.

– Нет, это ты, похоже, с ней сто лет знаком, чтобы знать такие подробности о ее моральном облике, – резко произнесла девушка, доставая сигареты из сумочки.

– Не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что собой представляет эта девица.

– Смотрю, ты так и не научился относиться к женщинам с уважением.

– Женщина женщине рознь, – безапелляционно заявил Дэниэл. Что ж, он имеет право на свое мнение. Тем более, что Норман не далек от правды, хотя внешне девушка очень хороша.

– Я сама, – отрезала Кристина, когда он потянулся к ней с зажигалкой. Он сжал челюсти, но промолчал. Мудрое решение, Дэниэл.

– Что имела в виду Лиза, когда сказала, что она тебе не просто друг? – спросил он, пронзая ее своими синими гла-

зами. Если Кристина и смутилась, то виду не подала. Ему никогда не понять своим скудным извращенным умом всю глубину их отношений с Лизой.

– А как тебя это касается? – надменно поинтересовалась Монахова, выпуская струйку дыма ему в лицо. Она понимала, что ведет себя вызывающе, но остановиться не могла. Лиза бы сказала, что это стандартная реакция на нервное напряжение. Нападение – лучшая защита.

– Это простой вопрос, – он не сводил с нее изучающего взгляда. – Я любопытен.

– Извини, но у меня нет никакого желания удовлетворять твое любопытство, – Кристина улыбнулась, довольная собой. Дэниэл пожал плечами, давая ей понять, что тема ему больше не интересна.

– Ты раньше не курила, – заметил он.

– Я много чего раньше не делала, – смешок, вырвавшийся из ее губ, прозвучал крайне непристойно. Она не знала, в чем пытается убедить его.

Дэниэл отвел взгляд и снова решил сменить тему.

– Может, выпьем вина? Я оставлю машину здесь, возьму такси.

– А есть повод?

– Почему ты все время отвечаешь вопросом на вопрос? Это просто дурацкая привычка, или ты пытаешься таким образом показать свое превосходство?

– Ответь сам. Ты же умный, – снисходительно разрешила

Кристина.

– Черт! – выругался Дэниэл, проведя рукой по блестящим черным волосам. Он даже не пытался скрыть свое раздражение. – Я не позволю тебе спровоцировать ссору, – неожиданно спокойно сказал он.

– Я и не хочу ругаться, – заверила его Кристина. – Ты просто привык к другому отношению к своей персоне. Не я настаивала на совместном обеде.

– Сдаюсь, – Дэниэл поднял руки в знак капитуляции. – Говори, что хочешь.

– Так просто? – Кристина удивленно вздернула бровь. Ее глаза потемнели от гнева, когда она заметила его взгляд на своих губах.

– Не смотри на меня так, – приказала она.

– Как? – невозмутимо уточнил Дэниэл.

– Никак. Ты меня понял, – мрачно отозвалась Крис, смерив его ледяным взглядом.

– Ладно, я не буду смотреть, не буду трогать. Довольна?

– Да.

– Что я еще могу сделать для тебя? – простой вопрос, но Кристина вдруг растерялась. Сердце предательски дрогнуло, и она снова разозлилась.

– Дэниэл, не пытайся задобрить меня. Не выйдет, – с холодной сдержанностью отчеканила она, выговаривая каждое слово. – Я не верю в твое раскаяние. Такие, как ты не меняются. Но я не собираюсь все время твердить тебе, что

ты мерзкое презренное чудовище, сломавшее мою жизнь. Слишком много лет прошло. Что сделано, то сделано. Говорить больше не о чем.

Она замолкла, пепел с ее сигареты упал прямо на скатерть. Дэниэл бросил на нее взгляд из-под длинных ресниц.

– Тебе ничего не нужно твердить. Я и так знаю, кто я, и что сделал. Крис, я же ничего не отрицаю, – он наклонился вперед. Ошеломленная девушка резко отпрянула, вжавшись в спинку стула. – Выскажи мне все. Ударь меня, если хочешь. Только не пытайся обмануть. Ты никогда не умела этого делать. Пойми, я чудовище, но человеческое чудовище, и у меня есть совесть. Я знаю, как непоправимо то зло, что я сотворил, никогда не прощу себе этого. И мой отец не простил, и твоя мать тоже. И тебя я не прошу простить. Я сам не знаю, что хочу сказать тебе. У тебя есть хотя бы ненависть. Есть виновник. Ты ни в чем не виновата. Злодей я. И как, скажи, мне жить с этим?

– Так же, как жил все эти годы. Преуспевая и получая удовольствие от каждой минуты, – Кристина потянулась за новой сигаретой. Необходимо сменить тему. Эта была слишком опасна для ее психического состояния.

– Откуда ты можешь знать, как я жил? – спросил он. – Ты тоже не бедствовала. Получила образование не где-нибудь, а в Лондоне, стала известной художницей, купила квартиру, даже обзавелась «не просто подружкой». Так почему я должен был пропасть в небытие?

– Ты ничего мне не должен, ровно, как и я тебе, – холодно ответила Кристина, бесстрастно глядя на него.

– Нет, должен. Я должен тебе целую жизнь, – проговорил Дэниэл. – Я должен тебе больше, чем могу отдать. Скажи, Кристина, как я могу искупить свой грех?

– Не смей... – Кристина сморгнула набежавшие на глаза слезы. Господи, после стольких лет он несколькими словами довел ее до слез. – Иди к черту, Дэн. Иди ты к черту!

Он не успел опомниться, как она вскочила и, схватив шубу, рванула к выходу. Догонять ее не имело никакого смысла. Дэниэл сказал все, что хотел. Легче не стало, но он попытался.

– Ваша девушка ушла? – спросила подоспевшая с заказом официантка, широко улыбаясь.

– Она не моя девушка, – ответил Дэниэл, не глядя на девицу.

– Понятно, – просияла девушка.

– Ничего тебе не понятно, – грубо ответил Дэниэл и, расплатившись по счету, тоже покинул заведение.

Глава 6

– Что случилось, Дэн? Ты в последнее время сам не свой. Проблемы на работе? – без аппетита ковыряясь вилкой в салате, спросила Мэдисон у племянника, хранящего задумчивое отстраненное выражение лица на протяжении всего ужина. Таким Дэн был на протяжении последних трех недель, с тех самых пор, как в Москве появилась его бывшая жена. Мэдисон искала тысячи объяснений поведению Дэниэла и не могла найти. Ей было трудно поверить, что у него внезапно проснулась совесть, стоило ему пару раз посмотреть на Кристину. Дэниэл являл собой олицетворение современного бизнесмена, жесткого, сдержанного, умеющего с легкостью играть людьми. Он брал от жизни, все, и иногда без спроса.

– Дэниэл, ты меня слышишь? Я задала вопрос.

– Слышу, Мэд, просто задумался. Как, кстати, Инфинити? – наконец, проснулся Норман. Мэдисон облегченно вздохнула.

– Отлично. Я в восторге. Спасибо.

– Пользуйся, пока я добрый, – небрежно пожал плечами Дэниэл, поднося к губам бокал с вином. Приятный аромат щекотал ноздри, оставляя легкое чувство тепла и возбуждения. Совершенно привычно его взгляд лениво скользнул по собравшимся в ресторане девушкам. Каждая из них с удовольствием ушла бы с ним. От понимания собственной все-

дозволенности, становилось скучно. Он прекрасно знал цену женского интереса, и его причину.

– Как поживает твой муженек? Голова не болит? – со смешком спросил Дэниэл. Мэдисон приподняла брови в притворном недоумении.

– А почему у него должна голова болеть?

– Ну, как же. Такие рога! Я бы давно слег от тяжести.

– У тебя их никогда не будет, – парировала Мэдисон.

– Я не так уверен. От вас, прелестные женщины, можно ожидать чего угодно, – усмехнулся Дэниэл.

– Кстати, о женщинах. Что-то я давно не видела Соню.

– Она на съемках в Милане.

– Соня – красавица. – Мэдисон ослепительно улыбнулась.

– Да. – Подтвердил Норман равнодушно, наслаждаясь ароматом дорогого вина.

– И она ведущая модель агентства.

– И она спит со своим фотографом, – Дэниэл насмешливо наблюдал, как бледнеет лицо тети. – Что ты там говорила о рогах?

– Любая женщина нуждается во внимании. Ты слишком редко с ней видишься, она – живой человек.

– Мэд, я не ханжа. Сейчас все так живут. Никаких привязанностей. Главное в отношениях – удобство и выгода. Ей выгодно мое внимание, мне.... А какая, кстати, мне выгода от тупой блондинки?

– Красивое дополнение на светских раутах, – выдвинула

свой вариант Мэдисон.

– Точно! – ухмыльнулся Дэниэл. – Ладно, закрыли тему. Как дела в издательстве?

– Журнал теряет рейтинг. Издательству нужна сильная рука и свежий взгляд. Так говорит Роберт. Он отличный исполнитель, но не управляющий.

– Я не могу ничего сделать, пока не будет оглашено завещание.

– Это лишь формальности, и совет акционеров это понимает.

– Грядет кризис. Редакции, возможно, придется сократить штат.

– Кризис не должен коснуться журнала. Ты же знаешь, что его читатели вряд ли попадут под колеса финансового кризиса.

– Да, просто потеряют миллион, другой, а с горя пойдут в журнальный киоск и купят гламурный глянцевого журнала. – Усмехнулся Дэниэл, прикуривая от свечи сигарету.

– "Блонд" – женский журнал, а женщины денег не считают, – Оспорила Мэдисон. Дэниэл даже подумал, что у его тетки получилось бы управлять крупным издательским домом Норманов. Но он знал, что этой ее мечте не суждено сбыться. Джон никогда бы не допустил Мэд до дела своей жизни. – Ты не забудь, что оглашение завещания будет в пятницу в три часа дня.

– Ты не дашь забыть. Кристину поставили в известность?

– Не вижу в этом смысла, но адвокат ей позвонил, – Сморщив аккуратный носик, ответила Мэдисон.

– Зря ты так уверена, что отец забыл о ней, – произнес Норман. Женщина настороженно посмотрела в синие льдистые глаза.

– Ты что-то знаешь? Он сказал тебе?

– Потерпи, дорогая, осталось четыре дня, – ответил Дэниэл, всем своим видом показывая, что больше она ни слова не услышит о завещании до пятницы.

Глава 7

Кристина все эти две недели работала, как проклятая. И днем, и ночью, без перерыва на обед, и ужин. Только завтрак, который заставляла ее съесть Лиза, и сон – не больше четырех часов в стуки. В итоге она похудела еще сильнее, во взгляде появилось выражение полной отрешенности от реального мира. Только она, ее студия, в которой творились шедевры и рвущийся на бумагу талант. Никаких мыслей, никаких разговоров по душам с подружкой-психологом.

Лиз с растущей тревогой узнавала опасные симптомы. Обычно Кристина уходила в работу, когда хотела забыться, спрятаться и раствориться в своей работе. Подобные погружения происходили довольно часто. И именно в такие дни из-под руки Кристины Монаховой выходили самые продаваемые работы. И именно в такие дни Крис нуждалась в круглосуточном наблюдении и контроле. Лиз старалась находиться поблизости. Студия располагалась как раз над квартирой, в которой они жили вместе уже шесть лет, и следить за состоянием Кристины было необременительно, но у Лиз, разумеется, имелись и собственные дела, другие клиенты, нуждающиеся в помощи.

Заходя в студию утром и вечером, Озерова невольно ожидала увидеть наброски девятого, заключительного полотна из мрачной серии. Но оно не появлялось. Наоборот, все ра-

боты Кристины были полны света и радости. Но Лиз знала, что обычно подруга выбрасывала на полотна прямо противоположные эмоции. А это означало, что на самом деле в душе девушки темно и холодно. Сейчас Лиза была бессильна ей помочь. Кристина должна излечить себя сама. Теперь все зависит от нее. Лиз видела достаточно, чтобы понять это.

***

– Крис,пустишь меня? – стук в стеклянную дверь студии не донесся до слуха Кристины. Она работала в наушниках. Классическая музыка помогала сконцентрироваться, настроится на волну вдохновения. Она заметила вошедшего агента только, когда он встал прямо перед ней, и, протянув руки, снял с девушки наушники. Часто заморгав, Кристина раздраженно уставилась на Вуда Адамса. Засунув руки в карманы узких голубых джинсов, он с легкой улыбкой, в свою очередь, смотрел на нее. Кристина нахмурилась, скользнув по его лицу непонимающим взглядом. Чего уставился?

– Что? – спросила она, поправляя съехавший набок хвост. Не говоря ни слова, Вуд достал из кармана платок и провел кончиком по ее щекам, а потом вручил ей.

– Господи, это я такая грязная? – взглянув на платок, воскликнула Кристина, заливаясь краской.

– Да, и губы синие. Ты тушью работаешь или краску пьешь? – рассмеялся Вуд низким хриловатым смехом. Он был единственным мужчиной в мире, который ее не очень сильно напрягал, хоть Крис и догадывалась, что Вуд не прочь

бы затащить ее в постель. Однако ее сомнительная ориентация охлаждала пыл мужчины. Вуд старомоден в некоторых вопросах, и настоящий верующий католик. Кристина знакома с его родителями, прекрасными людьми, которые уверены, что между их сыном и его подопечной романтические отношения. Вуд просил ее не рассеивать их подозрения, так, как родители непременно начали бы поиск невест. Было очень весело подыгрывать ему на маленьких семейных праздниках, на которые ее частенько приглашали.

– Я умоюсь и переоденусь, а ты пока свари кофе, – бросила Крис, направляясь к дверям и оставляя Вуда одного. На лестнице она столкнулась с Лизой, которая возвращалась с работы. Они вместе вошли в квартиру.

– Там внизу машина Вуда? – небрежно спросила Лиза, водрузив пакет с покупками на кухонный стол. Кристина кивнула и шмыгнула мимо нее в ванную комнату.

– И что ему нужно? До выставки еще не меньше трех месяцев. У тебя всего шесть работ. Смотреть даже не на что, – Лиза прошла за ней в ванну, наблюдая, как Кристина моет лицо, волосы, чистит зубы.

– Принеси мне джинсы, пожалуйста, и свитер. А я душ приму. – Проигнорировав вопрос, попросила Кристина. Она знала, что нет смысла объяснять, что ее и Вуда связывают только деловые и дружеские отношения. Лиз и сама это прекрасно знала, но все время устраивала сцены.

Проглотив обиду, Озерова выполнила просьбу подруги, и

отправилась на кухню, готовить ужин.

Кристина высушила голову, оделась и снова почувствовала себя человеком. Лиз все еще дулась. Обняв ее, Крис звонко чмокнула ее в щеку.

– Лиза, я, наверное, вытащу Вуда прогуляться. Ты не жди меня к ужину.

– Отлично.

– Не обижайся. Мне просто нужно немного освежиться, пройтись, сменить обстановку.

– Не переусердствуй

– Лиз, ты злюка. Я тебя люблю, – игриво взъерошив волосы подруги, Кристина быстро удалилась, пока Лиза не успела еще что-нибудь сказать.

– Вуд, а где кофе? – спросила Кристина, вернувшись в студию.

– Я его не нашел, – виновато развел руками парень. Кристина посмотрела в растерянные голубые глаза и расхохоталась.

– Потому что его нет. Я вчера последний допила. Извини, Вуд. Ты посмотрел работы?

– Да, все прекрасно. Вообще-то, я пришел сказать, что тебя приглашают в Париж.

– Опять?

– Да. Закончишь коллекцию и поедем, – он ослепительно улыбнулся, скользнув по ней заинтересованно-удивленным взглядом. Ямочки на его щеках сделали Вуда похожим

на озорного мальчишку. Почему он до сих пор не женился? Богатый, красивый, правильный. Разве не о таких мечтают женщины?

– Ты изменила имидж?

– А, ты же меня еще не видел после возвращения из Москвы. В четверг ночью я опять улетаю. Я надеюсь, что не задержусь надолго. Нужно закончить со всеми формальностями, и я снова в твоём полном распоряжении, – затараторила Кристина. – А ты, откуда такой красивый. Где твой костюм?

– Ездил с друзьями на природу. Позвонили из Парижа, и я сразу к тебе. Ты рада?

– Конечно. Не хочешь прогуляться?

– С удовольствием. Новая шубка? А где ужасное пальто?

– Вуд, ты видел, что оно ужасное и молчал? – возмутилась Кристина, запирая двери студии и ставя их на сигнализацию. Ее работы пользовались успехом, и следовало соблюдать меры предосторожности.

– Кристин, ты мне нравишься в любом виде. Я же знаю, какая ты красавица, – Он нежно улыбнулся, взяв ее за руку, и повел к своему синему "Порше". Крис вскинула голову, зная, что Лиза наблюдает за ними из окна. Интересно, с высоты тридцать восьмого этажа можно разглядеть, что Вуд держит ее за руку? Вряд ли.

Они поставили машину на стоянку и отправились гулять по набережной Темзы. Вечер выдался на удивление приятный. Сухой чистый морозный воздух наполнял легкие кис-

лородом, кружа голову. Три дня Кристина не выходила из студии.

– Ну, и как Москва? Изменилась за восемь лет? – спросил Вуд, глядя на ее одухотворенное безмятежное лицо. Она так редко выглядела счастливой.

– Да, очень изменилась, – ответила девушка, перестав улыбаться. Ветер трепал ее блестящие черные волосы, в глаза снова закралась грусть. Вуд расстроился. Он не хотел, чтобы она снова уходила в себя.

– Я говорил, что очень сочувствую твоей потере?

– Да, спасибо. Мама была такой молодой. Я не ожидала, что она уйдет так рано. У меня никого кроме нее не было. Я теперь круглая сирота.

– А зачем тебе снова возвращаться в Москву?

– На оглашение завещания. Предстоит дележка наследства. Присутствовать должны все члены семьи, – в голосе молодой женщины прозвучал скрытый сарказм. Вуд озадаченно взглянул на нее.

– У твоего отчима есть еще родственники? – спросил он. Кристина никогда не рассказывала о семье, о личной жизни, о прошлом. Вуд знал, что у нее есть мать, так, как видел ее несколько раз на выставках. Про отчима Крис обмолвилась как-то вскользь. Девушка была для Вуда загадкой. Он восхищался ее талантом, красотой, тонким умом, но сдержанность и холодная неприступность удерживали молодого человека от решительных действий. Имелась еще странная

подруга Лиза, и непонятные отношения, связывающие этих двух женщин.

– Да, есть. Сестра с мужем и сын.

– Сын, наверно, твоего возраста. Вы дружите?

Кристина взглянула на него потемневшим взглядом, значение которого не подлежало пониманию. Никогда еще де-вушка не казалась Вуду такой уязвимой.

– Дэниэл, старше меня намного, – сухо ответила Кристина бесцветным отстраненным голосом. – И мы были женаты. Давно. После развода я перебралась сюда.

Вуд остановился. Новость шокировала его. Замужем? Она была замужем? И он до сих пор ничего не знал?

– Ну и ну, – Покачал головой Вуд, глядя на нее. – И сколько же тебе было лет?

– Я не хочу говорить об этом, Вуд. – Она отвернулась и пошла вперед.

– Почему ты мне ничего не говорила? – не удержался от вопроса ее агент.

– А какое это имеет значение? Все давно в прошлом. Я не думала, что еще увижу Дэниэла. Мы плохо расстались. Это все, что я могу сказать.

– Если ты здесь восемь лет, то тогда тебе было восемнадцать. Сколько же вы были женаты? Месяц? Неделю?

– Год, Вуд. И давай забудем об этом, – попросила Кристина с мольбой в глазах. Адамс нахмурился, взяв ее за руку. Здесь что-то не так. Неужели именно эта часть прошлого на-

полняет ее глаза беспричинной грустью в самые счастливые моменты ее жизни? Он никак не мог поверить в то, что она была замужем. У нее был мужчина. Это просто непостижимо.

– Ты его любила. Да? И он разбил твое сердце? Поэтому ты ни с кем не встречаешься? – он сам не верил, что сказал это вслух. Она же просила его забыть об этой теме. Но он ничего не мог с собой поделать. Эта женщина слишком много для него значила, чтобы остаться равнодушным к ее жизни, ее грусти, ее боли. «А что сейчас?» – с тревогой думал он.

– Вуд, я уехала из России не просто так, – ответила Кристина. – Я не могла там остаться. И, если бы не гибель мамы и ее мужа, то никогда бы не вернулась. Я научилась жить, не думая о прошлом. Так легче.

Кристина лукавила. Прошрое всегда было с ней. В каждом ночном кошмаре, в каждом случайном лице, чем-то напомнившем другие лица, в именах, произнесенных с экрана, и даже в подарках матери. Чтобы забыть, ей нужно очутиться на необитаемом острове, но и там будет солнце, будет небо, такие же, как в Москве. И они напоят ей, что под этим небом ходят несколько человек, сломавших ее жизнь, и смотрят вместе с ней на одно и то же солнце. Но никто никогда не узнает об этих мыслях. Это только ее боль. Даже Лизе не забраться так далеко.

– Пойдем, поужинаем? – спросил Вуд, заметив, что девушка зябко ежится. – Замерзла?

Он ласково обнял ее за плечи, и Кристина не отстранилась.

Она вернулась около одиннадцати. Обиженная Лиза спала, свернувшись калачиком на большой кровати. Кристина не хотела ложиться. Надышавшись свежим воздухом и наболтавшись обо всем на свете, она просто не могла заснуть.

С Вудом всегда было легко. Он знал все и обо всем. Она всегда слушала его с открытым ртом, а ведь он старше ее всего на год. Он много путешествовал, побывав почти во всех странах, изучал историю, культуру, религии, говорил на четырех языках, один из которых русский. Пару раз Вуд участвовал в археологических раскопках. Удивительно разносторонний и энергичный человек. Кристина бы хотела быть такой же. Свободной, открытой миру.

Вздохнув, девушка села на диван в гостиной и подогнув ноги, включила телевизор, полистала каналы. Ничего интересного. Задумавшись, она не смотрела на экран, теребя в руках кулон, подаренный матерью на двенадцатилетие. Именно тогда она впервые появилась в доме Норманов. До этого момента мать высылала деньги на содержание дочери, а потом внезапно приехала на красивом автомобиле и сказала, чтобы Кристина собирала вещи и прощалась с бабушкой.

Это был самый счастливый и одновременно грустный день в ее жизни. Бабушка плакала, безуспешно пыталась уговорить дочь оставить ей внучку. Мама сказала, что больше они

никогда не расстанутся и отвезла ее в большой дом Джона Нормана. Кстати бабушка умерла через полгода от инфаркта, и Крис до сих пор винила себя в том, что сердце бабули не выдержало. Но те первые дни новой жизни Кристины были наполненные настоящим счастьем. Мама накупила ей целую гору модной дорогой одежды. Кристина чувствовала себя принцессой из сказок в красивом платье. Виктория надела дочери на шею золотой кулон на цепочке и поклялась, что теперь все будет по-другому. А потом отвезла в огромный дом с чудесным садом и бассейном во дворе. Джон Норман показался девочке благородным и мужественным. Высокий, стройный, черноволосый, с добрым лицом и умными карими глазами. Она полюбила его сразу. Именно так должен был выглядеть ее отец. А потом Кристина увидела Дэниэла Нормана, и поняла, что именно так будет выглядеть ее будущий муж. Мальчишеское обаяние и энергия покорили девочку с первого взгляда. Дэниэл смеялся над ее наивной детской влюбленностью, не воспринимая ее всерьез. Она ходила за ним по пятам, как преданная собачонка. В то время Дэниэл не был с ней груб или холоден, дарил шоколадки, конфеты, мягкие игрушки. Узнав, что девочка любит рисовать, Дэн купил ей огромный набор для юного художника и заверил, что из нее выйдет толк, когда она предоставила на его суд свои первые наброски. Она рисовала и раньше, но те ее работы остались в деревне.

Она никогда не забудет, как плакала в тот вечер, когда ма-

ма сообщила ей, что в конце августа ей предстоит отправиться в Англию, чтобы учиться в хорошей школе. Девочка не могла понять, чем может быть хуже московская школа. Джон Норман провел с Кристиной долгую беседу о том, как важно престижное образование, что ей нужно расширять кругозор, и он беспокоится о ее будущем. Кристина знала, что Джон прав. Образование за границей – очень недешевое удовольствие. Но зачем хорошее образование простой девочке, выросшей в деревне и мечтающей стать художницей? Но спорить не стала из глубокого уважения к отчиму. Мама обещала, что время пролетит быстро, и она будет ее навещать, а на летние и зимние каникулы Кристина сможет приезжать домой. Девочка согласилась, а потом закрылась в своей красивой большой комнате со всеми удобствами и горько расплакалась. Именно в таком состоянии и застал ее Дэниэл Норман. Он сел рядом с ней, и стал ласково гладить по волосам, бормоча слова утешения. Девочка уткнулась носом в его твердую грудь и крепко обняла.

– Обещай, что не женишься, пока я не вернусь, – совершенно наивно потребовала она. Дэниэл не сдержался и мягко рассмеялся.

– Клянусь, – кивнул он, лучисто улыбаясь озорной улыбкой. – Смотри сама там не влюбись в какого-нибудь английского сноба.

– Нет, я никогда тебя не забуду, – горячо заверила она. Дэниэл даже смутился и осторожно отстранил от себя девочку.

ку. И тогда Крис впервые увидела в его глазах это странное выражение. Именно в то лето начался роман Дэниэла Нормана со своей мачехой. И возвращаясь сейчас в те дни, Кристина не могла понять свою мать, которая так часто вместе с Дэниэлом подшучивала над любовью своей дочери. Неужели Виктория не могла предположить, что для девочки эта влюбленность может вырасти в настоящее серьезное чувство? Она могла остановить все тогда. Но молчала.

Отгоняя внезапное чувство обиды, Кристина поднесла медальон к лицу, и долго смотрела на него, потом прикоснулась губами к нагретому в руках металлу. Был один разговор. Перед самым отъездом. Вика пыталась предостеречь дочь, но так и не нашла в себе храбрости открыться. Может, она и была права. Вряд ли ребенок мог понять, почему ее мама изменяет мужу с красивым молодым человеком.

– Тебе понравится в Англии. – сказала мама в последний вечер перед отъездом дочери.

– Да, – подавленно кивнула девочка, прижимая к плоской груди плюшевого медвежонка, подаренного Дэниэлом. – Я буду скучать по вам.

– Я приеду через месяц, – пообещала Виктория, присаживаясь на край кровати рядом с дочерью и нежно обнимая ее. – Все будет хорошо.

– Ты возьмешь с собой Дэниэла? – полные надежды глаза остановились на смущенном лице матери.

– Не думаю, что это хорошая идея, милая. Ты приедешь

на зимние каникулы и увидишь его.

– Это так долго.

– Совсем нет. Пройдет время, и ты забудешь про Дэниэла.

– Никогда, – упрямо заявила Кристина, поджав губы.

– Крис, он не подходит тебе. Он относится к тебе, как сестре. Ты еще мало понимаешь в жизни и мужчинах. Ты потом будешь смеяться над своей глупой влюбленностью.

– А, если нет? Может, я люблю его по-настоящему?

– Это все детский лепет. – Строго сказала Виктория. – Любовь не приходит так рано. Ее, вообще, нет, а если и есть, то от нее одни беды. Пройдет время, и ты обо всем забудешь, встретишь хорошего парня, выйдешь замуж.

Кулон упал из безвольных рук. Порывисто встав, Кристина подошла к окну и распахнула его, впуская холодный морозный воздух. Ворвавшаяся часом позже в ледяную гостиную Лиза, в ужасе уставилась на подругу, которая от холода ничего не соображала. Девушка сидела на полу, обняв руками колени, губы ее посинели, лицо приобрело смертельную бледность.

– Что же ты делаешь! – закричала Озерова в сердцах. Закрыв окно, она одним махом стащила с дивана плед и обернула им Кристину, заставляя ее подняться на ноги. Кристина не сопротивлялась. Храня свое трагическое молчание, она позволила увести себя на кухню и напоить горячим чаем с коньяком. Лиза растирала ее руки, шептала то проклятия, то утешающие слова.

– Ты же не ребенок, Крис. Почему ты так себя ведешь? – со слезами на глазах спрашивала Озерова, крепко обнимая Кристину. – Почему ты все время заставляешь меня бояться? Милая, ты все, что у меня есть. Я люблю тебя. Я никогда не оставлю тебя. Живи, милая, страдай, если хочешь, а лучше забудь про все. Никогда не поздно начать все с нуля. Ты – красивая, молодая. Прекрати сходить с ума. Не заставляй меня принимать серьезные меры.

Кристина будто внезапно проснулась. Туман в ее глазах рассеялся, как только она поняла, куда клонит Лиз.

– Я не позволю заточить меня в дурдоме, – прошептала она.

– Заставь меня передумать, – ласково улыбнулась Лиза. – Мне казалось, что тебе стало лучше. – В голосе ее послышалась неприкрытая боль и разочарование.

– Так и есть, – горячо воскликнула Кристина, крепко сжимая пальцы подруги. – Мне легче. Я даже смеялась сегодня. Все было так хорошо, но потом я вспомнила о маме. Лиз, мне так ее не хватает. Мы не были близки, но ведь это не важно. Я любила ее, а она меня.

– И поэтому ты открыла окно? – сухо спросила Лиза, вглядываясь в лицо Кристины. – Она умерла, Крис. – мягко сказала Озерова. – И она не ответит на твои вопросы, это должна сделать ты сама.

– Какие вопросы?

– Те, что не дают тебе жить, те, что не дают тебе спать,

есть, любить, мечтать, улыбаться, радоваться жизни. Еще ты должна рассказать мне. Что мучает тебя, дорогая? Что ты видишь в своих кошмарах? Если ты будешь молчать, я не смогу тебе помочь.

– В моей жизни только один кошмар. У него есть имя и лицо, – Кристина быстро посмотрела на подругу, словно сомневаясь, стоит ли продолжать, нужно ли говорить еще что-то, но плотину прорвало. Она знала, что не остановится, пока не расскажет все.

– Мой кошмар, Лиз. Он – не результат одной ночи. Ты не знаешь, каково это. Я жила в аду год. Целый год. Почему я не ушла? Почему позволила ему сделать из себя куклу для битья, орудие мести, немое подобие женщины?

– Наверное, ты любила его.

Кристина горько покачала головой, в глазах ее отразилось черное отчаяние.

– Нет, теперь я очень в этом сомневаюсь. Это была болезнь. И чем больше он унижал меня, тем сильнее было мое упрямое желание доказать, что я смогу, смогу пережить и это тоже. Я думала, что умнее, что понимаю его. Но Дэниэлу не нужна моя глупая преданность и щенячья покорность. Не могу. Так больно, просто вспоминать.... – Кристина вцепилась в плечо Лизы, ища в ней поддержку, и уткнулась лицом в ее теплый свитер. – Мне было семнадцать. Закончив колледж, я приехала из Англии на лето. Полная надежд, наивно уверенная в своей взрослости. Я не видела Дэниэла несколь-

ко лет. Мама приезжала ко мне каждый месяц, но всегда одна. Я и сама бывала дома не реже двух раз в год, но каждый раз Дэниэл куда-то уезжал. То командировка, то отдых. Но я не забыла о нем и тайные мечтания школьницы никуда не делись. И вот, в конце июня, я, наконец, дома. Мама и Джон устроили грандиозный праздник в мою честь. Теплый летний день, я в красивом белом платье, с распущенными волосами, словно невеста. И я ждала, я надеялась увидеть друга, по которому отчаянно скучала. Все это время я хранила его подарки, таская их повсюду с собой, придавая им значение нити, которая, мне казалось, связывала нас, я хранила в памяти его теплую безмятежную улыбку, мягкую заботу, с которой он обращался ко мне когда-то давно. Я не ждала перемен. Но Дэниэл изменился. Я поняла это сразу, с первого робкого взгляда, брошенного на него через всю гостиную. Перемена была не внешней. Он был все так же хорош, но раньше его красота была чарующей, теплой, мальчишеской, задорной и искренней, а теперь передо мной стоял мужчина. Жесткий, ироничный, грубый. Обнимая по очереди всех женщин и девушек, приглашенных на праздник, он даже не взглянул в мою сторону. Я надеялась, что Дэн просто не узнал меня. Я так оробела, что боялась подойти первой, хотя все во мне кричало: «Посмотри на меня, это же я. Посмотри, как я изменилась. Я красивая. Намного красивее всех этих потасканных девиц, с которыми ты пьешь на брудершафт. И я взрослая. Теперь я могу, могу любить тебя по-

настоящему». Глупо, правда, – горько рассмеялась Кристина, сделав судорожный вдох и продолжила. – За весь вечер он не сказал мне ни слова. Разбитая, подавленная, уязвленная до глубины души, в ту ночь я совсем не спала. Он не ночевал дома, уехал вместе с гостями и не появлялся несколько дней. Мы встретились через четыре дня. Я сидела в шезлонге у бассейна и читала. Теплое безветренное утро. Джонатан в издательстве, Виктория отправилась с подругой на шопинг. Дэниэл подошел ко мне сзади, положив руки на мои плечи, его тень закрыла солнце. И с тех пор я ни разу не видела солнце. Он ничего не говорил. Я и так все поняла. Точнее, мне казалось, что поняла. Вручить всю себя во власть единственного и неповторимого героя моих грез было так же естественно, как дышать, пить, есть, спать, улыбаться, плакать, любить. Ты все это перечисляла, Лиза. Так, как я могу испытывать все то, что он забрал и бросил в грязь, от которой мне никогда не отмыться. Понимаешь ли ты сейчас? Или нет? Ты хочешь подробностей? Все просто, Лиза. Ты видела когда-нибудь глаза мертвеца? Смотрела ли в глаза смерти? Да, я знаю, что ты убила своего отца. Знаю, что он умер на твоих руках. Ты тоже испытала это ощущение. Словно из тебя уходит вся жизнь, без остатка, но тому, кто все равно мертв, нет до этого никакого дела. И в тот момент, я ясно осознала, что нет больше Дэниэла Нормана, моего героя. Я придумала его. И мне достался только бесчувственный двойник, который превратил мою жизнь в ад. Его то-

гда было сложно судить. Он взял то, что я ему предложила. Джон и моя мать вернулись не в самый подходящий момент. Мне кажется, Дэниэл рассчитывал, что нас застукают. Джон смотрел на меня удивленно, но без осуждения, а вот на сына – совсем иначе. Отчим отправил меня в дом, но и там я слышала, как они с Дэниэлом кричат друг на друга. И снова звучали какие-то разговоры о наследстве, деньгах, акциях, предательстве. Из обрывков фраз, я поняла, что Джон посвятил Дэниэла в свои планы насчет меня. Джонатан заявил, что я кажусь ему более достойной кандидатурой для ведения дел. Все это было сказано сгоряча, но Дэниэл все понял по-своему. Потом голоса стихли, и я поняла, что произошло что-то страшное. И не ошиблась. Через две недели мы с Дэниэлом поженились. Мама была в шоке. Она никак не могла поверить, что я решилась на такую откровенную глупость. «Он съест тебя вместе с костями и не подавится», – заявила она, надевая на меня фату, но я не боялась. Мне казалось, что я смогу убедить Дэниэла, что я изменю его. «Не приходи плакать ко мне, когда он разобьет твое сердце», это были ее последние слова перед тем, как мы отправились в ЗАГС.

И я не пришла. Я никому не жаловалась, хотя понимала, что он ожидает противоположного. Дэниэл хотел, чтобы все знали, что он со мной сделал. Но ты не думай, что я такая уж мазохистка. Все началось не сразу. Конечно, я знала, что о любви с его стороны и речи нет, но поначалу он держался. Джон купил нам путевку в Венецию. И мечтала, что свадеб-

ное путешествие смягчит Дэниэла. Но в итоге пришлось довольствоваться холодным равнодушием и явным пренебрежением. Он не выходил из номера, и постоянно пил, а потом засыпал прямо в кресле или принуждал меня к близости без намека на нежность. Я решила, что нужно терпеть. Он должен был увидеть, как я люблю его, он же не слепой и у него должно быть сердце. Закрывая глаза, я вспоминала того Дэниэла, каким увидела впервые, и на какое-то время этот самообман помогал. Я не знала, что сделало его таким жестоким и циничным, но задалась целью вернуть прежнего Дэниэла, растопить лед в его глазах. Знаю, как смешно звучат мои слова. Я просто начиталась наивных любовных романов. Сейчас у меня не осталось иллюзий, но тогда они были и слишком много, на мою беду. Мы вернулись в Москву такими же чужими друг другу, какими и покинули ее. Джон купил нам дом. Сейчас я уверена, что это было плохой идеей. А потом понеслось. Я уехала в Лондон, чтобы устроить дела со своим образованием. Вернувшись через несколько недель, безумно соскучившаяся даже по такому неприступному мужу, я ворвалась в двери своего нового дома и замерла в ужасе. Несмотря на раннее утро, в гостиной было полно гостей. Одного взгляда было достаточно, чтобы распознать к какой ячейке общества относятся друзья Дэниэла. Вечно пьяные прожигатели жизни, тратившие все деньги и силы на дешевые развлечения. Страшный кавардак царил повсюду. Рассыпавшиеся по дорожному покрытию чипсы, пролитое пи-

во, окурки, смог от сигаретного дыма и винных паров, запах женских духов и секса врзался в ноздри и резал прямо по сердцу. А Дэниэл, нисколько не смущенный моим появлением, возлежал на кожаном диване с обнаженным торсом, лохматый, пьяный и неодинокый. И шлюха, которая была рядом с ним, смотрела на меня с такой насмешкой, что кровь у меня вскипела. Я что-то кричала, пыталась выгнать всю эту шайку бандитов и проституток, швыряла пустые бутылки в Дэниэла, но, ни разу не попала. А он даже бровью не повел. Просто встал с дивана, похлопав по голому бедру своей любовницы, подошел ко мне ударил наотмашь. Я отлетела к стене. Слезы и искры полетели из глаз. Я смотрела на него и не верила. " Ну, что, малыш, не нравлюсь?», спросил он, улыбаясь, словно палач на плахе. Он хотел ударить снова, но его кто-то остановил. Они еще не были так пьяны, как в другой, последний раз.

– И Дэниэл не извинился? Потом? Когда пришел в себя? – ошарашенная рассказом Кристины, спросила Лиза. Монахова посмотрела на нее удивленным взглядом, словно не ожидала ее увидеть.

– А он никогда больше не приходил в себя, – проговорила Кристина бесцветным голосом. – Несколько раз были короткие прояснения, из-за которых я и не осмеливалась на последний шаг. Обычно во время разгульных оргий Дэниэла, я уходила, куда глаза глядят, но, если возвращалась в самый разгар, то все кончалось плачевно для меня. Я старалась не

нарываться на скандал и незаметно уходила в свою спальню, запирая за собой дверь, но он срывал замки, выбивал двери, бросал мне в лицо дикие обвинения, заявлял, что я где-то шлялась, а теперь прячусь от него, чтобы смыть с себя.... Нет, это просто невозможно описать словами. Больно. Как он мог, Лиз? Как мог говорить мне такое, занимаясь сексом в нашем доме с разными женщинами. В итоге все заканчивалось одинаково. Разбитыми губами, синяками, иногда насилием. Когда гости уходили, и дом погружался в сон, я спускалась в гостиную, убирала мусор вперемешку с нижним женским бельем, рванными колготками и презервативами. Я смотрела на него, заснувшего прямо на полу, я пыталась вызвать в себе ненависть, презрение, и не могла. Я любила его даже таким, потерявшим все человеческое. Я тащила его на себе в его комнату, чтобы раздеть и уложить спать, а сама садилась рядом и говорила, говорила. Я думала, что однажды он услышит. Как-то он открыл глаза, когда я гладила его волосы, гордя очередной вздор о желании помочь. Я резко одернула руку, и он криво усмехнулся.

– Реакцию не пропьешь? – спросил он охрипшим чужим голосом. А потом вдруг дотронулся до огромного синяка на моей щеке, потом на шее, запястьях.

– Уходи, пока я не убил тебя, – прошептал он, с трудом произнося слова. – Забудь про меня, как про страшный сон. Я опустила голову, не зная, что сказать, а потом посмотрела на него. Нет, я не могла уйти от него, потому что боль

в его глазах не отпускала меня. Никогда больше я не видела такой неприкрытой дикой боли. Чтобы он не делал со мной, сам он страдал много больше. Я не знала, чем вызвана эта жуткая боль, но догадывалась, что все его поведение – это оболочка, попытка спрятаться, защитная реакция. Жесткой, злой, сумасбродный, беспощадный. Самого себя он ненавидел больше, чем я могла бы возненавидеть его за те унижения, которым он подвергал меня каждый день. " Я никуда не уйду, пообещала я, ложась рядом и обнимая его. Я хотела его защитить, спасти от самого себя, научить любви. Ты знаешь, Лиз, что, если человек сам этого не захочет, никто не в силах его спасти. Это была последняя вспышка "доброты" с его стороны, а потом все становилось только хуже. Он перестал работать, начал принимать наркотики. Джон пытался вмешаться, но тоже оказался бессилён. Через десять месяцев ада я узнала, что беременна. Это было ударом. Я не могла и не хотела ставить под угрозу жизнь ребенка. Одно дело – ставить под удар себя. Необходимо было что-то решать. Я не могла бросить Дэниэла. Мне казалось, что без меня он погибнет. Но и продолжать было нельзя. Я решила, что уеду ненадолго. До рождения ребенка, дам ему время подумать, понять, чего он хочет от жизни, и хочет ли, вообще, жить. Я купила билеты, и вдруг он успокоился. Нет, оргии не прекратились, но он больше меня не трогал, словно забыв о моем существовании. Эпилогом всему стал прием в доме Норманов. У мамы был день рождения. Я уговорила Дэниэла

пойти. Ему надоело постоянное вмешательство отца. Нужно было как-то одурачить его, создать видимость благополучия. Ну, это я так решила, когда он согласился пойти. Дэниэл был абсолютно трезв и вел себя вполне прилично. Если бы я знала, что это лишь затишье перед бурей. Сразу после вечеринки по случаю дня рождения Виктории, он устроил свою – в нашем доме.

Через три дня я бы уехала. Всего три дня решили мою судьбу и судьбу ребенка. Если бы не моя слепая любовь и упрямство, мой ребенок был бы жив. Я ненавижу Дэниэла, но не меньше я ненавижу себя. За то, что не смогла быть сильной, не проявила характер, за то, что была тряпкой, за то, что позволила убить нашего ребенка, не сберегла. За то, что не сказала ему, когда он надел на меня наручники. Глядя в его жестокое одурманенное алкоголем и наркотиками лицо, я не верила, что он пойдет до конца. А потом он сел в кресло и отдав меня ораве своих друзей, просто наблюдал. Холодно, равнодушно, бесчувственно. Он отключился, так и не досмотрев кино, режиссером которого стал. Я не кричала, не просила его остановить это зверство. Я слишком хорошо успела узнать своего мужа, и неумолимый блеск его глаз все решил за всех. Не так давно Дэниэл сказал, что мне легче, потому что у меня есть ненависть и злодей, которого можно обвинить во всем, и я поняла, что дело не только в нем. Виноваты мы оба. Его жестокость, моя глупость. Если бы я была сильнее....

– Ты бы все равно ничего не исправила. Он нуждался в жертве, и он ее нашел. Но вряд ли это принесло ему удовлетворение. Мечь – удел слабых. И ты – сильная, Крис. Ты можешь все изменить. Стань еще сильнее и прости его.

– Что? – закричала Кристина, вскакивая на ноги, и глядя на подругу, словно на умалишенную.

– Нет сильнее и отчаяннее ненависти, рожденной из любви. Когда-то давно ты прощала ему все, ты хотела его спасти. Тогда ему это было не нужно. Ты просто ослеплена своим гневом, чтобы понять, что больше Дэниэл не причинит тебе зла.

– Я знаю, что он не причинит мне зла, потому что я не позволю. – Кристина в негодовании заламывала руки. – Что за бред ты несешь, Лиз?

– Если бы Бог дал мне второй шанс, Крис. – Лиза поднялась и встала напротив подруги. В глазах ее плескались слезы и отчаяние. – Если бы я могла вернуть время назад. Я бы простила своего отца за то, что он бил мою мать, за то, что избивал меня долгие годы. И не носила бы сейчас на душе такой грех.

– Нет-Нет. Ты так говоришь, потому что он умер. Легко простить того, кто мертв.

– Он не умер. Я убила его, а это разные вещи, – серьезно сказала Лиза.

– Он это заслужил.

– Так убей Дэниэла. Или прости. Третьего не дано. Выби-

рай.

Кристина бросила на подругу отчаянный взгляд.

– Слишком поздно убивать его, – прошептала она устало.

– Но ты не сделала этого раньше. Может, ты все еще любишь его. Нет, дай мне договорить. Может, именно поэтому ты не можешь простить его? Скажи мне честно, что ты почувствовала, когда он сказал, сильно раскаивается?

– Гнев и злость. Его раскаяние ничего не изменит, не вернет назад время. Не спасет невинную жизнь. Он убил меня, Лиз. И, если бы я не выжила, то ему сейчас было бы намного спокойнее.

– Я тоже об этом думала. Твоя смерть стала бы для него одновременно избавлением и тяжким бременем. Уж я-то знаю, что это такое. Только однажды, проснувшись от очередного кошмара в полнейшей темноте и одиночестве, понимаешь, что отдала бы полжизни, за то, чтобы прошептать "Прости" и услышать в ответ "прощаю".

– Нет, я не доставлю ему такого удовольствия. Я столько лет страдала, прозябая в своем мире ночных кошмаров, так с чего мне освободить его от подобной ноши? Я не святая, чтобы прощать.

– Только так ты сможешь освободиться. Я не стану убеждать тебя. Ты и сама все понимаешь, но ты не готова. Не забывай, что жизнь очень коротка.

– Для меня она кончилась восемь лет назад, Лиз. Не проси меня о невозможном.

Глава 8

Дэниэл Норман нервно постукивал костяшками пальцев по гладкой полированной поверхности стола, поглядывая на большой циферблат часов, которые висели прямо над головой Вадима Рязанцева, его давнишнего друга и адвоката семьи. Вадим напряженно стоял во главе стола, явно рассчитывая поскорее закончить процедуру оглашения, но опоздание одного из членов семьи не позволяло начать. Он сам не мог понять, что заставляет его так нервничать. Вадим знал содержание завещания, и именно поэтому испытывал нарастающее напряжение.

Адвокат смотрел на хранящего внешнюю невозмутимость Дэниэла Нормана, и раздраженную Мэдисон, разодевшейся в пух и прах ради столь важного события. Рязанцев не был хорошо знаком с сестрой покойного Джонатана, но ее красота не могла оставить его равнодушным. Она из тех женщин, которых невозможно забыть, увидев лишь однажды. Несомненно, Мэдисон знает, как хороша, и умеет пользоваться своей внешностью и родством с Джоном, и уж она наверняка полна надежд. Он сморщился, представив, как маска надменной напыщенности и ленивого ожидания спадет с искусно накрашенного лица, когда Мэд узнает о воле брата. Вадим был морально готов к различным искам и протестам.

Рязанцев перевел взгляд на Роберта. Интересно, почему

Мэдисон не взяла фамилию мужа? Хотела сохранить статус сестры миллионера? Или ею двигало желание сохранить независимость даже в браке? В отличии от нервно курящего Дэниэла и разозленной длительным ожиданием Мэдисон, Роберт казался абсолютно собранным и спокойным. Вадим вздрогнул от неожиданности, когда Роберт откровенно зевнул и полез в карман джинсов за сигаретами. Спыхватившись, мужчина извинился, сославшись на тяжелое утро. За полчаса ожидания Роберт ни разу не взглянул на жену. Сколько лет их браку? Десять? Точно не меньше. Возможно, они даже не спят вместе. Нужно бы поближе с ней познакомиться. И после оглашения у Вадима точно будет повод, она сама захочет продлить знакомство. Роберт вряд ли станет протестовать. Этакий холодный американец-трудяга с усталыми умными глазами. Он кажется скучным и даже пресным, но это впечатление обманчиво. Род деятельности Вадима, научил его хорошо разбираться в людях. Роберт из тех, кто прячет свой темперамент за маской серости и монотонности. Зачем же он женился на Мэдисон? Из-за денег? Любовь тут явно не причем. Вадим сам удивился своей заинтересованностью самой скромной персоной из собравшихся, самой скучающей и безучастной.

Если дело не в деньгах, тогда азарт? И Мэдисон своего рода трофей. Купить нельзя, приручить сложно, но иметь в качестве красивого приложения, неверной жены и только до тех пор, пока не появится другая, более редкая, изыскан-

ная. Черт, Вадим поймал себя на мысли, что и сам бы не отказался от такого трофея, как Мэдисон, хотя никогда не увлекался коллекционированием. Заметив пристальное внимание адвоката, она чуть заметно улыбнулась, скользнув по нему откровенно оценивающим взглядом. В ее глазах появился неподдельный интерес. Потрясающие глаза. Синие, глубокие, порочные и холодные, обещающие так много, но лгущие так часто.

Осторожный стук в дверь кабинета заставил его отвлечься. Вадим Рязанцев облегченно вздохнул. Неужели последний участник, наконец, соизволил появиться.

– Добрый день, извините, что задержала вас. Вылет отложили на сорок минут. Мне страшно неудобно.

Вадим растерянно уставился на вошедшую, почти не понимая, что она там щебечет срывающимся голосом. По всей видимости, девушка и правда торопилась. Возможно, даже бежала, судя по учащенному дыханию. Лицо ее разругалось от мороза, волосы растрепались и липли к влажным губам. Адвокат постарался сдержанно улыбнуться и жестом пригласил ее к столу, не отрывая взгляда от очаровательной падчерицы Джона. Как вышло, что он ни разу не видел ее? – размышлял про себя Вадим. Мэдисон Норман оказалась сразу забыта. Он просто впился глазами в хрупкую фигурку, неуверенными шажками приближающую к столу.

Роберт галантно поднялся и отодвинул для нее стул. Девушка спокойно поблагодарила его и заняла место рядом,

снова виновато улыбаясь. Рязанцев заметил, что она старается не смотреть на собравшихся. Здесь явно пахнет какой-то семейной тайной. Это объяснило бы содержание завещания, и то, что Кристина не проживала со семьей очень долгое время. От внимания адвоката не укрылась и откровенная ненависть, с которой смотрела на девушку Мэдисон, и напряженное выражение лица Дэниэла. Черт, Вадим совсем забыл. Они же были женаты. Вот еще одна дилемма. Ангелоподобная невинная девочка и порочный жесткий Дьявол в облики мужчины. Итак, скандал как-то связан внезапным разводом и шумихой в прессе, которая произошла много лет назад. С тех пор Кристина никогда не возвращалась в Москву. Неужели она и Джон? Может, ли подобное вообще иметь место? Но, как иначе объяснить странную волю Джонатана и отношение его близких к бледной худенькой девушке в скромном черном платье чуть выше колена. Они же даже не удостоили ее приветствием. Неужели невинная мордашка лишь обман зрения, а за тонкой аристократической красотой скрывается холодная расчетливая сука? И Мэдисон смотрит на девушку, как на потенциальную соперницу. Чувствует ней угрозу? Или ревность? Но к кому? К умершему брату? Бред. Она его терпеть не могла? К племяннику? Еще смешнее. Вряд ли Дэниэл питает нежные чувства к бывшей жене. Судя по плотно сжатым губам, и напряженным плечам, он больше всех мечтает поскорее закончить со всем и ретироваться.

– Что-то не так? – спросила девушка с лицом ангела. В голосе ее прозвучало холодное раздражение, совсем не свойственное внешнему кроткому облику. В серых глазах мелькнуло стальное выражение. — Можете начинать, – скомандовала она.

Мэдисон пренебрежительно фыркнула, бросив на девушку неприязненный взгляд. Очень непредусмотрительно, если учесть то, как быстро изменятся роли после оглашения.

– Это из-за тебя мы все почти час оторваны от своих дел, – не удержалась от едкого комментария Мэд Норман.

– Правда? – с напускной любезностью поинтересовалась Кристина. – И какие же у вас дела, тетя? Не успели в салон красоты?

– А ты разве знаешь о его существовании? – парировала Мэдисон.

– Мэд, – резко оборвал спор Дэниэл. – Прекратите. Мы и так долго ждали. Вадим, начинай.

– Хорошо, приступим, – кивнул Рязанцев, вежливо улыбнувшись. Замешкавшись на долю секунды, он открыл конверт и извлек из него роковой документ. Мэдисон непроизвольно подалась вперед. Окинув обравшихся напряженным взглядом, Рязанцев начал читать. Он держался официально-го тона, хотя любопытство съедало его изнутри. Хотелось поднять взгляд и посмотреть на реакцию собравшихся. Возрастающее напряжение достигло предела. Адвокат практически дошел до конца завещания, когда услышал, как изум-

ленно вздохнула Мэдисон. Дочитав последнее слово, он, выдохнул с облегчением. В кабинете царила звенящая угнетающая тишина.

Дэниэл, наклонив голову, смотрел на свою дымящуюся сигарету и ничем не выдавал своих чувств. Его, кстати, никто не оговорил за курение. Если он и был обескуражен или возмущен, то очень хорошо скрывал чувства под маской невозмутимости. В этом был весь Дэниэл Норман. Никакое потрясение не выбьет его из колеи. Завидная сдержанность, или дьявольская хладнокровность.

Но зато Мэдисон ничего не прятала. Лицо ее пылало, глаза метали огни, она вскочила и вырвала завещание из рук Вадима, чтобы лично удостовериться, что ее не обманули. Она шумно и быстро дышала, перечитывая вновь и вновь роковые строки. Ее муж наблюдал за ней с жалостью и легким раздражением. Он все так же мечтал уйти. Кристина смотрела перед собой затуманенным отрешённым взглядом. Она ничего не говорила. Краска исчезла с ее лица. На какой-то миг Вадиму показалось, что девушка на грани обморока. Роберт предупредительно протянул ей стакан воды. Рязанцев откинул первоначальное предположение насчет возможной связи Джона с падчерицей. Она удивлена его волей больше, чем сам Вадим.

– Это какое-то недоразумение, – наконец, пробормотала Кристина, сложив руки на коленях, и вглядываясь в лицо адвоката. – Вы разыгрываете нас. Это не смешно.

– О, боже! – неприятно завизжала Мэдисон, бросив завещание в лицо основной наследнице. Она была бы рада вцепиться в девушку когтями, но остатки благоразумия не позволяли Мэд выставить себя еще больше душой. – Вы посмотрите на эту тихоню! Строит из себя невинную овечку. Что ты сделала с Джоном? Шантажировала? Точно, это шантаж. Я сразу поняла, – разъярённая женщина резко повернулась к адвокату. Ее побагровевшее от гнева лицо больше не казалось ему красивым. – У меня есть заявление. Завещание недействительно. Эта девица вынудила Джона сострять его путем шантажа.

Кристина в недоумении уставилась на Мэдисон. О чем она говорит?

– Прошу вас, успокойтесь, – попытался урезонить разбушевавшуюся даму Вадим. Женщина язвительно улыбнулась.

– О, я спокойна, как никогда. Это не голословное обвинение. Кристина Норман шантажировала Джонатана. И могу объяснить вам, чем именно.

– Монахова. – раздался тихий голос. – Я не Норман, Мэдисон. Я сменила фамилию, если ты не в курсе.

– Она даже не Рис! – вульгарно ударив себя по бедрам, воскликнула Мэдисон. – Если тебе так противна наша фамилия. Может, откажешься от наследства? А? Или не хватит благородства. Тебе ничего не достанется, ты шантажистка.

– Мэд, прекрати ломать комедию. Ты выглядишь смешно, – вмешался Дэниэл. Странно, что он так долго оставался

безучастным. Видимо, тоже был в шоке.

– Дэниэл! Ты же это так не оставишь? – в голосе Мэдисон прозвучали отчаянные нотки. – Это твои деньги. Все твое. Ты же не отдашь дело своей семье какой-то дворняжке? Это же смешно. Оставить ей все, а тебя назначить консультантом. Чертовым пажом ее величества. Тебя! Законного наследника. Единственного сына. Это же унижение. Ты обязан учить эту маленькую шлюшку, как руководить тем, что по праву принадлежит тебе, нам.

– Такова воля отца. Я не собираюсь ничего оспаривать, – Дэниэл произнес эту фразу совершенно спокойно. Все, кроме Роберта, удивленно уставились на него. Мэдисон смертельно побледнела, постарев лет на пять.

– Она и тебя шантажирует, – бессильно опускаясь в кресло, прошептала она. Дэниэла покинула его железная сдержанность. Выругавшись, он раздраженно посмотрел на свою тетку.

– Прекрати это повторять. Что за бред! – рявкнул он, заметив, как вздрогнула Кристина, узнав это рычание. Дэниэл быстро взглянул в потухшие глаза и постарался успокоиться. Ему хотелось защитить ее. И это желание удивило и испугало его. Поздновато для благородных порывов, да и защита ей нужна только от него самого.

– А это не бред, Дэниэл, – голос Мэдисон снова зазвенел, приняв высокую ноту. – Я знаю, милый, чем она могла шантажировать твоего отца и тебя. И ты знаешь, не так ли? –

она невольно осеклась, заметив, как угрожающе сузились его зрачки и заходили желваки на щеках. Подозрение в его глазах сменилось яростью. Таким она еще его не видела. Он мог убить. Теперь она верила словам Виктории Норман. Эта тупая сучка не обманула ее. Дэниэл действительно это сделал. Хладнокровно и без причины, из чисто садистских извращенных побуждений.

– И что же ты знаешь, дорогая тетя? – вкрадчиво спросил он, улыбаясь, как хищник, в любой момент готовый к прыжку.

– Нет, – побелевшими губами прошептала Кристина, умоляюще глядя в ледяные синие глаза бывшего мужа. – Я никого не шантажировала. Ты же знаешь.

– Да, я знаю, – быстро кивнул он, переводя взгляд на Мэдисон. – Не слышу ответа, тетя, – настойчиво повторил он.

– Не надо, прошу вас, – снова взмолилась Кристина. Но он забыл о ней. Он снова стал чудовищем, которое так хорошо было ей знакомо.

– Дэниэл... – нерешительно начала Мэдисон. Даже она боялась этого незнакомого мужчину, смотрящего на нее взглядом потенциального убийцы. – Я знаю, что она может посадить тебя, если захочет. У нее есть доказательства. История болезни. Журавлев все подтвердит, если появиться необходимость. Этот доктор порядочен до мозга костей. И прекрати так смотреть на меня. Я ничего не вынюхивала. Эта дура, жена твоего отца, сама все рассказала.

Дэниэл медленно поднялся, и Мэдисон испуганно вскрикнула, вскочив со стула и попятившись к выходу. Роберт, молча, наблюдал за семейной драмой, явно не собираясь вмешиваться. На его лице застыло скучающее любопытство. Вадим же находился в полнейшем недоумении. Он знал Дэниэла много лет, но он никогда не видел его таким разъяренным. Нет, Норман не кричал, не метал молнии, не сотрясал воздух кулаками, и от этой ледяной неумолимой уверенности в его глазах волосы на голове становились дыбом.

Много слухов ходило вокруг Дэниэла Нормана, многие упрекали его в жестокости, но то, что происходило сейчас, переплюнуло все ранее услышанное. Он действительно убьет ее. Нужно действовать, остановить его, но как? Кто осмелится приблизиться к приготовившемуся к атаке льву-людоеду? Рязанцев ничего не понял из слов Мэдисон, но для нее они обернулись смертельной угрозой. Неужели никто не помещает ему?

Все изменилось в один момент. Дэниэл почти подошел к оцепеневшей от ужаса Мэдисон, когда поднявшаяся со своего стула Кристина, шумно втянув воздух, и что-то пробормотав под нос, начала падать. Реакция Дэниэла была мгновенной, словно он не собирался убивать свою тетку, а все это время наблюдал за бывшей женой боковым зрением. За долю секунды он оказался рядом и, подхватив потерявшую сознание девушку, отнес к кожаному дивану у стены и осторожно положил.

Вадим, наконец, овладел собой и, взяв со стола стакан воды, поспешил к дивану, но замер, потрясенный выражением лица Дэниэла Нормана, смотревшего на бесчувственную девушку. От ледящей душу маски убийцы не осталось и следа. Только стыд и боль, и еще что-то, не поддающееся пониманию того, кто хоть немного знал Дэниэла Нормана. Вадим снова ошибся. Чтобы не испытывал Дэниэл к своей жене, это точно не было равнодушием. Рязанцев так и остался стоять сбоку от него со стаканом в руке, не замеченный. Протянув руку, Норман чуть было не коснулся спутавшихся волос, упавших на лицо Кристины, но словно обжегшись, одернул сжавшиеся в кулак пальцы.

Мэдисон перевела дыхание, поняв, что опасность миновала. Оторвав взгляд от лица девушки, Дэниэл поднял голову и посмотрел на перепуганную до смерти тетку.

– О чем, ты, черт побери, думала, когда несла всю эту чушь? – хрипло спросил он, стараясь не повышать голос. – Ты просто идиотка. Если бы она хотела меня посадить, то давно бы сделала это. – Дэниэл поднялся и засунул руки в карманы, словно опасаясь рецидива. – Я не хотел этого разговора. Но нужно все прояснить. – Он вплотную подошел к Мэдисон, и она испуганно съежилась под его ледяным взглядом. – Я не трону тебя. Момент упущен. Можешь сказать спасибо Кристине, – насмешливо бросил Дэниэл, глядя на нее с презрением. – Я поясню кое-что, раз уж ты решила предать огласке историю, которую по глупости рассказала тебе

Вика. Удивляюсь, что ты так долго молчала. Думаешь, что я стал жертвой шантажа, или мой отец? Тогда ты не умнее его Виктории. Я не в тюрьме только потому, что Джон придумал для меня другое наказание. И вот его плоды. В этом завещании. Не нужно никакого шантажа. Джон просто совершил акт справедливости.

– Дэн, я что-то ничего не понимаю, – напомнил о себе Вадим. – О чем вы говорите? Какой акт справедливости? Что за суд? Что ты натворил?

– Тебе не нужно ничего понимать, Вадим, – не оборачиваясь в его сторону, небрежно бросил Дэниэл. – Все давно в прошлом. Никто не будет ничего оспаривать. Кристина Монахова – единственная и полновластная хозяйка состояния Норманов. Я не беден, чтобы горевать из-за утраченных миллионов. И моя гордость не пострадала. Я был готов. Восемь лет я рассчитывал только на себя. Ничего не изменилось.

– Но, Дэниэл.... – Нерешительно прошептала Мэдисон. В ее глазах было отчаяние. – Это не справедливо. Ты его сын.

– Отец решил, что я не достоин этого звания. По-своему, он прав.

– Он же простил тебя, – возразила Мэд.

– Но не изменил решения. Джон Норман никогда не отступал. Я не ждал чуда.

– Ты мог бы побороться.

– Нет, – грозно рявкнул Дэниэл, взглянув на Роберта. – Ты тоже был в курсе?

– Да, – кивнул он без всякого выражения. – Но это твое дело. Ты знаешь, что я никогда не лезу.

– Думаю, для тебя ничего не изменится. Ты продолжишь работать в редакции.

Роберт неопределённо повел плечами. Он не боялся за себя. Кристина не станет его увольнять. Роб не сделал ей ничего плохого. В отличие от своей жены, он догадывался, чем может закончиться сегодняшний день. Он успел хорошо изучить Джона Нормана. Решение в его духе. Благородный человек. Сыну стоило бы поучиться у отца.

– Нужно вызвать врача, – спохватился Дэниэл, взглянув на бледную Кристину. Он уже потянулся к телефону, когда она открыла глаза. Взгляд затуманенных глаз остановился на лице Дэниэла. Судорожно вздохнув, девушка попыталась сесть. Голова все еще кружилась. Он инстинктивно потянулся к ней, собираясь помочь. Но предостерегающий взгляд серых глаз остановил его, с холодным равнодушием, Дэн отступил назад, небрежно передернув плечами.

– Мне нужно домой, – она вдруг посмотрела на Роберта, словно угадав в нем единственную расположенную к ней душу. – Вы отвезете меня в аэропорт?

– Что? – немного уязвленный ее выбором, спросил Вадим. – Вы не можете уехать. Нужно оформить необходимые документы. Джон ясно выразил свою волю. Вам переходит контрольный пакет акций издательского дома и модельного агентства. Вы не можете управлять бизнесом из Лондона.

Вам придется переехать сюда насовсем. Вы не можете продать принадлежащие вам фирмы, не можете передать другому лицу, не можете подарить.

– Я все поняла. Я ничего не могу, – с сарказмом улыбнулась Кристина. Краска постепенно возвращалась на ее лицо. – Но вы не учли одного. – Девушка гордо расправила плечи. Мне ничего не нужно. Я любила Джона, как отца. Я уважаю его волю, и ценю его благородный поступок. И я понимаю, почему он это сделал. Но я отказываюсь от наследства. – Она перевела взгляд с потрясенного лица адвоката на мрачное неприступное лицо Дэниэла Нормана. – Это все твое, Дэниэл. Мне ничего не нужно, – повторила она. – И никогда не было нужно.

Она сама не ожидала, что скажет подобное. Всему виной обморок и расшатавшиеся нервы. Рядом нет Лиз, а без нее она, словно голая. Дэниэл посмотрел ей в глаза долгим изучающим взглядом. В нем больше не было жесткости и злости. Он совершенно владел собой и своими эмоциями, но ее слова заставили его вздрогнуть или ей показалось.

– Я всегда это знал, Крис, – сказал он бесцветным голосом, потирая подбородок. – Мэдисон была бы счастлива, прими я твой благородный отказ, но я этого не сделаю. Ты останешься здесь, ты будешь управлять делом моего отца так, как хотел отец. Ты удивишься, но я считаю, что Джон сделал правильный выбор. Сейчас не время и не место для рассуждений и принятия решений. Тебе необходимо отдох-

нуть. Роберт отвезет тебя. А я приеду утром, и мы все обсудим в спокойной обстановке.

Пораженная Кристина смотрела на него во все глаза. Нет, это не может говорить Дэниэл Норман. Он сошел с ума или что-то задумал. Он хочет отомстить ей, заставив почувствовать себя тупой неудачницей, а это неизбежно, если она примет наследование. Кристина ничего не смыслит в бизнесе, в то время как Дэниэл собаку на этом съел. Как консультант, он быстро покажет ей, кто реально достоин стать продолжателем семейного дела. И Кристина все равно откажется, но только при других обстоятельствах, после того, как он вырвет у нее остатки души, лишит последних капель рассудка. Боже, ей придется бросить все: Лондон, квартиру, свои картины, Вуда Адамса, весь свой маленький шаткий мирок, а ради чего? Ради сомнительной перспективы оказаться под покровительством Дэниэла Нормана, по ошибке лишённого наследства. А ведь она даже смотреть на него не может без постоянных позывов к тошноте. Они физически не смогут работать вместе. Все полетит к черту. Годы ее борьбы с самой собой и страхами прошлого. Она снова перестанет есть, спать....

В ее глазах отразилось неподдельное отчаяние и все, кроме Дэниэла, были удивлены подобной реакцией. Получить огромное богатство и пытаться его отдать – разве это не верх глупости?

Роберт протянул ей руку, помогая подняться. Кристина с

благодарностью приняла ее, заметив, как Дэниэл напряженно посмотрел на ее хрупкую ладонь в большой руке Роба Хьюстона. Качнувшись, она схватилась за свитер Роберта, и он мягко обнял ее, помогая сохранить равновесие. Так бережно к ней прикасался только Вуд, но он давно знал и любил ее. Кристина взглянула в невыразительное, но приятное лицо американца. Тот ободряюще подмигнул девушке.

– Все пучком, – шепнул он, заставив ее улыбнуться. Скрипя зубами от бессильной злобы, Мэдисон отошла в сторону, пропуская своего мужа и богатую наследницу.

– Отвези меня домой, Дэниэл, – обратилась Мэд к племяннику, когда дверь за парочкой закрылась.

– Даже не подумаю, – грубо ответил Норман. – Я даже не уверен, что собираюсь продолжать наше общение в будущем.

– Дэниэл, – начала возражать тетя. Норман протестующее поднял руку.

– Все. Я слушал достаточно. Просто не попадайся мне на глаза.

– Не поступай так со мной. Ты – единственный, кто мне по-настоящему дорог.

– Конечно, – равнодушно кивнул Дэниэл. – Пока тебе это выгодно. Ты просчиталась, Мэди. Можешь теперь обхаживать Кристину.

– Да, я ни на шаг к этой су...

– Придержи язык, пока я его не отрезал, – с угрожающим

спокойствием оборвал ее Дэниэл и повернулся к Вадиму, устало наблюдающему за ними.

- Пойдем-ка, выпьем, Вадик, – беспечно улыбнулся он.
- Разве есть, что праздновать?
- А ты сомневаешься? – усмехнулся Дэниэл.

Глава 9

В полном физическом и моральном изнеможении Кристина переступила порог дома, поддерживаемая внимательным Робертом. Лиза тут же бросилась к ним навстречу.

– Что случилось? – испуганная внешним видом подруги, требовательно спросила Лиза, обращаясь к Роберту.

– Добрый день, Лиза, – как ни в чем, ни бывало, Хьюстон протянул ей руку для пожатия. – Вы тоже здесь?

– Мы всегда вместе, – отчеканила Озерова, встревожено вглядываясь в потухшие глаза Кристины. – Что они с тобой сделали?

– Ничего, – покачала головой Монахова, отстраняясь от Роберта. Скинув обувь и шубку, она неровной походкой направилась в гостиную.

Лиза еще раз пронзила мужчину убийственным взглядом, и пошла вслед за Кристиной. Роберт, пожав плечами, разделся и невозмутимо присоединился к женщинам. Кристина устроилась в кресле, Лиза села на подлокотник и нежно гладила ее волосы.

– Может, нам всем выпить? – предложил Хьюстон, нарушая тишину. Похоже, этим подружкам не нужно разговаривать, чтобы понять друг друга. Если он и был немного сконфужен, то не подал виду. Лиза не отреагировала, упрямо игнорируя его присутствие. А Кристина, подняв голову, слабо

улыбнулась и кивнула.

– Милая, с тобой все в порядке? – спросила Озерова, когда девушка залпом осушила бокал мартини.

– Да. Все нормально, – вытерев рот тыльной стороны ладони, тихо ответила Кристина. В ее глазах сквозила растерянность и смертельная усталость. – И не злись на Роберта. Он помог мне добраться до дома, и был очень вежлив. Лиз, этот дом наш, – внезапно сказала она. Озерова чуть не выронила свой бокал. – Так же, как и остальное имущество и недвижимость Джонатана Нормана и моей матери. Я получила всё. Смешно, правда?

Лиз ничего не ответила, распознав истерические нотки в смехе подруги. Она безошибочно чувствовала, что Кристина на грани, и все, что она может сделать для нее – уложить в постель, напоить горячим чаем и дать снотворное.

– Роберт, мне нужно позаботиться о Кристине. Вам, наверное, пора, – медленно поднимаясь, с деловитой вежливостью произнесла Озерова. Роберт понимающе улыбнулся.

– Конечно, Лиз. Уже ухожу. Вы уж повлияйте на нее. Она успела заявить, что собирается отказаться от наследства в пользу Дэниэла.

Лиза быстро взглянула в бледное лицо Кристины.

– Всему виной нервы. Не переживайте. Она просто еще не осознала, что произошло, – спокойно проговорила Лиз, провожая гостя к дверям. – Всего доброго и спасибо.

Часом позже, Кристина, прикрыв глаза, лежала в постели. Влажные после душа волосы рассыпались по подушке, успокоительные таблетки, которые ей дала Лиза уже начинали действовать. Искусственное ощущение покоя постепенно разливалось по телу, готовя Крис к освобождающему разуму сну. Еще несколько минут, и долгожданный покой без сновидений и кошмаров накроет ее. Лиза лежала рядом. Ее лицо на соседней подушке, голубые глаза смотрели на подругу с щемящей нежностью.

– Я упала в обморок, – призналась Кристина. Голос ее звучал гулко, незнакомо. Шум в голове нарастал. Она уже плыла в сладкие объятия сна.

– Ничего удивительного. Такой шок. Наверное не ты одна была в таком состоянии.

– Нет, Лиза. Не из-за наследства. Это Дэниэл.

– Он обидел тебя?

– Нет. Не меня. Мэдисон сказала..., – язык Кристины начал заплетался. Она уже не слышала своих слов. – Мама рассказала ей, Лиз. Дэниэл смотрел на нее точно так же, как тогда.... Словно хладнокровный маньяк. Он мог убить ее. Свою тетю. Я испугалась.

– Я понимаю, милая. Но он же не тронул ее?

– Не знаю. Я не видела. Но она была в порядке, когда я пришла в себя. Господи, как же я устала.

– Засыпай, дорогая. Все хорошо, я рядом. Мы справимся со всеми трудностями.

– Да. Но мне не нужно ничего. Я хочу в Лондон. Я – художница. Я не бизнесвумен. Это не мое.

– Мы обо всем поговорим утром. А теперь спи.

– Да. Я .... Лиз, утром он придет. Не хочу....

Девушка уснула, так и, недоговорив, чего же она не хочет.

Лиза ласково провела пальцами по ее щеке. Почему жизнь все время преподносит этой женщине-ребенку все новые испытания? Смерть матери и отчима, потом встреча с Дэниэлом, а теперь внезапное наследство. В глубине души Озерова понимала, что лучше бы увести Кристину прямо сейчас, и чем дальше, тем лучше. Устроили бы кругосветное путешествие, потом вернулись бы в Лондон, закончили коллекцию, а дальше Париж, выставка, успех и снова бы все вернулось на круги своя. Только бегство – удел слабых. Поцеловав спящую девушку в лоб, Лиза осторожно встала с постели, прекрасно понимая, что разбудить Кристину сейчас не смогут даже кремлевские куранты. Сама Лиза спать не собиралась. Слишком рано. Нужно сделать еще несколько звонков.

***

– Значит, ты ничего не хочешь мне рассказать? – пронзительно заметил Вадим Рязанцев, глядя на друга мутноватым взглядом. Вот уже два часа они вдвоем надирались в одном страшно дорогом клубе в отдельной кабинке, где бы никто их не потревожил, за исключением официанток в мини-юбках и почти без верха.

Вадим немало выпил, прежде чем задать этот вопрос. Лю-

бопытство не входило в список его пороков, но в данном случае даже он не мог ничего с собой поделать. Семья Норманов была самой замкнутой и недоступной для прессы и случайных людей. Но Вадим считал себя другом семьи, и сегодняшняя сцена во время оглашения завещания неприятно покорила мужчину. Его заинтриговали слова Мэдисон о возможной причастности Дэниэла к какому-то давнему преступлению, связанного с его бывшей женой.

Сколько бы ни выпил Дэниэл, он всегда умел концентрироваться и сейчас не собирался раскрывать свои секреты, об этом говорил его тяжелый взгляд, коим он окинул друга.

– Нет, не хочу. Итак, слишком много народу посвящено. Это не только моя тайна, – сухо и категорично ответил Норман. – К тому же, после стольких лет, мне совсем не хочется копаться в прошлом.

– Однако для тебя слова Мэдисон были неожиданным сюрпризом, чего нельзя сказать о завещании. Ты знал, что отец все оставит Кристине?

Еще один двусмысленный вопрос. Дэниэл усмехнулся, залпом осушив стопку текилы.

– Ты не отстанешь, да?

– Нет. – Рассмеялся Вадим. – Я настырный.

– Да, и проницательный, – поддержал его Норман. – Ты прав, я догадывался, что Джон выкинет нечто подобное.

– И ты совсем не разочарован?

– Почему же? Мне неприятно, что папа так и не простил

мне грехи юности, хотя в последнее время нам все же удалось наладить отношения. Но я не уничтожен, только моя гордость слегка пострадала.

– Почему ты не принял отказ Кристины? В ее поступке есть смысл. Вряд ли она справится с новыми обязанностями. Мне показалось, что девушка очень слаба. И этот обморок. Она еще ребенок, причем не, совсем здоровый морально. Ты мог бы обеспечить ее на всю оставшуюся жизнь, но оставить издательский дом и агентство себе. Это устроило бы всех.

– Она не ребенок, Вадик. Ей двадцать шесть лет.

– Правда? – удивился Рязанцев. – Я думал, гораздо меньше. Очаровательная девочка. Так почему вы разошлись?

– Я не хочу это обсуждать. Я недостаточно ясно выразился? – жестко спросил Дэниэл. В его голосе послышались стальные нотки. Вадим понял, что лучше с ним сейчас не спорить.

– Хорош, – сдался Рязанцев. – Значит, ты ничего не собираешься менять?

– Нет. Я постараюсь помочь Кристине разобраться со всеми делами отца. Она смышленная девушка. Жаль, что образование у нее филологическое. Она даже основ не знает.

– Наверное, поэтому Джон назначил тебя консультантом, – проницательно заметил Вадим. – И как ты собираешься выкраивать время для ее обучения? А что будет с твоим бизнесом?

– Мои заводы и автосалоны продолжают свою деятельность,

если ты это имеешь в виду. У меня много заместителей, и все проверенные надежные люди. Надеюсь, уложиться в несколько месяцев.

– Да? – скептически выгнув бровь, улыбнулся Вадим. – А в университете ты сколько учился? Шесть лет? Думаешь, что Кристина – вундеркинд?

– Поверь, мне хватит максимум полгода. У Джона тоже немало надежных людей, которые смогут ей помочь.

– И один из них Роберт Хьюстон. Похоже он положил глаз на малышку. Тебя это не напрягает?

– С чего ты взял? – нахмурился Дэниэл. Вадим пожал плечами.

– Я сам большой любитель красивых женщин, как и ты, и у меня есть глаза и чутье на такие вещи. Мы с тобой действуем прямо, а Роберт долго шифруется под джентльмена. Удалось же ему заполучить Мэдисон. А ведь он даже не в ее вкусе.

– Опять чутье? – иронично заметил Дэниэл. Вадим широко улыбнулся.

– Да. Ежу понятно, что эти двое – разные, как день и ночь. Твоя тетка – ураган, цунами, огонь. Подобные женщины предпочитают активных страстных мужчин, способных удовлетворить их неумный темперамент. Роберт не из подобной категории. Он – милый парень, симпатичный, но такие нравятся библиотекарям, а не сучкам с острыми коготками. У него один козырь – хитрость и осторожное обольщение.

– А вот здесь ты ошибаешься. Мэдисон очень любила его, когда они только поженились. И говорила, что в постели он просто зверь.

– Правда? – у Вадима вытянулось лицо. В глазах застыло недоумение.

– Да, – подтвердил Дэниэл с усмешкой. – Роберт – хитер, это есть. Но он отнюдь не тряпка, и не осторожный оболгатель. В отличие от нас с тобой, женщины лучше чувствуют мужчин, способных доставить им удовольствие. Их отношения сошли на нет, когда Мэдисон поняла, что ее муженек совершенно к ней охладел и с большим удовольствием проводит время в обществе других женщин, чем в ее постели.

– Удивительно, – покачал головой Вадим. – А с виду он такой спокойный, равнодушный, степенный. Но твоя бывшая женушка все же расшевелила его. С какой прытью он отправился ее провожать, и она, кстати, попросила именно его? Может, тоже что-то почувствовала? – это был намек, Вадим пытался закинуть удочку, чтобы снова что-то выведать.

– Здесь ты ошибаешься. Роберт ей не нужен, как и все остальные мужчины.

– Что это значит?

– Ничего, – усмехнулся Дэниэл. Он хотел что-то еще добавить, но его отвлек телефонный звонок. Дэн здорово удивился, разглядев на дисплее вызывающий его номер.

– Да, – стараясь придать голосу трезвость, ответил он.

– Дэниэл? Это не Крис, расслабься. Это я, Лиза.

Удивление только усилилось. Откуда в телефоне Кристины его номер? И почему ему звонит Лиза? Она опять в Москве? Они, что никогда не расстаются?

– Привет, Лиз. Чем обязан? – не очень-то дружелюбно отозвался Норман. Вадим заинтригованно уставился на него

– А что с голосом? Ты пьяный, что ли?

Дэниэл обомлел, потеряв дар речи. Как она поняла? Они же почти не знакомы, да и телефон сильно искажает голос.

– Нет, то есть немного... – промямлил он.

– Неважно. Нужно встретиться. Ты где? Говори адрес, я приеду, – уверенно затараторила она. Дэниэл недоверчиво посмотрел на свой телефон. Это розыгрыш?

– Зачем?

– Есть разговор.

– О чем?

– Узнаешь. Ты с бабой, что ли? Так я не помешаю.

– Нет, я с другом.

Дэниэл продиктовал адрес клуба, так и не поняв до конца, что это было.

– Кто эта Лиза? – поинтересовался Вадим, когда Дэниэл положил телефон на стол.

– Подруга Кристины. Она сейчас приедет.

– Ага, твоя малышка уже шпионов отправляет, – расхохотался Рязанцев. – Или ее подружка на тебя запала? Она ничего?

– Хорошенькая, но не по этой части. И ей далеко за трид-

цать.

– Да? Откуда она?

– Из Лондона. Приехала с Кристиной. Она была на похоронах. Жаль, что ты не смог приехать. Успел бы познакомиться.

Они перевели разговор в другое русло, не касаясь больше семейных тем, и уговорив еще бутылку текилы. Лиз появилась через полчаса. Вадим не сразу понял, что перед ними женщина. Свободные брюки, спортивная куртка, кроссовки, короткие светлые волосы и никакой косметики. Выдавали только глаза, красивые, голубые, с длинными загнутыми ресницами и чувственные алые губы. Далекое за тридцать? В Лондоне все такие замороженные? Сначала Кристина с широко распахнутыми глазами девственницы. Теперь ее подруга, похожая на подростка. Вадим был поражен.

– Мадам, вы прекрасны, – пьяным голосом провозгласил он, целуя холодную белую ручку без единого кольца. Бросив на него раздраженный взгляд, Лиза резко вырвала руку и плюхнулась в мягкое кресло рядом с Дэниэлом, почти дружелюбно, но совсем не женственно, хлопнув его по плечу.

– Привет, Дэниэл. Хреново выглядишь. Напиваешься с горя? Или это стиль жизни? – заявила она, без спроса наливая себе текилы в стопку Дэниэла. – Ты не против? – это был совсем не вопрос. Женщина одним махом опустошила сто грамм, и с грохотом поставила стопку на стол. – На улице мерзятина. Я еще налью, пожалуй.

Выпив, она удовлетворенно улыбнулась, посмотрев на Вадима.

– Вам не пора? – Без обиняков заявила она.

– Лиз, это Вадим Рязанцев, наш адвокат, —с большим опозданием представил друга Дэниэл. Вадим уставился на Озерову, словно на диковинное животное.

– А, ясно, – кивнула Лиза. – Собираешься обжаловать задержание?

– Нет. – Резко ответил Дэниэл. – Я уже все сказал Кристине. Где она, кстати?

– Спит. Я дала ей снотворное. Слушай, Дэниэл, я с удовольствием обсужу с тобой все подробности, но наедине. Понимаешь? – она бросила на Рязанцева не двусмысленный взгляд.

– Мне действительно пора, – пробормотал Вадим, поспешно поднимаясь.

– Ты извини, ладно? – Дэниэл пожал на прощание руку друга.

– Да все нормально. Я понимаю, – кивнул Рязанцев и поспешно ретировался.

– Слушай, ты всегда так прямолинейна? – развернувшись к Лизе, мрачно поинтересовался Дэниэл.

– Только с пьяными мужиками, – ответила Лиза. – Тебе налить?

– Я сам. Ты вроде женщина, – усмехнулся Норман.

– Правда? Только попробуй распуścić руки, и я тебя ка-

стрирую, – совершенно спокойно предупредила она.

– Разве я создаю такое впечатление? – не удержался от ироничной улыбки Дэниэл. Он ожидал ответной колкости, но Лиза Озерова снова удивила его. Она посмотрела на него своим странным сканирующим взглядом.

– Ты даже не представляешь, какое впечатление может создать, – наконец, произнесла она. – Я никак не могу понять, кто ты. Ублюдок или запутавшийся в жизни неудачник?

– Я предпочитаю первое, – Дэниэл выпил свою порцию текилы. Лиза последовала его примеру. Она пила, как мужик. Много, не морщась и не закусывая.

– Неудачником в полном смысле этого слова назвать тебя нельзя, – продолжила женщина. – Ты достиг определенных успехов в бизнесе, конечно, не без помощи своего имени.

– Джон лишил меня своей благосклонности и всего, что к ней прилагается много лет назад, – жестко возразил Норман.

– Да, но имя оставил. Никто бы не осмелился ставить палки в колеса сына Джонатана Нормана. Но ты все равно молодец. Мог бы спиться, стать наркоманом и сдохнуть в каком-нибудь борделе от передоза. Кристина была бы рада.

– Не сомневаюсь, – без злости ухмыльнулся Дэниэл. – Откуда ты так хорошо знакома с моей биографией?

– Я была знакома с твоей мачехой. Она часто приезжала на выставки дочери.

– И вы обсуждали меня? – брови Дэниэла поползли вверх.

– Я и Виктория Норман. Кристина не знала о тебе ничего.

Виктория беспокоилась о дочери, и предпочитала обсуждать ее состояние со мной.

– Значит, ты ангел-хранитель Кристины?

– Можно и так сказать, – согласилась Лиза. В глазах ее появилась теплота. – Мы много лет вместе. Я знаю, что ей пришлось не сладко. Крис до сих пор не совсем здорова. Было бы правильной увезти ее отсюда.

– Но?

– Это не выход.

– Я согласен с тобой. Она должна остаться, – серьезно произнес Норман.

– Но ты совсем не рад этому обстоятельству?

– Есть ряд причин, Лиза. Весьма веских.

Лиза кивнула, плеснув им обоим еще по чуть-чуть. Чокнувшись, они выпили. Потом Дэниэл заговорил:

– У каждого из нас за эти годы сложилась своя жизнь. Я уверен, что и Кристина научилась жить, не оборачиваясь. Проще все оставить, как было.

– Да, проще, но не правильной, – согласилась Озерова. – Но ты ошибаешься, Дэниэл. Кристина так и не научилась жить, не оборачиваясь. И она не счастлива в Лондоне. Ее дом тут. И когда мы приехали на похороны, я сразу это поняла. Теперь ей придется остаться, и со временем она смирится и признает, что все к лучшему. Можешь не сомневаться, я сумею ее убедить. Я – единственный человек, которого Кристина слушает. Но я здесь, чтобы убедиться кое в чем.

– Я весь внимание, – Дэниэл сосредоточенно посмотрел в голубые глаза Елизаветы.

– Сначала расскажи мне о завещании. Крис ничего не успела. Там есть особые условия?

– Да. Отец отдал Кристине все свои счета, издательский дом, модельное агентство, всю недвижимость, включая виллу на берегу Средиземного моря, но с тем условием, что она не сможет ничего продать, подарить, или передать третьему лицу, кроме членов семьи. Мне отведена роль консультанта. Я никогда не работал на отца, но имею представление, тем более у меня есть опыт в бизнесе. Я не в восторге от его решения. У меня своих дел по горло, но я не могу не помочь Кристине. Это семейное дело, я не допущу, чтобы оно прогорело.

– Мог бы воспользоваться моментом и принять отказ Кристины от наследства. Твой дружок быстро бы все обстряпал, – прищурился свои кошачьи глаза, Лиза снова попыталась залезть ему в мозг. Это действовало на нервы.

– Я не собираюсь нарушать волю отца. Он так хотел. И точка.

– Ты даже не удивлен?

– Нет. Я догадывался, что подобное может произойти.

– И не пытался склонить отца на свою сторону?

– Зачем мне это? Я богатый человек.

– Но Кристина не член семьи. Разве не мысль о том, что она и ее мать втерлись в вашу семью, заставляла тебя совер-

шать страшные поступки.

– Это допрос? – Дэниэл опасно улыбнулся. Интересно, никто не говорил этой дамочке, что очень рискованно будить в нем зверя. Или она чересчур смелая?

– Нет, – равнодушно пожала плечами Лиза, совсем не испугавшись внезапной перемены в сидевшем рядом мужчине. – Не пытайся напугать меня, Норман. Я никогда не боялась мужчин. Я всего лишь хочу понять, что тобой движет? Откуда такая покорность судьбе, или ты действительно встал на путь исправления? Или снова что-то задумал? Прежде, чем ответить, хорошо подумай. Если ты солжешь, я сразу пойму. А утром увезу Кристину.

– И я должен расстроиться? Увози, все достанется мне, – Дэниэл рассмеялся ей в лицо и откинулся на спинку кресла.

– Ты блефуешь и сам себе противоречишь. Почему бы не ответить честно. Ну же, Дэниэл. Что ты задумал? Очередная месть извращенного ума? Не хочешь брать награду, когда ее предлагают просто так, тебе необходимо вырвать победу, добив по ошибке выжившую несчастную женщину? Ты ведь был бы рад, если бы похоронил Кристину еще восемь лет назад?

Дэниэл молчал. Он долго смотрел на маленькую женщину, посмевавшую говорить ему подобные вещи. Наверное, у нее были на то причины. Нет, он не станет перед ней оправдываться. Дэниэл Норман не обязан не перед кем оправдываться.

– Ладно, Дэниэл, – небрежно махнула рукой Лиза, опрокидывая в себя еще одну дозу спиртного. – Я тебе верю. Я вовсе не думаю, что ты такой уж страшный дикарь. Но я всегда буду рядом. Так что готовься.

– Ты останешься? – изумленно спросил Дэниэл. Лиз бросила на него подозрительный взгляд.

– Конечно. Что мне делать в Лондоне? Мы с Кристиной неразлучны. Она не останется здесь без меня. А я не брошу ее на произвол судьбы.

– Очень трогательно. Что это? Любовь или все же дружба?

– Цель вопроса? – сухо осведомилась женщина, вызывая еще взглянув в его насмешливое лицо.

– Что?

– Я спрашиваю, какая цель у твоего вопроса?

– Просто интересно.

– Ты можешь заниматься сексом больше трех часов без перерыва?

– А что?

– Просто интересно, – Лиз внезапно расхохоталась в свойственной ей мужской манере. Теперь Дэниэл не сомневался в ориентации этой девицы. Но решил проверить наверняка.

– Но я отвечу, Лиза. Да, я могу. И гораздо дольше. Можешь проверить.

– Пытаешься соблазнить меня?

– Да.

– Врешь. Проверяешь.

– Я ответил на твой вопрос, а ты нет.

– Я не настаивала. Мужчинам свойственно хвастаться, а ведь я даже не могу проверить правдивость твоих слов.

– Спроси у подружки.

– Осторожно, Дэниэл. Пошутишь с ней так, и я тебя убью.

– Это уже третья угроза с твоей стороны, – заметил Норман. – Я не собираюсь обижать твою драгоценную Кристину. И очень надеюсь, что у тебя не будет поводов выполнить свою угрозу.

– Ты уж надейся, милый. И завтра утром не приезжай. Я позвоню, когда Крис будет готова.

– А что будет с ее картинами? – осведомился Дэниэл.

– Не знаю. Завтра позвоню Вуду Адамсу. Будем с ним решать.

– Кто такой Вуд?

Лиз раздраженно фыркнула. Она явно недолюбливала этого Вуда. Почему?

– Вуд Адамс – ее агент. Он занимается выставками и продажами. Носится с ней, как с принцессой голубой крови. Этаким пуделек, готовый прыгать на задних лапах ради ее улыбки, но толк в искусстве знает. Кристину сможет рисовать и здесь. Нужно только обустроить мастерскую.

– А у нее будет время?

– На картины она всегда найдет время. Если нужно, не будет спать ночами. Кристину очень вынослива. Перед выставками она вообще не спит и не ест. Я силой ее заставляю.

Но, что сделать с Вудом? Он будет в ярости. Он разорится на перелетах.

– Она мало ему платит?

– Нет, как положено. Может, ей стоит сменить агента. Но она на это не пойдет. Вуд ее друг.

– Такой же, как ты?

– Цель вопроса?

– Опять? Ты невыносима.

– Просто не хочу, чтобы ты лез в ее личную жизнь. Не имеешь права. Даже не думай, что она сможет хоть раз взглянуть на тебя, как на мужчину. Ее от тебя тошнит.

– Я знаю. Она предупреждала. Это только на меня или на всех мужчин?

– Я не знаю. Нет никакой схемы. Приступы тошноты и обмороки у нее случаются регулярно, и причины разные, но все они как-то связаны с тобой. Я тоже не выношу мужчин, но здесь другое. Я не переживала физического насилия, я родилась такой. Отец бил меня, но я с самого детства осознавала, что отличаюсь от других девочек. Я пыталась стать нормальной. Это было ужасно. Попробуй поцеловать мужика и поймешь.

– Фу.

– Вот именно.

– Я не имею ничего против твоей ориентации. Я современный человек.

– Это радует, – внезапно взгляд ее стал очень печаль-

ным, – Крис больна, Дэниэл. Очень. И ее болезнь – ты. Постарайся держаться от нее подальше. Это будет сложно, если вам предстоит вместе работать. Пусть она сама поймет, что ты больше не опасен для нее. Со временем она простит тебя, Дэниэл. Я знаю. Крис – добрая девочка.

Лиз заметила, как он резко отвел глаза, в которых промелькнула грусть, раскаяние и что-то более глубокое. Внезапно Лиз испугалась. Ей показалось, что она совершает ошибку, доверяя Дэниэлу Норману. Нужно увезти Кристин. Здесь что-то не так.... Что-то не так. Как бы потом не пожалеть.

В кабинку вдруг вплыла полуголая хорошенькая официантка. Она наклонилась к Дэниэлу и что-то прошептала ему. А потом быстро удалилась. Чисто мужским взглядом Норман провожал плавно покачивающиеся бедра девушки. Подняв глаза, он с улыбкой заметил, что в глазах Лиз точно такое же оценивающее выражение.

– Хороша? – спросил он.

– Толстовата.

– Да. Согласен.

Оба расхохотались.

– А что она хотела? У вас свидание?

– Нет, просто моя девушка приехала со съемок и только что появилась в клубе. Я был предупрежден.

– Какие все предусмотрительные.

– Соня очень ревнива. Просто были инциденты с битой

посудой и сломанной мебелью.

– Ты заслужил?

– Что?

– Ее ревность?

– На сто процентов.

– Тогда я пошла. Не хочу, чтобы тебе досталось незаслуженно, – Искренне улыбнулась Лиза, поднимаясь. – Что мне в тебе нравится, так это то, что ты не врешь. Ты лучше помолчишь. Я ценю это. Приятного вечера, Дэниэл.

– Тронут, Лиз. И тебе удачи, – он пожал ее руку. Он хотел предложить вызвать такси, но быстро передумал. Лиз не нужна ничья забота. Эта маленькая женщина – мужик с большой буквы. Норман улыбнулся ей вслед.

– Что это за баба от тебя вышла? – ворвавшись в кабинку, с порога завопила Соня. Откинувшись на спинку кресла, Дэниэл сложил руки на груди и прошелся по взбешенной фурии оценивающим ленивым взглядом. Большие зеленые глаза метали молнии; чувственные четко очерченные губы подрагивали от несдерживаемого гнева; светлые с рыжиной волосы забраны в высокий тугой хвост, отчего уголки глаз чуть приподнялись к вискам; в ушах бриллианты, подаренные им пару месяцев назад; маленькое платье выгодно подчеркивает стройность юного тела. Шикарная блондинка, девушка высшего сорта. А разве ему могла принадлежать другая? Ее не смущал ни его характер, ни дикие привычки. Иногда, конечно, Соня устраивала сцены, но этот недостаток

объяснялся ее молодостью. В двадцать два года трудно быть мудрой и практичной в отношениях с женщиной. Дэниэла редко ревновали, принимали его ветреность, как должность. И если Соня не образумится, то непременно найдется другая ослепительная блондинка, согласная делить его постель и сопровождать на бесконечные рауты и деловые встречи, где появляться без подружки не принято. К тому же Соня красивее девушек, что были до нее. Ведущая модель в агентстве отца, которое по иронии судьбы перешло бывшей жене Дэниэла. Ему трудно было представить равноправную импульсивную Соню под руководством сдержанной холодной Кристины. Она-то надеялась увидеть руководителем своего любовника.

Соня раздула ноздри, подперев руками бока. Изумрудный взгляд прошелся по столу.

– Ты не ответил! – Уже спокойней повторила она, решительно приближаясь. Дэниэл схватил ее за талию и силой усадил рядом с собой.

– Соскучилась? – спросил он, целуя бьющуюся венку на шее. Судорожно вздохнув, девушка выругалась, и обречено обняла черноволосую голову.

– Что, за глупый вопрос, Дэн? – пробормотала София, запуская изящные пальцы в его шевелюру. – Кто она, Дэниэл?

– Ты не отстанешь, да? – он с укоризной посмотрел на девушку, нехотя отстраняясь. Внезапно его взгляд упал на ее руку с новым кольцом. Огромный бриллиант переливал-

ся даже в полумраке кабинки. Губы Дэниэла дрогнули в насмешливой ухмылке. Девушка резко убрала руку, испуганно взглянув на него.

– Я сама купила, – воскликнула она, с головой выдавая себя.

– О, я не сомневаюсь, что ты заплатила за него сполна. Это не Петя. Не твой фотограф. У него бы не хватило денег. Сонь, не пытайся меня обмануть. Я же не мальчик. И все понимаю. Тебя не было почти два месяца. Ты имела право на развлечения.

– Я просила тебя прилететь, – обиженно насупилась Соня. Дэниэл расхохотался, мягко привлекая ее к себе.

– Ты неподражаема. Завела очередного богатого уажера. А виноват, как всегда, я. Милая, я скоро начну сердиться. Мне совсем не хочется делиться с сотней мужиков. Один, два, ну, три. Ты же переходишь все границы. Каждая командировка – новый брюлик. Я тебе денег недостаточно даю? Чего тебе не хватает?

Девушка оторопело уставилась на безмятежное лицо любовника. Как можно говорить такие слова с самым спокойным умиротворенным выражением? Или он смеется над ней? Длинные ресницы задрожали – предвестник слез.

– Ты слишком холоден. Я для тебя лишь красивая кукла, приятное дополнение. Ты вспоминаешь обо мне слишком редко. А я живой человек, который хочет, чтобы его любили, ценили и уважали....

– Упаси меня Боже от таких разговоров, Софи. – оборвал ее Дэниэл. – Выпьешь?

– Кто она? – упрямо поджав губы, в третий раз спросила девушка.

– Лиза. Подруга моей бывшей жены. Мы с ней обсуждали один важный вопрос, касающийся наследства, – холодно сообщил Дэниэл, закуривая. Прищурившись, он сквозь облако дыма равнодушно наблюдал за юной красавицей. Сначала она недоверчиво вскинула на него зеленые кошачьи глаза, а потом ее лицо просветлело.

– Точно, как я могла забыть. Ты звонил мне. Я помню. Дэниэл! Так я могу тебя поздравить?

– С чем? С тем, что погиб мой отец? – сухо поинтересовался Норман.

– Нет. Я не могла прилететь на похороны. Я очень сожалею. Но я права? Ты теперь мой директор? Постой... – София нахмурила свои бровки. – А причем тут подруга твоей бывшей?

– А притом, что моя бывшая – твой шеф, а не я, – выпалил Дэниэл со свойственной ему хладнокровностью. Соня открыла рот, потеряв несколько процентов своей привлекательности. Даже сквозь загар было заметно, как она побледнела. Норман чуть не расхохотался. Сейчас эта девчонка наверняка подсчитывает убытки, которые принесла ей эта новость.

– Как это? Не понимаю... – пробормотала она.

– Не напрягай мозги, малышка. Думать тебе не к лицу. Просто прими, как неизбежность. Нет больше добросердечного простака Джона. Манипулировать Кристиной тебе не удастся. Так что готовься доказывать свою профпригодность. Она не поведется на красивые глазки, – насмешливо сообщил Дэниэл Норман.

– Но она же в Лондоне! Ты сам говорил. У нее там свой бизнес. Зачем ей наше агентство? А издательство?

– Все принадлежит Кристине, – подвел черту Дэниэл. – Смирись, я бесприданник.

– Она здесь? В Москве?

– Да, а где ей быть? Сегодня было оглашение.

– Ты же это так не оставишь?

– Говоришь, как Мэдисон, – устало ответил Норман. – Я не собираюсь подавать апелляцию. Я далеко не беден. Зачем мне лишний груз?

– Но это дело твоего отца! – яростно возражала Соня. Дэниэл даже удивился ее упорному неверию.

– Милая, я могу позволить себе не одну сотню таких же перстней, что сейчас на тебе. Не о чем тревожиться, – иронично попытался утешить подружку Дэниэл.

– Почему ты так спокоен? Кто она такая, чтобы являться и забирать то, что принадлежит тебе по праву?

– Она моя жена. Бывшая, – поправил Дэниэл. – И дочь любимой жены Джона. Он счел, что она достойнее, чем нерадивый сын.

– Ты – нерадивый? – возмущенно воскликнула София. – Да ты самый успешный....

– Вот и ответ, – оборвал её Норман. – Сонь, на тебе это никак не отразится. Ты отличная модель. Кристина не слепая. Увольнение тебе не грозит.

– Как же! – фыркнула Соня. – Как ты не понимаешь! Она – женщина. Я не могу работать с женщиной, да еще с твоей бывшей женой. Она же мне всю плешь проест.

– С чего ты взяла? – раздраженно осведомился Дэниэл.

– Ты на самом деле такой наивный? Я – твоя любовница!

– И что? Мы восемь лет назад развелись. Наши отношения далеки от дружеских, но изводить тебя за то, что ты спишь со мной, она точно не станет.

– Уверен? – заколебавшись, спросила девушка. Дэниэл взял ее руку и заглянул в тревожные глаза.

– Да. Успокойся. Кристина адекватная женщина. Какое-то время я буду принимать участие в управлении агентством. Ей нужно помочь.

– Мне это не нравится, – покачала головой Соня. – Я была уверена, что ты станешь полновластным наследником всего, чем владел Джонатан. Он был разумным милым стариканом. Почему он так поступил?

– Не знаю, – Дэниэл пожал плечами. Девушка, подозрительно сузив глаза, смотрела на него, изучающего свою сигару и выпускающего струйки дыма.

– Она красивая? – спросила Соня. Дэниэл недоуменно

взглянул на нее.

– Да. Но тебя это не должно беспокоить. У нас с ней дружные отношения.

– И какие?

– Она меня недолюбливает. – Смягчил свой ответ Дэниэл.

– Почему-то меня это не удивляет. Уверен, что раньше ты был еще хуже.

– Это точно, – усмехнулся Дэниэл. – Ей досталось самое худшее, что было во мне.

– Жалеешь об этом? – и снова этот пронзительный взгляд. Дэниэл почему-то вспомнил последние слова Лизы. А она права. Он – кто угодно, но не лжец.

– Да, Сонь, я жалею. Я о многом жалею, – ответил он. Губы девушки дрогнули, в глазах застыло удивление.

– Не верю, что слышу от тебя подобное, – призналась она. – Что же ты такое сделал?

– Тебе лучше не знать, – лицо Дэниэла потемнело. Он больно сжал ее руку. – Не задавай мне больше вопросов. Это в твоих интересах, – жестко предупредил он. Девушка испуганно отпрянула, удивленная внезапной переменой.

– Хорошо, – кивнула она. – Поехали к тебе?

– Да. Поехали. Покажешь мне, насколько сильно соскучилась, – Дэниэл широко улыбнулся.

Глава 10

Кристина стояла посреди своей новой мастерской и смотрела на чистый холст. Солнечный свет, проникая через большие окна, бил прямо в глаза. Нахмурившись, молодая женщина отвернулась и подошла к стене, где стопочкой стояли готовые работы. Те, что она написала еще в Лондоне. Их привез сюда Вуд. Четыре дня назад ремонтники закончили обустройство мастерской в принадлежавшем теперь Кристине доме. И все эти четыре дня Монахова каждый день поднималась сюда, но так, ни разу не взялась за кисть. Что поделать, она привыкла работать в Лондоне. Там все было иначе, даже воздух другой, а об освещении вообще говорить не приходится. Но не только непривычное освещение мешало ей начать работать над коллекцией. Пропало вдохновение. Она чувствовала себя опустошенной, растерянной, чужой. Она в Москве. Навсегда.

Неужели Лиз все же удалось убедить ее? Несколько недель потребовалось Озеровой, чтобы достучаться до здравого смысла подруги. Целый месяц она здесь, хотя приехала на день, и неделю, как полноправная наследница всего имущества Джонатана Нормана. Вадим Рязанцев даже не пытался скрыть свое удивление, когда она, наконец, появилась на пороге его кабинета, она и сама себе не верила, пока не поставила последнюю решающую подпись. Зачем? Что ей теперь

делать со всем этим богатством? Останется ли у нее время для нее самой и для ее таланта? И вот печальный итог – полное отсутствие желания творить, голова занята чем угодно, но не картинами. Она была так растеряна, что даже не заметила, как в дверь постучали.

– Крис? – это был Вуд. Он решил остаться на несколько недель в Москве, чтобы посмотреть, как у нее пойдут дела в новой обстановке.

Обернувшись, Монахова бросила на него затравленный взгляд. Он все понял без слов, а просто подошел и обнял за плечи, привлекая к своей теплой надежной груди.

– Все в порядке. Тебе просто нужно время. Выставка подождет. Я договорюсь об отсрочке. Сколько тебе нужно? Месяц? Два?

– Не знаю, – покачал головой Кристина, прислушиваясь к его мерному сердцебиению. – Спасибо, что ты здесь. Со мной.

– А где же мне быть? – улыбнулся Вуд. В голубых глазах застыла тревога. – Ты голодна? Ужинала?

– Нет. Я недавно вернулась из издательства, – женщина сдвинула брови. – Вуд, я уже три дня пытаюсь разобраться. И ничего. Все там такие суетливые, неискренние. Они все льстят, но никто не верит, что у меня что-то получится.

– Три дня – не срок, – мягко заметил Вуд, осторожно подводя ее к дверям. – Поехали, поужинаем. Лиз дома?

– Нет. Она собиралась на поиски офиса для своей частной

практики.

– Уже довольно поздно для встреч с риелторами, – Вуд взглянул на массивные золотые часы. – Десять вечера.

– Не переживай, – отмахнулась Крис. – Никуда она не денется. Опять пьянствует с Дэниэлом в каком-нибудь клубе и сплетничает обо мне.

– Ты серьезно? – изумился Вуд, придерживая ее за локоть, пока они спускались по лестнице. Он не мог представить ревнивицу Лиз, пьющую на брудершафт с мужчиной, да еще с этим невыносимым типом Дэниэлом Норманом. Вуд предчувствовал, что ему вряд ли понравится бывший муж Кристины. И он не ошибся. Высокомерный, испорченный, самоуверенный, хитрый и неприятный тип. И хуже всего, что теперь он постоянно находился рядом с Кристиной, пользуясь пунктиком в завещании. Консультант! Что он понимает, кроме своих машин? Чему может научить ее, если сам никогда не занимался делами отца?

– О, да, – ответила Кристина, не скрывая иронии. – Они теперь закадычные друзья. Предательница. Из всех мужчин она выбрала Дэниэла Нормана. Она заявила мне, что он ей интересен, как объект для ее психологических исследований. Ха! Что там исследовать?

– Думаю, дело не в этом, – задумчиво проговорил Вуд, надевая на хрупкие плечи девушки шубу. – Знаешь поговорку: держи друзей близко, а врагов еще ближе? Возможно, она просто прощупывает почву, чтобы обезопасить тебя.

– Хотелось бы верить, – вздохнула Кристина.

Они вышли на улицу. Февраль подходил к концу. Сад и дорожку запорошило снегом, который скрипел под ногами. Вуд сел за руль красного Форда, который раньше принадлежал Виктории Норман. Сама Кристина не водила. У нее не было прав. Обычно она пользовалась услугами шофера, но отпустила его пару часов назад.

– Куда поедем? – спросил Адамс. Кристина пожалала плечами. Есть ей совсем не хотелось, что неудивительно. Чувство голода было ей незнакомо с восемнадцати лет. Зато она знала, что такое боль и тошнота.

– Все равно, – передернула плечами Кристина. – Поезжай по трассе. Остановимся в первом попавшемся приличном кафе. Не хочу отравиться. Как тебе в Москве? Не надоело?

– Через пару дней я улетаю. – ответил Вуд. – Нужно уладить отсрочку с выставкой.

– Но в запасе несколько месяцев, – встревожилась Кристина. Она не хотела отпускать друга. Единственного человека, который связывал ее со спокойной жизнью в Лондоне.

– Ты не успеешь. У тебя теперь совсем мало времени. Я понимаю, что невозможно совмещать столько дел сразу. Кристина, ты определись после выставки, подумай, хочешь ли продолжать писать картины.

– А ты?

– Я? – Вуд горько улыбнулся. – Мне будет недоставать своей лучшей художницы. И я буду счастлив, если ты решишь вернуться, но я в любом случае останусь твоим другом.

– Не знаю, что сказать, – пробормотала Кристина. – Я совсем запуталась. Это завещание выбило у меня почву из-под ног. Из уважения к Джону и маме я не могу отказаться от наследования. Но все так сложно. Я не леди босс.

– А как Дэниэл? Как складывается ваше сотрудничество?

– Трудно судить по трем дням, – пожалала плечами Кристина, разглядывая проплывающие мимо дома и автомобили. – Я думала, что будет хуже. Но он ведет себя адекватно, говорит только по делу. Не думала, что он так хорошо разбирается в печатном деле. И в модельном. Хотя последнее ему явно ближе. Девушки-манекенщицы его боготворят. Я же не знаю, как с ними общаться. Они, как инопланетянки. Все разговоры о мужиках, спонсорах, деньгах, брендах. И я должна их продавать!

– А в "Монро" не существует такого понятия, как "эскорт услуги"? – поинтересовался Вуд, проезжая мимо придорожной закуской. Там их точно отравят.

– Нет. Джонатан был очень щепетильным в этих вопросах. Может втихаря девочки и занимаются чем-то подобным, но руководители "Монро" не в курсе.

– Или Дэниэл не спешит просветить тебя?

– Нет, – категорично покачала головой Монахова. – Джон бы не позволил. Все девушки отлично знают свое дело. Они

красивые, без темного прошлого, работоспособные, не лентяйки, что очень важно при их напряженном графике. Мы сотрудничаем со многими известными заграничными компаниями. Сегодня Дэниэл доверил мне вести переговоры с американской компанией по выпуску минеральной воды. Но в издательстве все гораздо сложнее. Огромное производство, штат в несколько тысяч человек. Но тут мне здорово помогает Роберт. Однако Дэниэл считает, что я и сама должна разобраться со всеми нюансами, а не слепо доверять Роберту.

– Это разумно, – не без раздражения поддержал Вуд. – Роберт – темная лошадка. У него могут быть свои интересы, не связанные с твоими. Кстати, впереди какое-то кафе. Заедем?

Кристина нахмурилась. Странное неприятное предчувствие шевельнулось в душе.

– Давай, – кивнула она. – Мы итак далеко уехали.

Но стоило зайти внутрь затемненного помещения, Кристина поняла источник внезапной тревоги, которая накрыла ее. Инстинктивно сжав руку Вуда, она замешкалась у гардероба, глядя в зал. Проследив за ее взглядом, Вуд все понял.

– Мы можем уйти, – спокойно сказал он. Кристина отрицательно мотнула головой. Это просто непостижимо и необъяснимо. Из всех кафе Москвы Лиз и Дэниэл выбрали именно это. Но еще удивительнее то, что Крис не заметила припаркованный автомобиль подруги. Она просто не ожидала его увидеть здесь. Мало ли черных БМВ катаются по

Москве? Что ей теперь на каждый номер смотреть?

– Я не хочу выглядеть смешной. Мы останемся, – пояснила она свое решение. Ничего страшного. Они уже несколько раз обедали все вместе. Теперь вот поздний ужин. Разве ужин отличается от обеда?

Дэниэл и Лиза сидели у темного окна, на столе только бутылка и блюдо с лимоном. На ужин не похоже. Окутанные облаком сигаретного дыма, они беспечно болтали. Довольные жизнью лица, искренние улыбки. Вот Дэниэл наклонился к спутнице, что-то доказывая ей, и прикасаясь к ее руке, держащей сигарету. Запрокинув голову, Лиза громко расхохоталась, толкнув его в плечо. Так легко. Кристина почувствовала, как все больше раздражается. Черт побери! Что это за панибратство. Пусть Лиза только посмеет, потом прикоснуться к ней, ее точно стошнит. Она видела, что она трогала Дэниэла.

– Обезопасить меня? – приподняв бровь, съязвила Кристина, взглянув на Вуда, тоже удивленно наблюдающего за неприлично громко хохочущей парочкой. Не оставалось никакого сомнения – оба были изрядно пьяны.

– Ну, на войне все средства хороши. Хитрый маневр?

– Ты сам-то себе веришь? – усмехнулась Кристина.

Затянувшись сигаретой, Дэниэл Норман поднял голову и встретил напряженный взгляд бывшей жены. Что она здесь делает? Он переключил внимание на ее спутника. Агент

Вуд Адамс собственной персоной, властно сжимающий руку Кристины. Значит от его прикосновений ее не тошнит? Что еще она ему позволяет? Нарисовавшаяся в мозгу откровенная картина совсем ему не понравилась. Сузившимися глазами, Дэн наблюдал, как парочка подходит к ним. Кристина старательно делала вид, что абсолютно спокойна, но ее выдавали напряженные плечи и неровная походка. Зато Вуд совершенно неподражаем. Просто агент 007. Джеймс Бонд. Любитель живописи, значит?

– Привет, – бодро сказал Вуд на ломанном русском. Дэниэл, снисходительно ухмыляясь, пожал протянутую руку. Лиза, перестав улыбаться, напряженно кивнула подружке. На лице виноватое выражение. Кристина едва взглянула на нее. Кто, интересно, кого и к кому здесь ревнует? – рассуждал про себя Норман. Ситуация, достойная пера романиста. От его цепкого взгляда не укрылось, что Кристина так и жметя к плечу своего агента. В поисках защиты? От кого? Неужели все еще боится? Или это признак близости их отношений?

– Не напрягайся, Вуд. Можем, говорить по-английски. – Дэниэл отодвинул соседний стул, и посмотрел на Кристину. – Садитесь с нами, если хотите.

Монахова смерила его быстрым взглядом.

– Нет, не будем мешать, – она вежливо отклонила предложение, и взяв Вуда под локоть, повела к самому удаленному от них столику.

– Вот и поговорили, – невесело усмехнулся Дэниэл, взгля-

нув на поникшую Лизу. Женщина плеснула себе водки и одним махом выпила.

– Не бери в голову. Все равно с ними говорить не о чем, – иронично сказала она. – Я ничего не понимаю в живописи, а у них – это основная тема.

– Почему тебе не нравится Вуд? – спросил Дэниэл, краем глаза наблюдая за Кристиной и ее спутником. Как истинный джентльмен, Вуд отодвинул перед своей дамой стул, помог сесть, придерживая за руку. Нормана даже передернуло. Адамс подал Кристине меню, снова накрыл ее руку своей огромной ладонью. Кристина улыбнулась ему, открыто, искреннее, тепло. А Дэниэл думал, что она разучилась так улыбаться. Все же умеет. Не всем, не ему. Хорошо.... Нет, обидно. Заслужил, скотина, сволочь, но обидно, черт возьми. Когда-то очень давно все принадлежало ему: каждая улыбка, каждый вздох, каждая черточка ее напряженного лица.

Пепел с сигареты упал прямо в стопку с водкой. Но Дэн не заметил. Лиз не ответила на его вопрос, и наблюдала за ним, пока он наблюдал за Кристиной. Медленно, очень медленно безукоризненный профиль Крис расслаблялся, взгляд становился мягче, движения свободней. Сейчас она уже не походила на манекен из витрины. Холодный, красивый, бесчувственный манекен. Живая и теплая. Такая, какой он ее запомнил.

– Дэниэл! – тихо окликнула его Лиза. Дэниэл, вздрогнув, посмотрел в пронзительные и глубокие голубые глаза. Эта

женщина каким-то чудом сумела разгадать его. Не полностью, но частями. То, что он хотел показать. Но даже эти мелочи до нее не разглядел никто.

– Наверное, я бы влюбился в тебя, не будь ты лесбиянкой. – Неожиданно признался он. Это было правдой. Слишком много одиноких лет. Сердце устало от пустоты и мрака. Не осталось ни злости, ни ярости. Те, кто создали чудовище, успокоились, усыпив зверя в нем.

– Вряд ли, – усомнилась Лиза, лукаво улыбаясь. – Любовь – это химия. Если притяжение не возникает сразу, то ничего не выйдет.

– Не согласен, – задумчиво покачал головой Дэниэл. – А как же пары, которые только с годами понимают, что их связывают крепкие чувства?

– Это другое. Ты путаешь, дорогой, привычку и уважение со страстью. Любовь – это страсть, это сумасшествие, которое на какое-то время заполняет душу и сердце до отказа, не оставляя места ничему и никому, кроме желанного объекта, а потом остается пустота и обломки. Волна, набрасываясь на берег, все же возвращается в море, забирая с собой лишь мелкие камушки и песчинки. Волна остается волной, а берег берегом. Ничего не меняется. И все же чего-то не хватает.

– А как же ракушки?

– Ракушки?

– Да. Ракушки. Волна оставляет ракушки на берегу, тину, кусочки водорослей. Значит, тут существует некий обмен. В

чем же потеря?

– Это сложно объяснить, пока не почувствуешь, – философски заметила Лиза. При этом ее лицо просветлело, разгладив легкие первые морщинки вокруг глаз и губ. Так странно.... Красивая женщина, рассуждающая о любви, страсти, привычках и уважении, как настоящий романтик, и вдруг – лесбиянка? Где справедливость? Скольких мужчин она могла бы сделать счастливыми? Образумить, научить любить. Ответ пришел сам. Мало, кто из современных мужчин понял бы. Никому не нужна романтика. Он и сам такой. Просто минутная слабость. Слишком много выпито.

– Почему ты думаешь, что я не пойму? Считаешь, что я не любил? – спросил Дэниэл, закуривая новую сигарету и не давая серому облаку вокруг них рассосаться.

– Любил, – кивнула Озерова, широко распахнутыми глазами глядя на него. – Но не так, как нужно. Когда к любви примешивается ненависть и злоба, это чувство способно убить и носителя, и объект. Не могу понять, Дэниэл. Вижу тебя, слышу тебя, чувствую в тебе много противоречивого и опасного, но не могу понять одного. Как ты мог завести интрижку с женщиной, подобной Виктории Норман? Красивая и пустая, холодная и оттого не разборчивая в своих истинных желаниях. В ней нет глубины, не было. Боюсь, она так и не поняла, что сотворила с вашими жизнями.

– Лиз, ты вступаешь на опасную почву, – взгляд Дэниэла Нормана поledenел, в уголках губ застыла холодная жесткая

непреклонность.

– Ты так же избегаешь болезненной темы, как и Кристина. Прятать голову в песок – не лучший выход. От меня не зачем скрываться. Я знаю о тебе самое худшее.

– Ты ничего обо мне не знаешь, – резко ответил Дэниэл, опрокидывая в желудок стопку водки, смешанную с пеплом от сигареты. – Считаешь меня злодеем?

– Нет. Глупцом, упрямым испорченным мальчишкой, который слишком поздно начал взрослеть, – Лиза улыбнулась мягко и понимающе, как мать. Он часто вспоминал о матери. Она умерла слишком рано, а отец горевал недолго и выбрал полную ее противоположность. Дэниэл был уверен, что его святой отец начал изменять матери задолго до её смерти. Она чувствовала, что теряет мужа и опустила руки. Алисия Норман могла прожить дольше, если бы боролась со своей болезнью. Но она сдалась... и проиграла. Много лет Дэниэл винил в смерти матери отца и его любовницу. Дэн никогда не был влюблен в Викторию. Он ее ненавидел.

– Так почему ты не любишь говорить о Виктории Норман? Все еще болит? – в лоб спросила Лиза. И снова лицо Дэниэла искажилось, но он сдержал гнев.

– Нет, – ответил он, бросив быстрый взгляд на Кристину. Их разделяло несколько столов, и все же он слышал, как она рассмеялась. Почему он никогда не слышал ее смеха?

Лиза проследила за его взглядом, и отразившейся в ней печали.

– Значит, чувство вины? Воспоминания о Виктории несут с собой другие воспоминания? Ты хотел наказать ее, а наказал себя.

– Дело не только в мести и ненависти, Лиз. Все сложнее. Жестокость во мне. Она была всегда. И до Виктории. Я не был невинным и чистым юношей, соблазненным коварной распутной мачехой. Скорее, наоборот. В Нью-Йорке, во время учебы, я жил у Мэд и Роба. Она провела меня по всем местам, где прославляют и ублажают, а не осуждают человеческие пороки. Бордели, казино, ночные клубы, разнузданные вечеринки, оргии и легкие наркотики. В двадцать два года я был так испорчен, что даже Вике удивить меня было нечем. Я презирал ее, хотел растоптать, открыть глаза отцу на женщину, которую он притащил в нашу семью. Сейчас я бы выбрал совсем другой метод.

– Ты сожалеешь?

– Глупый вопрос, Лиз. Так почему тебе не нравится Вуд? – вернулся Норман к заданному несколько минут назад вопросу.

– Сложно объяснить, – задумчиво проговорила она. – Он – идеален, а меня пугают идеальные люди. Вуд – красивый и умный мужчина. Но слишком благороден. В нем есть что-то рыцарское. С таким любая женщина почувствует себя, как за каменной стеной. Он мог бы сделать Кристину счастливой. Я должна бы помочь ей, подтолкнуть ее, но не могу. Здесь... Я... – в глазах женщины отразилась тревога и боль,

губы скривила усмешка. – Я потеряю ее, если она будет с ним. Он не поймет нашей дружбы. Я эгоистка. Для нее это и есть долгожданный выход, освобождение от боли, но я слишком люблю ее, чтобы отпустить. Ужасно, да?

– Нет. Я бы чувствовал что-то подобное на твоём месте, – признался Дэниэл, пронзительно глядя на Лизу. В его синих глазах что-то мелькнуло и погасло, и Озерова не успела понять смысл.

– Ты тоже можешь быть опасен, – неожиданно выпалила Лиза, окинув его долгим изучающим взглядом. – Чувство вины иногда можно спутать с любовью. И ты тоже красив, но иначе. В тебе есть что-то жесткое, даже пугающее, но, разбойники также возбуждают воображение женщин, как и благородные рыцари. Но между вами стена, которую не перейти, и никакое время это не изменит.

– Я польщен. Ты считаешь меня красивым? – Дэниэл откинулся на спинку кресла и затянулся сигаретой, ослепительно улыбаясь. – А так я менее жесткий и пугающий?

– Прекрати, – хохотнула Лиза. – Как ребенок, ей Богу. Как поживает твоя ревнивая подружка?

– Ждет меня в моей же квартире. Чую, что без истерики опять не обойтись, – небрежно бросил Дэниэл.

– Взял бы ее с собой и развеял сомнения несчастной.

– Нет. Ни за что, – серьезно сказал Дэниэл, сделав грозное лицо.

– Почему?

– Отобьешь!

– Дурак, – шикнула на него Лиза. – У меня есть подруга.

– Но она не одна, – заметил Дэниэл. – Смотри, как мило они беседуют.

– Ревнуешь?

– А ты?

– Я первая спросила.

– Немного, – вздохнул Дэниэл. – Мог бы соврать.

– Я ценю твою честность. Я тоже ревную. Ей нужен мужчина. Только она этого еще не поняла.

– И я так понимаю, что ты ей в этом не помощник? – приподняв бровь, спросил Дэниэл. – В данной ситуации я на твоей стороне. Вуд мне тоже не нравится.

– Боюсь, что не одного тебя ждет дома истерика, – печально призналась Лиза. – Она не понимает нашей дружбы. Считает, что я ее предаю.

– Эти три дня, что мы работали вместе, она держалась довольно вежливо. Возможно, со временем мы придем к компромиссу.

– Несомненно. – Согласилась Лиз. – Давай, уйдем отсюда.

Он сейчас ее на танец пригласит, а я этого не переживу.

– Подвезти тебя домой?

– Ты же пьяный.

– Ты тоже.

– А какая разница. Повезет меня пьяный Дэниэл или пьяная Лиза поедет сама?

– Логично. Пошли?

Лиз неуверенно встала. Несмотря на заплетающийся язык, шла она очень даже прямо. Дэниэл еще раз удивился выносливости этой маленькой женщины. Трезвый ум и ноги, даже после бочки спиртного. Есть к чему стремиться.

Кристина и Вуд покинули кафе часом позже. Несмотря на испорченное неожиданной встречей настроение, вечер получился вполне сносным. Вуд всегда помогал ей отвлечься. Галантный и внимательный, в меру остроумный, он умело вел разговор и не был навязчив. Идеальный друг и напарник.

Возле ворот особняка, они еще несколько минут постояли, чтобы подышать свежим воздухом перед сном, потом неспешно пошли к дому.

– Вам не тесно в одной комнате? – неожиданно остановившись на крыльце, Вуд развернул Кристину к себе лицом. Серые глаза удивленно глянули на него из-за длинных покрывшихся инеем ресниц.

– Нет. Почему ты спросил? – голос ее был тихим и спокойным.

– Просто так, – он качнул головой, словно пытаясь отбросить ненужные мысли.

– Почему тебе не спросить прямо? Вуд, столько лет ты ходишь вокруг, да около, но не задаешь прямого вопроса. Неужели ты сам не понимаешь? – она мягко улыбнулась, дотронувшись до его щеки холодной ладошкой. – Ты осужда-

ешь меня?

– У меня нет на это права.

– Снова увиливаешь.

– Да. Но что я могу сделать? Ты мне очень дорога и близка. А любимых людей принимают такими, какие они есть, – печально произнес Вуд. В голубых глазах было столько нежности и чисто мужского желания, что Крис отвела взгляд.

– Теперь, когда ты здесь, а я там, я о многом жалею, – продолжил Вуд, перехватив ладонь девушки и согревая ее своим дыханием. – Мы должны были попытаться. Ты и я. Когда-то ты любила мужчину.

– И он доказал мне, как я была глупа, – иронично добавила Кристина.

– Я бы мог доказать обратное, – взяв ее лицо за подбородок, он заставил девушку посмотреть на себя.

– Не думаю, Вуд. Сейчас все слишком запуталось. Ты мог бы меня убедить, и я бы согласилась рискнуть. Но это нечестно. Я уязвима сейчас. Не трогай меня. Дай мне время.

– Сколько хочешь, – пообещал Вуд.

Они распрощались в холле, и Адамс отправился в свою комнату, которая находилась в противоположном крыле, от спальни Лизы и Кристины. Монахова зашла на кухню, чтобы выпить стакан сока перед сном, и тоже отправилась к себе. Лиза зря переживала, Крис не устроила ей сцены, а задала только один вопрос:

– Ты скажешь мне? Если поймешь, что мне стоит быть

осторожнее.

– Я рада, что ты все поняла. – Лиза нежно и благодарно улыбнулась, обнимая подругу, которая устало положила голову на ее плечо.

Глава 11

Следующие несколько недель прошли в таком же напряженном графике. Четыре часа в день Кристина отдавала издательскому дому и два – "Монро", вскоре поняв, зачем понадобилось любителю книг Джону Норману открывать модельное агентство. Главным продуктом издательства был женский глянцевого журнала, в котором печатались не только сплетни о поп-звездах, актерах и политиках, но и последние новинки моды, а тут без хорошеньких мордашек не обойтись. Журнал оказался тесно связанным с агентством. Он пиарил модели и экономил на них же. Отношения Дэниэла и Кристины не менялись. Натянута-деловые. Крис сама удивлялась, как легко ей удастся пережить его постоянное присутствие. Официальный, разумный Дэниэл Норман был ей незнаком, и не казался опасным. Ее даже перестали мучить спазмы в желудке. Кристина потихоньку вникала в дела его отца, загораясь все большим энтузиазмом. И чем больше она понимала, тем сильнее росла ее вера в успех. Даже Роберт заметил, как быстро она учится.

К концу месяца Дэниэл стал меньше отводить времени на ее обучение, Кристина вполне справлялась сама, а, если что-то не понимала, помогал Роберт. Она невольно восхищалась его умением вести переговоры, извлекая из них максимум пользы с минимальными потерями. Постепенно они стали не

только коллегами, но и приятелями. Теперь, разглядев его поближе, Кристина не без удивления заметила, что он очень обаятельный мужчина. Высокий, кареглазый с глубоким умным взглядом и спокойной улыбкой, очень надежный, сдержанный и внимательный. Если Кристина слишком увлекалась рабочим процессом, он мягко, но решительно уводил ее на обед, где доводил почти до слез шутками и анекдотами. Они совсем не говорили о его жене, и Мэдисон не появлялась в издательстве, явно не желая видеть Кристину. И чем больше Монахова узнавала Роберта, тем меньше понимала, что может связывать такого замечательного положительно-го человека с надменной и пустой Мэдисон. Вуд даже начал немного ревновать ее к Роберту. Она часто звонила ему в Лондон и подробно рассказывала о своих делах, включая и дружбу с Робертом. Вуд надеялся выкроить время и прилететь в ближайшем будущем, чтобы отвлечь ее от мнимого соперника.

Разобравшись с делами, Кристина, наконец, вернулась к своим картинам. Правда, времени у нее на творчество оставалось совсем мало, но она очень старалась успеть к выставке. Возвращаясь домой в восемь, Кристина проводила еще пять часов в мастерской, а в семь утра уже была на ногах – бодрая и полная сил. Лиза ощущала смешанные чувства, наблюдая за подругой, которая, казалась, ожила впервые за последние восемь лет. Женщина понимала, что это мнимое улучшение. Слишком много новых впечатлений, эмоций, пе-

ремен, но стоит жизни встать на привычные рельсы, боль вернется.

– Не перетрудишься. Нужно же и отдыхать, – с укоризной выговаривала Лиза, проснувшись в три часа ночи и не застав Кристину в постели. Измазанная с ног до головы в краске, босая в одной ночной рубашке, Монахова исступленно рисовала.

– Не журчи, – хмуро ответила Кристина, выглядывая из-за холста. На ее щеке красовалось огромное темно-синее пятно. Лиза знала, что Кристина сердится на нее из-за ее очередной совместной попойки с Дэниэлом. Она не выносила запаха спиртного, который приносила на себе Лиза, возвращаясь с этих странных встреч. Если бы Крис не знала Лизу так хорошо, то заподозрила бы роман.

– Тебе вставать через четыре часа, – напомнила Озерова, подходя вплотную.

– Отойди. От тебя пахнет водкой.

– Это виски.

– Мне все равно. Уйди. Я скоро приду.

Лиз не двинулась с места. Протянув руку, она убрала выбившийся локон из хвоста Кристины ей за ухо, потом провела кончиками пальцев по шее.

– Пойдем спать, – мягко прошептала она, наклоняясь и легко прижимаясь губами туда, где только что были пальцы. Кристина вздрогнула, уронив кисть. К запаху спиртного примешался другой запах, запах Дэниэла, его туалетной во-

ды.

– Прекрати, – резко отстранившись, крикнула Монахова, сверкая глазами. – Черт побери, Лиз. Почему от тебя воняет Дэниэлом? Что вы там делаете?

– Тебе мерещится, черт знает что! – возмутилась Лиза. – Что мы можем делать, по-твоему? А? Ты просто переутомилась, вот и лезет в голову всякий бред. Ложись спать.

– В другой комнате, – твердо отчеканила Кристина. – Я не лягу спать с тобой, пока на тебе его запах. Смой его.

– А что ты так бесишься? Вы вроде работаете вместе и общаетесь без проблем.

– Мы не общаемся. Не так, как вы. Я не понимаю, чего ты добиваешься? Хочешь разозлить меня? Не слишком ли далеко зашли твои изыскания? Что ты там изучаешь?

– А что ты злишься? Ревнуешь? Меня? Или его?

– Да, пошла ты, – бросив на подругу полный презрения взгляд, Кристина прошла мимо нее. В эту ночь она, как и предупреждала, легла в другой комнате.

Утро наступило слишком быстро. Рассерженная Кристина не могла уснуть, даже приняв снотворное, которое принимала тайком от Лизы, как и другие препараты. Без них она бы не выдержала ни общения с бывшим мужем, ни напряженного графика. Она знала, что рано или поздно Лиза догадается.

Несмотря на жуткую головную боль и отвратительную дорогу, она ровно в восемь была в издательстве. Стояла сере-

дина апреля, и погода постоянно менялась, снег таял, образуя лужи грязи, серое небо не доставляло радости. Авитаминоз и уныние – обычные весенние симптомы.

Выпив третью кружку кофе, Кристина пыталась сфокусировать свой взгляд на мониторе компьютера, отражавшего динамику продаж, которые неумолимо падали. Финансовый кризис ударил и по издательству. Народ подсчитывал убытки, а не читал книги. Если так пойдет и дальше, то придется прибегнуть к крайним мерам, на которые пошли многие крупные компании – сокращению штата. Или что-то придумать, но что? Над этим и ломала голову Кристина, наблюдая сквозь стеклянные стены своего кабинета за суетливой работой сотрудников. На столе лежали образцы обложек для новой версии журнала, но, ни одна ей не понравилась.

В напряжении кусая губы, она быстро выловила цепким взглядом Роберта, который шествовал от стола к столу, по несколько минут уделяя каждому работнику. Когда он, наконец, добрался до нее, Кристина уже разорвала в клочья все варианты для обложек журнала.

– Привет, – улыбнулся он бодро, уронив взгляд на грудку мусора на столе. – Утро не задалось?

– Точно, – выдохнула Кристина. – Кофе будешь?

– Не, я выпил уже. Спасибо, – Роберт уселся на край ее стола и выжидающе посмотрел в расстроенное лицо. – Ты уже видела динамику продаж?

– Да, – кивнула Кристина. – Что будем делать?

– Я дам почву для размышления нашим редакторам. Пусть подумают. Ты бледная. Так расстроена?

– Да. И не выпалась еще. На улице дождь, на работе дурдом. Побледнеешь тут, – покачала головой Кристина.

– Нужно развеется. Самый лучший помощник от депрессии – это отдых. Давай прогуляем? Сходим в ресторан, истратим кучу денег. Напьемся. – Роберт лукаво улыбнулся и подмигнул. – Согрешим по пьяни. Будет потом, о чем еще больше расстраиваться.

– Ты хулиган, Роб. – Кристина мягко рассмеялась, стукнув его по плечу. – Я бы рада, но настроение совсем не то.

– Ага, рада она. Ты меня всерьез не принимаешь. Я ведь не шутил. Ты даже не представляешь, какой я неисправимый бабник в душе, – Роберт сделал обиженное лицо, и Кристина расхохоталась еще громче.

– Ладно, в душ я с тобой не пойду, – сквозь смех, выдавила Кристина. – Но в ресторан, возможно. Но позже. Нужно еще в "Монро" заглянуть. Девочки сейчас тоже почти без работы. Нужно поддержать морально.

– Слушай, у меня идея, – Роберт порывисто схватил Кристину за руку. Глаза его загорелись, а девушка в очередной раз заметила, как преобразается его лицо, когда он проявляет свои эмоции.

– Я вся внимание, – наклонившись к нему, прошептала Кристина, снова пряча улыбку и ожидая подвоха или шутки.

– Нужно устроить корпоративную вечеринку. И повод

есть. Через несколько дней будет очередная годовщина издательства. Джон раньше всегда собирал всех в каком-нибудь клубе, устраивал закрытый праздник. Это будет стоить денег, но нужно же как-то поднимать дух рабочей силы? Ты как?

Кристина задумалась, разглядывая его обручальное кольцо. Почему он все еще держит ее руку?

Именно об этом подумал и Дэниэл Норман, заявившись в кабинет Кристины, не замеченный ни ею, ни Робертом. Его красноречивый взгляд, перебегающий с одного на другую говорил лучше всяких слов. Роберт поспешно отпустил руку своего босса. Вздернув бровь, он широко улыбнулся.

– Не помешал? Вы так веселились, что я не удержался и решил подслушать, – заявил он с нагловатой усмешкой. Выражение лица Кристины моментально изменилось, что не ушло от его внимания. Улыбка сползла с губ, глаза стали холоднее льда. И почему ему все время достается этот оживший манекен? Это уже начинало напрягать.

– Заходи, Дэниэл, у нас от тебя нет секретов, – бесстрастно сказала Кристина. Роберт слез со стола и встал сбоку от нее.

– Спасибо, конечно, но я уже вошел, – иронично заметил он. Кристина отметила, что в отличие от нее, Дэниэл выглядит довольно бодро. Как всегда неотразимый и спокойный. Темно-синий свитер оттенял цвет глаз и идеально сидел на мускулистых плечах, именные золотые часы на руке, немно-

го растрепанные волосы, четкие красивые черты лица. Абсолютно уверенный в себе, успешный мужчина.

– Закончила? – спросил он с лукавыми нотками в голосе. Кристина, взмахнув ресницами, в недоумении уставилась на него. Красивые глаза, ярко-синие, но она знала, как обманчива их глубина. Интересно, а Соня знает? Или с ней он другой?

– Что закончила? – спросила она, опомнившись.

– Меня рассматривать, – самодовольно заявил Норман. Кристина надменно фыркнула.

– Надо больно. Просто смотрю, что ты довольный жизнью, а в стране кризис.

– И что теперь? Грызть ногти? Вы тут, как я вижу, тоже веселитесь.

– Пытаемся держать марку, – вставил Роберт.

– Молодцы, – похвалил Дэниэл, но прозвучало это как-то не искренно.

– Я тут предложил Крис устроить корпоратив. Издательству исполняется десять лет. Надо бы отметить. Леди босс пока думает.

Оба уставились на Кристину. Она рассерженно насупилась, делая вид, что размышляет.

– Идея хорошая. Я не прочь развлечься, – повел плечами Дэниэл.

– Ты всегда не прочь. Голова не болит после вчерашнего? – съязвила Кристина и сразу пожалела об этом.

– Я привыкший, – невозмутимо ответил Дэниэл. – У меня и клуб есть на примете. Всем места хватит, цены божеские. Позвоню и закажу вечеринку на субботу.

– Я еще думаю.

– Брось, это же здорово, – поддержал Дэниэла Роберт. – Всем нужно немного отвлечься от проблем.

– Только ради тебя, – зачем-то лягнула Кристина. Хьюстон широко улыбнулся, поцеловав ее руку.

– Я польщен, мадам. Вы – пример благоразумия.

Дэниэл вдруг расхохотался.

– Что смешного? – поинтересовался Роберт.

– Просто вспомнил кое-что. Насчет благоразумия. У Блейка есть хорошее высказывание на этот счет.

– Прочитируешь?

– Не нужно. – Резко отрезала Монахова. – Я знаю это высказывание. Одна из поговорок Ада? Да, Дэниэл? Ты их не можешь не знать.

– Да, дорогая. Я там бывал, – холодно ответил Норман, бросив на не жесткий взгляд.

– Как странно, я тоже.

– Вместе со мной, – подытожил Дэниэл. Роберт умолк, чувствуя нарастающее напряжение. Впервые за полтора месяца эти двое коснулись темы своих прошлых отношений.

– Нет, Дэниэл. Я была там одна. Совсем одна, – она даже не попыталась прикрыть боль, которая сквозила за каждым словом. Роберт почувствовал себя лишним, а Дэниэл вдруг

растерял свое хваленое хладнокровие. Побледнев, он сцепил челюсти, но не отвел глаз. – И я до сих пор там, – добила его Кристина.

– Эй, все нормально, – неуверенно дотронувшись до ее плеча, пробормотал Роберт. Девушка выдавила улыбку, взглянув на него.

– Конечно, все нормально, Роберт. Я привыкла. Просто меня бесит, когда он приходит и начинает себя вести так, словно мы с ним давние приятели.

– Если вам нужно поговорить, то я выйду, – благоразумно сказал Роберт.

– Нет, не о чем говорить, – потрясла головой Кристина. – Просто настроение поганое. Извини, Дэниэл. Я не должна была срываться.

Дэниэл ничего не ответил. Смерив ее долгим непроницаемым взглядом, он развернулся и вышел из кабинета.

Кристина облегченно выдохнула. Роберт внимательно посмотрел на уставшее, но все равно красивое лицо молодой женщины, которая казалась такой беззащитной и ранимой в этот момент. Каким же нужно быть скотом, чтобы даже спустя столько лет она продолжала страдать из-за совершенных им поступков.

– Я думаю, что тебе нужно высказать ему, все, что ты о нем думаешь. – Осторожно заметил Роберт. – Вам обоим станет от этого легче.

– Ему плевать. Он просто толстокожий ублюдок, – бес-

цветным голосом сказала Кристина. – У меня даже на ярость не осталось сил. Не хочу его видеть. Никогда. Но почему-то жизнь нас опять столкнула.

– Время покажет, что все это значит.

– Ничего это не значит. Просто злой рок.

– А как насчет вечеринки?

– Объявляй. А я поеду в "Монро", порадуя девочек.

– Ты нашла с ними общий язык?

– Да. Они все очень милые, и такие трудяги, – с улыбкой ответила Монахова. – Им точно нужно отдохнуть, поесть, выпить, потанцевать.

– А любимица есть? – любопытно спросил Роберт.

– По иронии судьбы я отдаю предпочтение Софии. Своенравная, взбалмошная, но открытая девочка, живая, настоящая.

– Говоришь с сочувствием.

– Да. Ей только предстоит узнать, какое чудовище ее обожаемый Дэниэл.

– Она тоже не подарок, – усмехнулся Роберт. – Соня не совсем разборчива в связях.

– Не думаю, что он ревнив, – жестко ответила Кристина. Глаза ее потемнели, а губы ожесточенно сжались.

– Люди меняются, Крис.

– Не уверена, Роб.

Поработав пару часов в издательстве, Кристина, как и со-

биралась, отправилась в "Монро". Сообщив сотрудникам о корпоративной вечеринке, Крис зашла в кабинет своего заместителя, Киры Кудрявцевой. По большей части именно она руководила агентством. В прошлом модель, теперь же изысканная бизнес леди, Кира была воплощением женственности и целеустремленности. Проработав в модельном бизнесе много лет, она знала о нем все. Дэниэл посоветовал Кристине назначить Киру на руководящую должность. Как ни странно, она доверяла его чутью. Не разбирающийся в людях человек, не достиг бы успеха в бизнесе. Крис подозревала, что Дэниэл знаком с Кирой гораздо ближе, чем хотел показать. Она не имела ничего против. Если они были в прошлом любовниками, то он не зря выбрал ее на столь высокий пост. В любом случае, ему незачем продвигать бывшую любовницу, если у него есть другая и не менее талантливая.

– У Киры модельное лицо, соответствующее статусу, и ум мужчины. Она умеет вести переговоры, у нее глаз на талантливых девушек и калькулятор вместо мозгов, – так аргументировал Норман.

Кристина вдруг вспомнила, про свой сегодняшний выпад в его сторону, и ей стало неловко. Не то, чтобы он не заслужил. Нет, но все эти полтора месяца он терпеливо, доступно, а главное ненавязчиво помогал ей разобраться во всех тонкостях руководящей работы. Дэниэл был тактичен, сдержан, вежлив, терпелив. Она ожидала насмешливого снисхождения, но он проявил себя, как настоящий дипломат. С этой

стороны Кристина его еще не знала. Но этот новый Дэниэл напрягал и раздражал ее еще больше. Иногда она хотела, чтобы он остался прежним – полуспившимся, грубым, несдержанным ублюдком. Как ему удалось? Как он выбрался из того болота, вытащить из которого его тщетно пыталась Кристина? Почему он теперь корчит из себя делового невинного агнца? Уж, она-то знает, каков на самом деле Дэниэл Норман. Что за грязь он прячет за внешним лоском.

Но, как бы там ни было, он ей помог. И это приходилось учитывать. Кристину просто мутило от мысли, что она ему чем-то обязана, что ей приходится испытывать благодарность. Ей хотелось бы презирать и ненавидеть его, хотелось бы царапать проклятые синие глаза, чтобы он не смел смотреть на нее, не смел улыбаться и говорить. Ей, черт побери, хотелось бы все это испытывать, но ярость, презрение, ненависть, неумолимо уходили. Если бы можно было закрыть глаза, и не видеть всех этих перемен, и оставить все, как было до ее возвращения...

Осталась только бессильная злоба, обида и раздражение, которые были направлены даже не на него, а на всю эту жизнь в целом, на себя, не способную быть верной своей ненависти. Неужели Лиз права, и однажды она простит его? Теперь эта мысль не казалась Кристине такой уж абсурдной, а просто раздражала. Как забыть все, что он сделал с ее жизнью? И жила ли она? Ей двадцать шесть, но она не знает, что такое настоящая жизнь, что такое теплота, искренность,

нежные объятия любимого мужчины. И не узнает, и не услышит детского смеха, никогда. Нет, нельзя простить, нельзя забыть.

– Привет, Кир, – открыв кабинет своего заместителя, дружелюбно кивнула Кристина. – Как дела?

Она вошла и села в крутящееся кресло напротив Кудрявцевой. Она, искренне улыбнувшись, поздоровалась со своей начальницей. В ее почти черных глазах затаилась усталость, но выглядела Кира просто потрясающе. Ее саму бы на обложку "Вог". Но, увы, в тридцать лет для многих моделей карьера заканчивается. Слишком велика конкуренция.

– Могло бы быть и лучше, но не так плохо, как у конкурентов, – оптимистично ответила Кудрявцева, поднимаясь из-за стола. – Чай?

– Да, зеленый. Кофе с меня сегодня предостаточно.

– Ты бледная. Совсем не отдыхаешь?

– Ничего, выживу. – Изобразив бодрую улыбку, произнесла Крис, наблюдая, как Кира наливает ей чай. У нее все получалось очень грациозно и ловко, даже чашку она держала, как английская королева. Настоящая леди. Почему Дэниэл бросил ее? Или она его?

– Как контракт с американцами? – спросила Крис деловым тоном.

– Они сбавили цену, но это лучше, чем ничего. Завтра у меня и назначена встреча с представителем итальянской кофейной компании. Нужны две девушки для рекламы. Ду-

маю, они останоят свой выбор на "Монро".

– Я тоже. Ты сумеешь их обаять.

– Да, но я не очень люблю итальянцев, – призналась Кира, сморщив свой аккуратный носик. – Они слишком приставучие. У меня был любовник итальянец. Лоренцо. Жуть. Еле от него отвязалась. Он никак не мог понять, что есть женщины, которых не интересуют узы брака. Но в постели они просто класс. Может, пойдешь со мной?

– С ума сошла? – подавившись чаем, Кристина закашлялась. – Мне только итальянцев не хватало.

– Ах да. Я и забыла, что ты из другой категории, – спохватилась Кира, лукаво улыбаясь. Кристина нахмурилась и, прищулив глаза, неодобрительно взглянула на Киру. Откуда, черт побери, всем известно о ее "дружбе" с Лизой?

– Не обижайся. Это все ваша домработница. Мы с ней ходим к одному парикмахеру. Она любит поболтать. Скажу больше. К этому парикмахеру хожу не только я и она. Ты бы ей зарплату убавила или уволила совсем.

– Ну, Татьяна, – мрачно выдохнула Крис. – Я ее держу только потому, что на работу ее взял Джон.

– Не хорошо, что эта Татьяна распространяет слухи. Мне-то все равно. Я человек современный. Я и сама пробовала розовую любовь. Но мне как-то с мужчиной интереснее. Каждому свое.

– Ты заблуждаешься, я не розовая, как ты выразилась, – напряженно возразила Кристина. – Точнее, не совсем.

– Ну, конечно, ты же была замужем, – кивнула Кира. – Ладно, это твое дело. Хочешь посмотреть отчет за прошлую неделю?

– Нет. Я в конце месяца все посмотрю. Я пришла пригласить всех на вечеринку в субботу. Клуб "Ангаре". Знаешь такой?

– Как не знать.

В офис без стука ворвалась Соня. Из одежды на ней были только коротенькие кожаные шорты, колготки с цветным рисунком, лакированные ботфорты, прозрачная майка, под которой угадывался розовый кружевной лифчик и куртка-косуха. Золотистые волосы буйными кудрями струились по плечам и, как светящийся ореол обрамляли чувственное юное лицо. Зеленые глаза под изящно изогнутыми бровями возбужденно блестели.

– Крис, так и знала, что ты здесь! – с порога завопила она, словно Кристина была глухой. – У меня беда!

– Что такое? – в один голос спросили Кира и Кристина.

– Не знаю в чем пойти, – сделав несчастное лицо со страдальческим стоном поведала София.

– Нестерова, ты меня с ума сведешь, – простонала Кира. – Что за глупости?

– Мне необходимо с кем-то посоветоваться. Кристина, вся надежда на тебя.

– Да? – Монахова выглядела искренне изумленной.

– Конечно. У тебя отличный вкус. Ты всегда безупречно

одета, а я выгляжу, как малолетний павлин.

– Не преувеличивай, – окинув девушку неуверенным взглядом, выдавила Кристина. – Немного вызывающе, но ты молода. Тебе все идет. Я бы тоже не прочь надеть такие шорты, но положение не позволяет. У меня сейчас обед по расписанию. Не присоединишься?

– Отлично, – обрадовалась Соня. – Я тоже проголодалась.

Распрощавшись с Кирой, Кристина в сопровождении неумолкающей Сони отправилась в ближайшее кафе. Соня говорила много и иногда не по делу, но что-то в ней привлекало Кристину. Красота, молодость, живость, энергичность. Глядя на девушку, Крис понимала, что и сама могла бы быть такой же легкомысленной, веселой, жизнерадостной, берущей от жизни все, но ей не дали стать такой. Рядом с Соней и другими девушками Кристина отдыхала душой, заряжаясь их энергией, присущей юности беспечностью. Но начиналось все не так радушно. Девчонки смотрели на нее исподлобья, ожидая подвоха, а она считала их пустыми прожигательницами жизни. Соня вела себя иногда вызывающе и даже нагло, но со временем они сблизились, и все встало на свои места. Сейчас Кристина искренне симпатизировала каждой.

Целых полчаса у Кристины ушло на изучение модного каталога, который прихватила с собой София. Все это время она молча сидела, ожидая вердикта старшей по возрасту подруги. Хоть разница и составляла всего четыре года, Соня не

могла не чувствовать разделяющую их пропасть жизненного опыта. Она и сама не ожидала, что бывшая жена Дэна ей понравится. Соня не видела в Кристине соперницу. До Софии дошли слухи о её нестандартной ориентации. К тому же слишком умная. Кристина явно не из тех, кто дважды наступает на одни и те же грабли. А Соня все еще не оставляла надежды стать для Дэниэла не просто приятным дополнением и грелкой на ночь. Они уже полгода вместе, а для него это срок. Тактичность не позволяла Соне обсуждать с Кристиной отношения с Дэниэлом, хотя ей было жутко интересно узнать ее мнение. Она-то явно его лучше знает.

– Вот, – наконец произнесла Кристина, разворачивая к Соне журнал. Девушка с восторгом смотрела на платье, выбранное ее начальницей. И как она сама его не заметила?

– Прелесть! – Сделала свое заключение Соня. – Боже, но цена! Три тысячи долларов. Я не потяну, – девушка сразу сникла. Кристина иронично глянула на бриллианты в ушах Сони, и дорогушие кольца, которыми были унизаны длинные красивые пальцы. Вряд ли девушка нуждается в средствах.

– Уверена, что ты решишь эту проблему, – улыбнулась Кристина.

– Придется просить у Дэниэла. Не люблю я это, – нахмурилась Соня.

– Ничего страшного, не обеднеет, – развеяла ее сомнения Монахова.

– Извини, телефон, – София выругалась и начала рыться в сумочке, в поисках сотового. – Что за номер? – нахмурилась она, глядя на дисплей.

– Отвечай. Вдруг что-то важное, – сказала Крис. Соня взяла трубку. Раздраженное выражение на хорошеньком личике сменила растерянность, она что-то невнятно отвечала, все больше бледнея.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила Кристина, когда девушка, закончив разговор, бросила телефон на стол и закрыла лицо руками.

– Эй, Сонь. – Монахова дотронулась до вздрагивающего плеча Софии.

– Дэниэл разбился. – Бессильно прошептала девушка, опуская руки и с немym отчаянием глядя на Кристину. Внутри у Монаховой все сжалось, она почти перестала дышать, испуганная странной колющей болью в груди. Потом, потом она найдет этому объяснение.

– Как? Где он? —Кристина яростно встряхнула Соню за плечи, пытаясь привести в чувство. – Кто это звонил?

– Не знаю. Они сказали, что нашли мой номер в его телефоне. Дэниэл звонил мне последней. Его машину нашли в пригороде, съехал с трассы, потерял управление.

– Не может быть! – категорично заявила Кристина. – Дэниэл начал водить машину, когда у него еще прав не было. Он даже пьяный и под кайфом водил лучше всякого гонщика. Ты что-то не поняла. Не мог он потерять управление.

Кристина не знала, кого хочет убедить себя или Соню. Она не могла поверить. Дэниэл не мог умереть. Не так. Не сейчас. Какая глупость! Она же хотела, чтобы он получил по заслугам. Хотела?

– Боже, я надеялась, что уговорю Дэниэла подарить мне его Лексус. Теперь всё... – причитала София. Кристина уставилась на нее, как на умалишенную. О чем, черт побери, она говорит? Какой, к черту, Лексус?

Взглянув на бескровное лицо Кристины, готовой наброситься на нее с кулаками, Соня испуганно залепетала:

– Ты подумала, что он совсем разбился? Я, что не сказала? – растерянно спросила девушка. – Извини, что я испугала тебя. – Соня виновато дотронулась до дрожащей ледяной руки Кристины. – Он сейчас в больнице, без сознания, но состояние стабильное.

– Ты совсем ни о чем, кроме машин и тряпок не думаешь? Черт, Соня! – глаза Кристины метали молнии.

– Извини, – снова пробормотала девушка, опуская глаза. – Я не думала, что ты так отреагируешь.

– А, как я, по-твоему, должна реагировать? Недавно я похоронила мать и отчима. А теперь ты заявляешь, что Дэниэл разбился. Конечно, я решила, что он погиб.

– Я, наверное, должна поехать в больницу?

– Ты меня спрашиваешь? – Кристину затрясло от негодования. Неужели ей совсем наплевать на него?

– Ну, я поехала? – Соня все еще сомневалась. От пережи-

того шока, Кристина сама плохо соображала.

– Я с тобой, – сказала она. «Зачем? Зачем я это делаю?», мелькнуло в голове. Но менять решение было поздно. Что-то здесь не так, и ей нужно выяснить, как мог Дэниэл с его водительским стажем не справиться с управлением.

В больнице Кристине предстояла встреча со старым знакомым. Игорь Журавлев, блестящий хирург, который спас ей жизнь восемь лет назад, увидев ее в коридоре больницы, искренне удивился.

– Кристина, глазам своим не верю, – воскликнул он, потечески обнимая ее. – Не думал, что еще увижу тебя. Что ты делаешь в городе?

Соня, все еще хмурясь, наблюдала за ними с легким нетерпением.

– Вы, ничего не знаете? – удивленно спросила Кристина. – Джон и мама разбились.

– Да, это я знаю.

– Джон составил завещание в мою пользу. Я вынуждена была переехать в Москву.

Игорь переменился в лице. Потом просиял улыбкой.

– Мудрое решение. Джон, молодец. Я знал, что он так это не оставит. Я долгие годы осуждал его за то, что он прикрыл тогда своего сына.

– Игорь! – Предупредительно оборвала его Кристина, скосив глаза на Соню, явно заинтересовавшуюся разговором.

Доктор снова напустил на себя серьезный вид и деловито

спросил:

– А, что ты делаешь в больнице? – он осекся и полным ошеломленно посмотрел на Монахову. – Ты к Дэниэлу?

– Это его подруга, – Кристина показала на Соню. – Ей позвонили, сообщили об аварии. Мы с ней обедали вместе... – она замолчала, поняв, что оправдывается. С какой стати? – Пусть Соня идет, а я с вами поговорю.

– Да, он на третьем этаже, тридцать седьмая палата. Пришел в себя. – Журавлев снисходительно взглянул на девушку, прошелся взглядом по ее легкомысленному наряду. – Можете не волноваться, завтра он уже выйдет отсюда и на своих ногах. На нем все, как на собаке.

– Почему вы так отзываетесь о Дэниэле? – Соня, похоже, очухалась, раз вступилась за своего бойфренда.

– Сонь, иди, – мягко толкнула Соню Кристина. Девушка послушно кивнула и отправилась в указанном направлении, успев бросить на хирурга грозный взгляд.

– Что с ним произошло? – помолчав, спросила Кристина.

– Кто-то из очевидцев аварии вызвал скорую. У него легкое сотрясение, синяки и ушибы. Ничего серьезного. Вроде, не пьяный был. Я удивлен твоей заботой. – никак не мог успокоиться доктор.

– Это не забота. – Отрезала Кристина, поджав губы. – Джон назначил Дэниэла моим консультантом. Мы вместе работаем. И я в шоке. Дэниэл отлично водит.

– Думаешь, кто-то подстроил аварию? Хотя я не сомне-

ваюсь, что у него немало недоброжелателей. Такое вполне возможно. А ты так изменилась, Кристина. Стала настоящей красавицей. Замуж не вышла?

Крис не уловила, в какой момент доктор переменял тему. Она не винила его в том, что говорить о Дэниэле ему неприятно.

– Нет.

– А я бывал на твоих выставках, но тебя не видел, – просяв улыбкой, сообщил Игорь. – Ты очень талантлива. Я хотел приобрести что-нибудь, но, оказалось, что мне это не по карману.

– Спасибо. Я обязательно подарю вам одну из новых работ.

– Нет, что ты. Не нужно.

– Нужно. Вы так много для меня сделали.

Доктор умолк. Удивленная Кристина заметила, что он близок к тому, чтобы расплакаться. Какой трогательный старик. Кристина не придумала ничего другого, как просто обнять его и похлопать по спине.

– Кристина, – тактично кашлянув, позвала ее Соня. Почему она так быстро?

– Да? – Монахова повернулась.

– Зайди к нему. Он хочет с тобой поговорить.

– Зачем ты сказала, что я здесь? – рассердилась Монахова.

– Ты не предупредила... – растерялась Соня.

– Ладно, чего теперь, – вздохнула Кристина, снова пово-

рачиваясь к доктору. – Спасибо, вам еще раз за все. Я пришлю картину. Обещаю. Самую лучшую. Удачи вам.

– И тебе, дочка, – ласково улыбнулся доктор.

Дэна расположили в отдельной, с улучшенными условиями палате. Другого Кристина и не ожидала. Девушка немного потопталась у дверей палаты, чувствуя себя крайне нелепо. Что она здесь делает? Собравшись с силами, молодая женщина нажала на ручку и вошла. Дэниэл сидел на своей вполне комфортной койке в распахнутой на груди рубашке и больничных штанах. Кристина заметила ссадины на плечах и животе. Кожа на левой щеке содрана. Но, в общем, выглядел Норман неплохо и был удивлен ее присутствием больше, чем она сама.

– Вот уж, кого не ожидал, – неуверенно улыбнулся он. Кристина уперлась спиной в закрытую дверь, не собираясь проходить. – Когда София сказала, что ты здесь, я ей даже не поверил.

– Убедился? – холодно спросила Кристина, отмечая про себя его странное поведение. Растерянность не шла ему. Куда девалась его хваленая непробиваемая уверенность?

– Да, – кивнул Дэниэл, глядя на нее долгим изучающим взглядом. – Ты не пройдешь?

– Нет. О чем ты хотел поговорить?

Дэниэл поморщился. Ее ледяной тон резал уши.

– Это не случайная авария.

– Я чем могу помочь?

– А поможешь? – вздернув бровь, иронично спросил он.

– Сомневаюсь, – честно ответила Кристина.

– Мне нужен совет, – Дэниэл серьезно посмотрел на нее. –

Меня пытались убить. Это однозначно. Автомобиль совершенно новый. Вчера я был в сервисе, менял резину, прошел полную компьютерную диагностику. Все было в норме.

– Иногда даже компьютер ошибается. – Лаконично заметила Монахова.

– Когда я выехал из издательства, все было хорошо, – продолжил Дэниэл. – Потом на светофоре я попытался притормозить, и понял, тормоза не работают. Я выехал на пригородную трассу, чтобы никого не зацепить, направил Лексус в лесополосу, а сам выпрыгнул. Мне повезло, что я так быстро и трезво среагировал.

– Да. – пробормотала Кристина, глядя мимо него. – Тебе повезло, как всегда.

– Сожалеешь? – спросил Дэниэл.

– О чем ты?

– Ты поняла.

– Я не желаю тебе смерти. Надеюсь, ты меня не подозреваешь? – внезапно осенило Кристину.

– Честно говоря, мне приходила в голову такая мысль, – признался Дэниэл. – У тебя есть все основания ненавидеть меня, но потом я отбросил эту мысль.

– Какая честь.

– Не язви. Ты не убийца. Но тормоза были испорчены, пока я был в издательстве.

– И? Это мог быть просто заказ. Вспомни, кому ты насолил, кроме меня.

– Многим, – усмехнулся Дэниэл. Кристина, глядя на его невозмутимую физиономию, начала медленно закипать. Чему это он радуется?

– Найми охрану. Ты можешь себе это позволить, – рявкнула она. – Это и есть мой совет.

– Спасибо, дорогая.

– Я тебе не дорогая, – огрызнулась Кристина.

– Извини, – виноватая улыбка была насквозь фальшивой.

Взгляд его стал глубже. – И все же, почему?

– Что почему?

– Почему ты приехала? Испугалась за меня?

Кристина внимательно всмотрелась в его лицо. Сейчас он не шутил и не пытался ее задеть или вывести из себя. Он серьезно не понимал, и ждал ответа.

– Мы с Соней были вместе, когда ей позвонили.

– Ты не обязана была ехать с ней, – резонно заметил Дэниэл.

– Что ты хочешь услышать? – прямо спросила Кристина.

– Не знаю, – пожал плечами Дэниэл, глядя на свои руки. –

Наверное, я не имею никакого права услышать то, что хочу? Да?

– Только не надо начинать все сначала, Дэниэл, – устало

попросила его Кристина. – Я уже слышала достаточно. Давай, не будем все усложнять. Сейчас у нас рабочие отношения. Пусть так и остается. Все эти разговоры о прощении и виноватости мне надоели. Забудь. Я тоже постараюсь забыть.

– Ты сама сказала, что до сих пор в аду. Как я, по-твоему, должен себя чувствовать? – в его глазах мелькнула неподдельная боль. Черт бы его побрал!

– Не меняйся, Дэниэл, – спокойно ответила она, и только Бог знал, чего ей стоило это спокойствие. – Мне легче жить, зная, кто ты на самом деле. Я не стану сочувствовать тебе. Потому что ты не сочувствовал мне.

– Прости меня.

– Ты же знаешь, что это невозможно, – покачала головой Кристина, сама не понимая, почему стоит здесь и слушает его.

– Знаю, – кивнул Дэниэл, не сводя с нее синих блестящих глаз. – И все равно прошу.

– Бог простит, – пробормотала Кристина.

– Мне плевать на Бога. Я хочу, чтобы ты простила, – почти с гневом выкрикнул он.

– Не усложняй себе жизнь, Дэниэл. Живи, как жил всегда. Я сама по себе, ты сам по себе. Все в прошлом.

– Ничего не в прошлом. Каждый раз, когда я смотрю на тебя, я ненавижу себя.

– Я не могу исчезнуть.

– Я не об этом говорю, черт побери. Мне нет оправдания.

– Я пойду, Дэниэл. Тебе нужно отдохнуть. Завтра все будет видеться в другом свете. Это все стресс, – Кристина выдала из себя участливую улыбку. – Поправляйся.

– Подожди, – окликнул ее Дэниэл, когда она уже открывала дверь, чтобы уйти.

– Что еще? – раздраженно спросила Кристина, оборачиваясь. Почему он никак не оставит ее в покое.

– Я ведь чуть не погиб. Вся жизнь пробежала перед глазами. Знаешь, о чем я подумал, когда решил, что в последний раз вижу солнечный свет?

Она отвернулась, не в силах выдержать его пристальный взгляд, и покачала головой.

– Нет.

Глаза его погасли, и она поняла, что он больше не станет удерживать ее. Пошел ты к черту, Дэниэл Норман, со своим запоздавшим прозрением. Кристина вышла из палаты, громко хлопнув дверью.

Глава 12

Лиза помогала Кристине застегнуть платье. Она долго сомневалась и все же решилась пойти на корпоративную вечеринку в этом ярко-красном ужасно узком платье с неприлично оголенной спиной. Неровный подол юбки не прикрывал колени, показывая больше, чем нужно. Голые руки, высокие шпильки, широкий пояс. Весьма откровенно, даже вызывающе. Платье ей выбрала Лиза. Она заявила, что Кристина просто обязана поразить всех.

– Может, взять шаль? – спросила Кристина, испуганно разглядывая в зеркале роковую яркую красавицу. Она никогда не пользовалась помадой и не догадывалась, какие у нее полные чувственные губы.

– Шикарно, Крис, – зачарованно глядя на нее, с восторгом прошептала Лиза. Сама она вырядилась в неизменные черные брюки, но внемля уговорам Кристины, надела белую женственную блузку, и теперь постоянно вздыхала, что чувствует себя, как праздничный торт. – Я буду тобой страшно гордиться.

– Спасибо, конечно. Но мне неловко в этом платье, – призналась Крис, поворачиваясь спиной к зеркалу. – Вульгарно.

– Сексуально, – поправила ее Лиза.

– И зачем? – хмуря брови, спросила Кристина. Накрашенные ресницы мешали ей, доставая почти до бровей. Тени в

уголками глаз делали взгляд еще выразительнее и глубже.

– Чтобы свести с ума всех мужчин, – ответила Лиза, засовывая руки в карманы. Кристина подозрительно уставилась на нее.

– Поясни, зачем мне сводить с ума мужчин?

– Тебе пора завести любовника. Слишком долгое воздержание не находишь? Сейчас самое время. Ты вся в растрепанных чувствах. Новая обстановка, новые люди. Если и прыгать в омут, то именно сейчас.

Кристина не отвечала ей, не потому что, раздумывала над ее словами, ей просто нечего было сказать. Разинув рот и выпучив глаза, она смотрела на подругу совершенно ошалелым взглядом. Что это? Ей послышалось? Или Лиза успела выпить бутылочку текилы? Или просто умом тронулась?

– Ну, что ты вытаращилась? – усмехнулась Лиза с грустью. – Я не шучу. Ты и сама понимаешь, что так не может продолжаться вечно. Я не могу тебе навязывать отношения, которые тебя давно перестали устраивать. Ты нормальная женщина, которой нужен мужчина.

– Что за бред, Лиза! – Яростно воскликнула Кристина. – Ты сама-то понимаешь, что говоришь?

– Все я понимаю. Думаешь, мне легко? Я люблю тебя. Но я не могу заставить тебя испытывать то же самое. Я не говорю о серьезных отношениях, ты к ним еще не готова, но тебе нужно попробовать. Я никуда не денусь.

– Мне не нужны мужчины, – покачала головой Монахова,

изумленно глядя на подругу.

– Нужны, но пусть, ради Бога, это будет не Вуд. Он обязательно решит жениться, а ты сейчас в таком состоянии, что сдуру согласишься, укажишь с ним в Лондон, и опять спрячешься, как пряталась все эти годы.

– Лиз, ты не знаешь... – начала Кристина. Пришло время сказать правду. – Я украла у тебя несколько рецептов. Я снова пью препараты.

– Тебе это не нужно, – уверенно заявила Озерова. – Можешь, бросить.

– Лиз! – Крис отчаянно потянулась к ней, но подруга увернулась от ее объятий.

– Ради Бога, не заставляй меня уговаривать тебя. Сегодня самый подходящий вечер. Будет много интересных мужиков, просто пофлиртуй с ними. Если ничего не почувствуешь, черт с ним. Но не закрывайся, не прячься...

– Ты ненормальная. Я не буду это слушать! – категорично заявила Кристина. Как она может флиртовать, если ее тошнит от мужчин. Или не тошнит? Тошнит, но от одного. А остальные? Несмотря на возмущение, молодая женщина невольно задумалась. Нет, она бы не сомневалась, если бы у нее была надежда создать настоящую полноценную семью. Но, что она может дать мужчине? И что мужчина может дать ей, если интимная сторона отношений внушает ей отвращение. Ей не убежать от страшных воспоминаний о пережитом жестоком насилии. Лиза ошиблась, она не готова. Совершен-

но не готова. Все еще так живо в памяти, режущий слух пьяный смех, пошлые выкрики, рассеянные удары, запах крови, пота и мужской спермы, мучительная агония избитого израненного тела и отчаяние, дикое, безысходное, а потом пустота и отвращение. Почему они не убили ее?

– Не думай. Нет, не думай об этом, – заметив ее дикий взгляд, взмолилась Лиза, схватив Кристину за руки. – Все в прошлом и никогда не повторится. Не все мужчины такие, как те скоты. Дай им шанс, дай шанс себе.

– Нет, никогда, – упрямо сказала Кристина, вырывая руку. – Поехали. Будем считать, что я ничего не слышала.

Соня протиснулась сквозь толпу, чтобы поздороваться с Кристиной. Выглядела Монахова просто сногсшибательно. София перевела любопытный взгляд на ее спутницу. Так вышло, что она ни разу не видела легендарную подружку Кристины. Она не произвела на нее сильного впечатления. Невысокая, худая блондинка без грамма косметики. Приятная, но без особого шарма.

Кристина чувствовала, что все взгляды собравшихся прикованы к ней, и так и шарят по ее выставленному на обозрение телу. Вот, и Роберт, разинув рот, уставился на нее потрясенным взглядом. Хорошо, что сумрачный свет не позволяет увидеть, как она покраснела. Кристина вымученно улыбалась, пытаясь выглядеть свободной и расслабленной. Приветливо улыбнувшись Соне и выросшей рядом с ней Кире,

Кристина представила девушкам Лизу, и пригласила всех за столик возле сцены, на которой харизматичный ведущий в смокинге зачитывал длинную речь с перечнем всех наград и заслуг обеих компаний Джонатана Нормана. После начались награждения самых достойных. Кристина хлопала, как заведенная, когда ее сотрудники выходили на сцену. Когда очередь дошла до Сони, та, завопив от радости, расцеловала Кристину в обе щеки, зачем-то извинилась перед Лизой и отправилась за наградой, весьма банальной – конверт с деньгами. Соня размахивала им так, словно получила Оскар, и еще долго рассыпалась в благодарностях.

– Выпей шампанского, – прошептала Лиза, наклонившись к Кристине, отвлекаясь от оживленной беседы с Кирой. – Ты вся зажата.

– Есть от чего, – буркнула ей в ответ Кристина, но последовала совету. Она не пила спиртного, казалось, целую вечность. С того самого дня, как они с Лизой приехали на похороны, и выкрали из бара бутылку коньяка или мартини.

– А эта Соня с придурью, – заметила Лиза. Кристина кивнула.

– Есть немного, но она хорошая.

Награждения кончились, и организатор перешел к развлекательной программе. Выпив второй бокал, Кристина почувствовала, что пьянеет, скованность постепенно пропала, и она уже гораздо радостнее и искреннее общалась с подходя-

щими к столику людьми. Многие представители мужского пола успели изрядно подпить и отвечивали ей весьма красноречивые комплименты. Некоторые даже заигрывали. Забавно, но у нее получалось флиртовать. Лиза, казалось, была всем довольна, все больше общаясь с Кирой, чем с ней. Она никогда не сомневалась в Лизе, но после сегодняшнего разговора, не могла спокойно наблюдать за ней и Кирой, чувствуя легкое раздражение и ревность. Соня куда-то упорхнула. Несколько раз Кристина выловила ее взглядом на танцполе. В лучах прожектора она извивалась в чувственном быстром танце. Она трясла волосами, и хохотала, прижимаясь к неизвестному субъекту мужского пола. Взяв третий бокал, Кристина встала из-за столика и пошла к стойке бара, где собралась несколько девушек из агентства. Они радостно приняли ее в свою компанию. Бросив через зал взгляд в сторону оставленного столика, она с досадой отметила, что Лиза даже не заметила ее отсутствия, поглощенная новой знакомой. Что все это значит? Может, Лиза завела этот разговор о мужчинах, потому что устала от нее? Но почему не сказать прямо?

– Можно, пригласить самую ослепительную девушку в клубе? – услышала Кристина за спиной голос Роберта. Отвернувшись от своих подружек, она улыбнулась мужчине, заметив, что он тоже выглядит весьма неплохо. Стильная рубашка, фирменные брюки, сияющая улыбка. Приподняв брови, Кристина вопросительно уставилась на него.

– А жена не будет против? – спросила она.

– Ее здесь нет, – Заговорчески подмигнув, сообщил Роберт, обнимая Кристину за талию и увлекая в круг танцующих. Она вовсе не собиралась танцевать с ним, но убежать было поздно. Роберт прижал ее к себе слишком тесно, она почувствовала исходящий от него запах спиртного, туалетной воды и еще чего-то, очень мужского. Ощущения дискомфорта не последовало. Кристина с удивлением обнаружила, что ей приятно танцевать с ним. Его теплое дыхание щекотало щеку, крепкие мужские руки уверенно скользили по спине.

– Потрясающе выглядишь, – прошептал Роб на ухо порядком заезженную за сегодняшний вечер фразу. – Я всегда знал, что ты красавица, но ты меня ошеломила.

– Хмм, – промычала в ответ Крис, не зная, как реагировать на неожиданные ухаживания Роберта. Интересно, а если отбросить мыли о его жене, могла бы она? Могла бы, что? – тут же одернула себя Кристина. Не нужно было столько пить. Во всем виновата Лиза с ее разговорами.

– Может, уедем отсюда? – воодушевленный ее покорностью, спросил Роберт.

– Куда это? – отстранившись, она внимательно посмотрела на него, но мужчина снова привлек ее к себе, поглаживая ладонями по спине, плечам, спускаясь на бедра.

– Куда хочешь. Можем, просто погулять, – шептал он. Кристина почти с отчаянием посмотрела в сторону столика,

где оставила подругу, но ее там не было. Черт! Роберт, совсем обнаглев, прошелся губами по ее обнаженному плечу и шее. Не то, чтобы ей было неприятно. Скорее, она осознала – то, что происходит – неправильно. Роберт женат, и он ее заместитель. Служебный роман не входил в ее планы.

Рядом мелькнула Соня. Кристина проводила ее растерянным взглядом. Может, окликнуть ее? Но было поздно. Пританцовывающей походкой София прошествовала к стойке, у которой столпились все ее подружки, окружив кого-то точно так же, как до этого окружали Кристину, рассыпаясь в комплиментах. Но на этот раз они вели себя еще более оживленно. Растолкав подруг, Соня с видом собственницы повисла на плече жертвы длинноногих красавиц. Но это отнюдь была не жертва, а Дэниэл Норман с собственной персоной. Явно довольный всеобщим вниманием, он небрежно обнимал Софию. Кристина быстро отвела взгляд. Явился, черт бы его побрал. Разве он пропустит вечеринку! Не тот человек. А ведь вчера говорил ей, что у него раскалывается голова, настроение на нуле, и он не горит желанием куда-то идти. Быстро же ему полегчало. Кристина сама не знала, почему появление Нормана так ее разозлило. Просто не хотелось видеть его и все. Одно дело – рабочая обстановка, где их встречи были неизбежными, и совсем другое – здесь, на вечеринке. Она не хотела, чтобы Дэниэл видел ее в этом платье, полуголую и облапанную его дядей, который явно перевозбудился и перепил шампанского.

– Так, почему, ты говорил, не пришла Мэдисон? – решила остудить его Кристина, но Роберта было не пронять. Он чувственно улыбнулся и прошептал ей прямо в ухо:

– Я ничего о ней не говорил, малышка. Давай, забудем о Мэдисон. Я просто влюбился в тебя с первого взгляда, – заявил он, совсем выбив Кристину из колеи.

– Да? – протянула она.

– Точно. Ты была такой бледной, ранимой, но дала достойный отпор моей стерве жене. Я сразу понял, что ты сильная, яркая, настоящая женщина. Ты боец, Крис. Я таких уважаю.

– Никогда бы не подумала, что я боец, – усмехнулась Кристина, вспомнив, как ее рвало в туалете после той стычки. Хорошо, что он этого не видел. Боец так боец. Что-то новенькое, по сравнению с другими комплиментами.

– Ну, как насчет побега? – заглядывая в глаза, спросил Роберт. Мягко скользнул пальцами по её плечу. А ведь, почти приятно, подумала Крис. А если бы он продолжил? В другой обстановке? Ему-то точно не нужны длительные отношения, и жениться он на ней не сможет. Вариант? Может, еще выпить и подумать?

– Давай не сейчас. Вечер только начался, – мягко отстраняясь, сказала Крис. Медленная композиция давно закончилась, и они просто стояли, привлекая к себе любопытные взгляды.

– Желание женщины – закон, – широко улыбнулся Роберт, явно расценив ее ответ, как согласие. Ну, и хрен с ним. Пусть

помечтает.

Освободившись, наконец, от объятий Роберта, она пошла к своему столику, где ее никто не ждал. Кристина попросила у официанта коктейль, и принялась искать глазами Лизу. Пьяные сотрудники перешли от танцев к нелепым подергиваниям. Смешно наблюдать, как люди, всегда такие официальные и сдержанные, снимают маски и становятся самими собой. Расслабляться иногда необходимо. А вот и Лиза! Раньше Крис ни разу не видела подругу танцующей. Оказывается, она неплохо двигается. И, конечно же, Кира с ней. Раздраженно фыркнув, Кристина отвернулась. Официант поставил перед ней коктейль, и пожелал хорошего вечера. Десятый раз. Не забыв взглянуть в ее смелое декольте. Вот, засранец. Мальчишка совсем, а все туда же. Музыка на мгновенье стихла, Кристина по инерции посмотрела на сцену. Неужели Соня собралась петь? Просто вечер открытый. Лиза танцует, Соня поет, а Роберт – дамский угодник. Тут и свихнуться недолго.

– Не против? – услышала она низкий мужской голос, который не узнать не могла. Конечно, Дэниэл тоже решил удивить. Она догадывалась, что он не удержится и подвалит к ней. Кристина повернулась и посмотрела на плюхнувшегося в кресло напротив Дэниэла Нормана. Кристина надеялась, что петь Соне быстро надоест, и она заберет его.

– Это был вопрос? – сухо осведомилась она. Дэниэл поудобнее развалился в кресле, улыбаясь своей чарующей

улыбкой, которая давно на нее не действовала. Крис взяла свой бокал и потянула содержимое через трубочку, чувствуя, как бывший муж медленно ощупывает ее взглядом.

– У тебя свободно, я решил составить тебе компанию, – Растягивая слова, сказал он, задержавшись взглядом в ее волосах. Ладно, хоть не на груди и то, спасибо. – Все бросили? – Дэниэл кивнул в сторону танцующей Лизы.

– А, что ей нельзя попрыгать на танцполе? – ожесточенно спросила она. Норман наклонился вперед, опираясь на локти.

– Но ты злишься, – проницательно заметил он. Кристина резко откинулась на спинку кресла, увеличивая расстояние между ними.

– Вообще нет. Лиза не обязана дежурить возле меня круглосуточно. – Монахова снова схватилась за свой коктейль.

– Слушай, а Кира явно пришлась по вкусу нашей подружке. – снова продолжил тему Дэниэл, закуривая сигарету. Кристина составила ему компанию.

– Не думаю, – ответила она. Дэниэл изучающе прошелся по ней ленивым взглядом.

– Ты странно выглядишь в этом платье и с сигаретой. Совершенно другой человек, – заявил он.

– Самый оригинальный комплимент, не считая бойца. – усмехнулась Кристина.

– А это совсем не комплимент, – покачал головой Дэниэл, выпуская струйку дыма. – А что там насчет бойца?

– Забудь, – тряхнула волосами Кристина. – Значит, тебе не нравится? Почему?

– Ну... – он сделал паузу, чтобы опрокинуть в себя стопку с водкой, которую только что налил. Почему он так много пьет? – Ты выглядишь совсем не так, как твоя подруга.

– То есть? – не поняла Кристина, затягиваясь сигаретой.

– Ты ищешь приключений? – прямо спросил Дэниэл. Кристина гадала, что он имеет в виду под словами "приключения". Наверное, то самое.

– Так заметно? – смутилась она, проклиная себя последними словами. Как глупо. – Лиз настояла. На платье.

"Зачем я оправдываюсь? Да еще перед ним?"

– Я думал, что вы близки, – задумчиво ответил Дэниэл. – Ты снова будешь все отрицать?

– Нет, – покачала головой Крис. – Вся Москва знает о нас, благодаря нашей домработнице.

– Тебе это нравится?

– Ты думаешь, что я отвечу? – иронично спросила Кристина. – Ты мне не друг, чтобы с тобой откровенничать на такие темы.

– Я в курсе, – он улыбнулся одними губами, синие глаза остались задумчивыми. – Лиз, отличный человек.

– Точно. С большой буквы. Она мне больше, чем друг. Я имею в виду не то, о чем ты подумал, – пояснила Крис, взглянув на сцену. Соня самозабвенно пела уже третью песню. Очень неплохо, но пора бы и заканчивать, но она, похо-

же, только вошла во вкус.

– Я ничего такого и не думаю. Она любит тебя. – Спокойно ответил он.

– Да, и она хороший психиатр. Уверена, что этого она тебе не сказала во время ваших попок.

Дэниэл удивленно вскинул бровь.

– То-то я смотрю, что она странная, все время угадывает, что я скажу в следующий момент. Значит, вот в чем дело. Тебе повезло. Любовница, подруга и врач в одном лице. Я даже завидую. Лиз просто сокровище.

– Да, но тебе тут не светит. Ее ориентация непоколебима, – саркастически бросила Кристина. Дэниэл посмотрел ей в глаза долгим незнакомым взглядом.

– А твоя? – тихо спросил он. Кристина прочитала это по губам. Чертовски красивым губам. Она помнила, какими жесткими и беспощадными могут быть эти губы.

– Крис? – настаивал он, заметив, что она не торопится с ответом.

– А что?

– Это из-за меня?

Краска ударила ей в лицо. Неизвестно откуда поднялась горячая волна ярости.

– Почему ты думаешь, что все, что происходит в моей жизни, как-то связано с тобой? – дрожащим от гнева голосом, спросила Кристина. – Не преувеличивай свои заслуги, Дэниэл. Я с Лизой, потому что сама этого хочу. Лиза выта-

щила меня с того света. Она выхаживала меня, как парализованного больного ребенка. Ты знаешь, каково это отдавать двадцать четыре часа в сутки чужому незнакомому человеку, который не может ни есть, ни пить, ни говорить, который отвергает любую помощь? Она почти не спала, сторожа меня возле кровати, чтобы я не смогла выброситься из окна или наглотаться таблеток. Сейчас я ничего не помню, потому что была не в себе. Я бы закончила свои дни в психушке, но Лиза забрала меня в свою съемную квартиру, она кормила меня с ложечки, а потом гладила по волосам, пока весь ее труд оказывался в унитазе. Лиза – настоящий друг, Дэниэл. Я никогда не смогу вернуть ей и половину того, что она отдала мне. То, что ты видишь сейчас, творение ее рук, а не твоих. Ты убил меня, а она воскресила. Все, что осталось от тебя, это полное отсутствие аппетита, бессонница и беспричинные хаотичные приступы тошноты, которые у меня до сих пор не получается контролировать. Ты знаешь, сколько раз в день я стою под душем? Но даже через десять лет мне не отмыться. Эта грязь у меня внутри, она в голове, в душе, в случайном встречном лице, которое напоминает мне.... Я не хотела все это говорить, но ты должен знать, почему я никогда не смогу забыть. И даже не проси меня об этом.

– Ну, вот, а ты говорила, что я не причем, – чужим незнакомым голосом сказал он. Кристина отвернулась. С другого конца зала пьяный Роберт делал ей знаки, но она не замечала. Она все сказала, но легче не стало. Ложь. Не все. Это

только часть правды.

– Пошли, погуляем, – неожиданно сказал он. – Вечер теплый.

– Ты совсем ничего не понял? – подняв на него уставший взгляд, спросила Кристина. Дэниэл мягко улыбнулся.

– Почему же. Я не такой непроходимый тупица. – Может быть, я тоже хочу исповедаться?

– Я не священник.

– Нет. Ты лучше.

Кристина вздрогнула, с опаской глядя на него.

– Я тебя люблю, а ты меня ненавидишь. Что мне делать с этим? – выдохнул он.

Кристина, распахнув глаза, ошарашенно уставилась на него. Сердце застучало где-то в висках, ладони вспотели, а внутренности сжала невыносимая боль. Она пыталась вызвать в себе праведный гнев, презрение, ненависть, все то, что просто обязана была испытывать, но ничего не выходило. Зияющая пустота внутри разверзлась до невероятных размеров.

– Зачем ты так со мной, – прошептала Кристина. – Неужели тебе мало того, что ты сделал?

– Я люблю тебя. – Повторил он. Она видела, как тяжело даются ему эти слова. Похоже, он сам в это верит.

– Прекрати, – закричала Кристина, голос ее предательски дрожал. – Что ты такое говоришь. Очнись, Дэниэл. Какая любовь? Разве так любят? – горько сказала она, в глазах ее

застыла боль. – Где была твоя любовь все эти годы? Где была твоя любовь в ту, ночь, когда ты позволил своим друзьям изнасиловать свою жену? Когда я умирала на другом конце света. Где ты был? За что? Сколько раз я задавала себе этот вопрос. Зачем ты это сделал? Я просто хотела быть рядом, хотела помочь. Хотела любить тебя.

– Ты хотела сбежать от меня. Я нашел билеты.

– Я не собиралась никуда бежать. Я защищала ребенка. Я знала, что, если останусь с тобой, то случится что-то страшное. Но я бы вернулась, если бы ты опомнился. Но нет. Ты был одержим своей мстью. Самая большая любовь в твоей жизни – это ты сам. Ты поиграл со мной, и, сломав, словно бездушную куклу, бросил в больнице умирать. Но даже тогда, после всего, что ты натворил, я ждала, что ты придешь. Я не знаю, простила бы я тебя, но я ждала, и потом в Лондоне. А когда осознала, кем была на самом деле, разучилась жить. Такой и нашла меня Лиза. А сейчас, ты смотришь на меня несчастными глазами и говоришь, что любишь? Ты сам-то веришь себе? Абсурд.

– Нет, это правда.

– Ты не знаешь, что такое правда. Чувство вины, раскаяние, но не любовь. Ты ошибаешься, и снова причиняешь мне боль.

– Крис, – он потянул руку, пытаясь дотянуться до нее, но она быстро вскочила на ноги.

– А вот этого не надо. Не смей прикасаться ко мне, ес-

ли не хочешь, чтобы меня стошнило у всех на глазах. Не думай, что твои слова что-то значат для меня. Ничего во мне не изменилось. Я не хочу тебя видеть. Ради всего святого, исчезни. Сделай так, чтобы мы больше не встречались. Я уже усвоила все твои уроки. А новых мне не нужно. Я справлюсь дальше сама.

– Прости, – сказал Дэниэл, глядя на нее напряженным взглядом. – Прости, что я ничего не могу изменить. За то, что мне нет прощения. За то, что я, вообще, живу.

Кристина не могла больше его слушать. Сердце ее рвалось на части. Боль слезами жгла глаза. Задышавшись, она побежала к выходу. Прочь отсюда. Забыть. Не вспоминать.

– Эй, убегаешь? Без меня?

Кристина почти добралась до своей машины, когда услышала голос Роберта. О Господи, а этому-то что нужно? Еще одного излияния чувств она просто не переживет.

– Я что-то неважно себя чувствую, – обернувшись, сдержанно сказала Кристина, стараясь придать голосу беспечный тон. Роберт подходил все ближе, она инстинктивно попятилась назад, пока не уперлась в капот своей машины. Он выбежал за ней, даже не накинув пальто, но зато успел прихватить в гардеробе ее кожаный, отороченный мехом пиджак.

– Ты забыла куртку, – улыбаясь заявил Роберт. Кристина почувствовала исходящее от него мужское желание. Каблуки туфель провалились в тающий снег, и, споткнувшись, молодая женщина качнулась вперед, уткнувшись носом прямо в грудь

Роберта.

– Ой, помада, – пробормотала она, дотрагиваясь до красного следа на рубашке, который оставили губы. Роберт мягко обхватил ее плечи, то ли пытаясь согреть, то ли удержать.

– Ничего страшного. У меня в машине всегда есть пара запасных рубашек, – хрипло прошептал он ей на ухо. Вечер был влажным и промозглым, и тепло, исходящее от сильного высокого тела Роберта расслабляло, усыпляло бдительность. Отвратительная сцена в клубе с бывшим мужем лишила ее остатков здравого смысла, и она схватилась за Роберта, как за последнюю спасительную соломинку. Она хотела, во что бы то ни стало, вытеснить из мыслей, памяти лицо другого мужчины, заглушить его голос. "Прости, что я, вообще, живу". Как он мог сказать такое? Никто, кроме него не виноват. Эгоист, самовлюбленное животное. Ублюдок.

– Что ты делаешь, Роберт? – осведомилась Кристина, почувствовав горячие ладони на своей груди. Наконец-то, он добрался до того, на что паялился весь вечер.

– Нельзя? – низкий шепот вернул ее к действительности. Она поняла, что на частной стоянке они одни, а намерения Роберта становятся все более красноречивыми. Он зарылся лицом в ее волосы, целуя их, потом его губы обожгли ее шею. Запах спиртного, исходящий от мужчины, резанул обонятельные рецепторы, но Кристина чувствовала себя такой слабой, что у нее не было сил оттолкнуть его, прекратить этот фарс, который ни к чему хорошему не приведет.

– Роб, – невнятно запротестовала она, когда бесстыжие мужские руки скользнули на ее ягодицы и, обхватив их, прижали к крепкому телу. Она и забыла, что это такое. Кристина испугалась этого полузабытого ощущения прижатой к ее телу интимной части мужского тела. Нет. Начинать ей нужно явно с чего-то гораздо более безобидного.

– Нет, Роб. – Она слабо уперлась руками в его грудь. Роберт взглянул на нее мутным пьяным взглядом, и вдруг впился в ее губы жадным винно-водочным поцелуем, пытаясь протолкнуть свой язык между сжатых зубов. Крис, совсем растерявшись, снова попыталась запротестовать, и тут же пожалела об этом. Открыв рот, она впустила наглый настырный язык Роберта. По идее, ее сейчас должно было стошнить, но ничего не происходило. Девушка прислушалась к своим ощущениям, без особого энтузиазма отвечая на горячий поцелуй. Она не чувствовала себя возбужденной, но и противно не было. Только эксперименты она будет ставить не с Робертом, как бы он сейчас не был уверен в своем успехе. Тем временем мужчина прижимал ее к капоту все настойчивее и крепче, нетерпеливые пальцы уже задирали подол платья. Почувствовав ледяной ветер на своих почти обнаженных ногах, девушка поняла, что пора – это останавливать, иначе она не успеет и глазом моргнуть, как он снимет с себя штаны и прямо здесь на капоте все и произойдет.

– Роберт, прекрати, – громко вскрикнула она, уже сильнее отталкивая его, но он не понял. А потом совершил страш-

ную ошибку, которая свела на нет все его усилия. Схватив ее запястья, Роб завел их ей за спину, крепко сжимая их одной рукой, а другой залез под платье. Девушка плотно сжала колени, чтобы помешать мужчине, но он был сильнее. Теперь стало по-настоящему страшно. Сама виновата, пронеслось в голове.

Неожиданно хватка Роберта ослабла, и он отпустил ее. Оглушенная и почти бездыханная, Кристина ничего не слышала и не понимала. Вырвавшись на свободу, она наполняла воздухом легкие, и неловко пыталась одернуть подол. Девушку сотрясала нервная дрожь, она страшно замерзла.

– Извините, что помешал. – полный сарказма и леденящего спокойствия голос Нормана напугал ее еще сильнее. Откуда он взялся, черт побери? Кристина наклонилась, чтобы поднять брошенный в грязный снег пиджак. С ужасом осознала, что их застукали в самой недвусмысленной позе. Боже, какое унижение.

– Мэдисон оборвала мой телефон. Она собралась сюда ехать, если ты в ближайшие минуты не позвонишь, – с холодным безразличием продолжил Норман.

– Вот, сука! – Выругался Роберт. – Как всегда, в самый неподходящий момент.

Внезапно Роберт повернулся к Кристине и виновато улыбнулся. Она смотрела на него, едва дыша от пережитого шока.

– Малыш, мне нужно ехать, – как ни в чем не бывало ласково проговорил он. – В другой раз нам не помешают, обе-

щаю. Ты прелесть. – Роберт схватил ее руку и галантно прижал к губам. Девушка потеряла дар речи. Это что еще за шоу? И для кого оно? Она испуганно глянула в потемневшее лицо Дэниэла Нормана, который, тем не менее, спас ее своим появлением, вытащив из нелепой ситуации, в которую она попала в силу своей глупости и неопытности. Боже, что он сейчас подумает?

Но Дэниэл не думал, сгребая в кулак рубашку на груди своего дяди. Он резко рванул его на себя. Кристина узнала выражение слепой ярости на его лице и приготовилась падать в обморок, как в прошлый раз, когда он так же смотрел на Мэдисон. Тогда это помогло.

– Другого раза не будет. Усвоил? – неожиданно спокойно сказал Дэниэл, и Крис расслабилась. Никто никого убивать не будет. Просто мужской разговор. Господи, как глупо получилось.

– А тебе, Дэн, какое дело? – пытаюсь освободиться от жесткой хватки племянника, насмешливо спросил Роберт. – Тебя ждут в другом месте.

– Роб, ты дурак или прикидываешься? Ты забыл, что эта женщина – моя бывшая жена.

– Да, бывшая. И это ключевое слово, – усмехнулся Роберт. – К тому же ты вроде раньше был не прочь поделиться?

Удар был внезапным. Кристина вскрикнула, закрывая руками рот. Роберт полетел в снег, из разбитой губы брызнула кровь, но держался он за нос.

– Придурок, ты мне нос сломал, – завопил он.

– Езжай к своей жене. Она залижет, – презрительно бросил Дэниэл. – Только смотри не отравись. У нее слюна ядовитая.

– Пошел ты! – поднявшись, Роберт бросил на Дэниэла злой взгляд, и поплелся к своей машине. Крис в недоумении смотрела ему вслед.

– Значит, вот так ты справляешься сама? – яростно обратился к ней Дэниэл, после длительного изучения ее бледного лица с размазанной помадой и подтеками туши под глазами. – Что ты собиралась сделать, черт возьми? – он шагнул вперед, пригвоздив ее к месту презрительным сверкающим взглядом.

– Не твое дело, Дэниэл? – ослабевшим голосом проговорила Кристина. – Я, что не имею права на личную жизнь?

– С кем? С ним? Тебе наплевать, что он женат? Что он мой дядя? Или именно это тебя и заводит? Пошла по моим стопам? Это, что месть такая? Ты собралась пройти по всем, с кем я близок? Выливаешь на меня свое презрение, строишь из себя обиженную жертву, а потом зажимаешься то со своим агентом, то с Робертом прямо в кабинете. Ты лицемерка, Кристина. Значит, меня нельзя простить. Я чудовище, ублюдок. Я сломал твою жизнь. Я ничего и не отрицаю. Так не становись такой же. Не ломай мою. Ты понимаешь, что Роберт начнет хвастать направо и налево, что спит с тобой?

– Я не сплю с ним, – с яростью крикнула Кристина, под-

няв руку, чтобы вклеить ему пощечину, но так и не осмелилась. Дотронуться до него, даже так, было выше ее сил. Губы Дэниэла дрогнули в презрительной усмешке.

– Да, а это, что было? Еще минута, и я бы стал свидетелем. . . .

– А, что это в новинку для тебя? – приподняв брови, Кристина вызывающе улыбнулась. Она заметила, как вспыхнули его глаза, а губы сжались в тонкую линию. Норман отшатнулся от нее, безвольно опустив руки. Кристина знала, что сказала правду, что он заслужил этой упрек, но что-то внутри нее сломалось. Предательские горячие слезы навернулись на глаза, когда она увидела, как он поворачивается, чтобы уйти. Не ломать его жизнь? Разве ей по зубам такой, как он? Что может она сделать этому непробиваемому толстокожему ублюдку?

– Дэниэл, – прошептала она хрипло. Вздвогнув, он обернулся.

– Не надо плакать. Все хорошо. Делай, что хочешь. Я не имею права вмешиваться. – безжизненно произнес Норман. «Что же ты натворил, Дэниэл? Что ты сделал с нашими жизнями?»

– Ты не оставил нам ни одного шанса. Понимаешь? – спросила она.

Он посмотрел на нее своими синими бездонными глазами, в которых затаились боль и сожаление. Дэниэл шагнул вперед. Отступить было не куда. Он протянул руку и, об-

хватив пальцами ее ледяную ладонь, прижал ее к своей груди. Вскрикнув, девушка попыталась высвободить руку, но он держал крепко. Дыхание остановилось, когда она почувствовала биение его сердца под своими пальцами.

– Нет, ты не убежишь, – жестко сказал он. – Ты дотронешься до меня. И ты поймешь, что у меня есть сердце, что оно бьется и болит, так же, как и у всех остальных людей. – Обхватив другой рукой ее лицо, он посмотрел в расширившиеся от страха стальные глаза, а потом наклонился и поцеловал. Закричав ему прямо в губы, Кристина, вырвалась. Скользя на обледеневшем асфальте, она отскочила в сторону, и скрылась за машиной. Желудок пронзили болезненные спазмы. Три бокала шампанского, коктейль и маленькое пирожное, все это исторглось из ее желудка в снег. Колени ее дрожали, она едва держалась на ногах, а ее все выворачивало наизнанку. "Это никогда не закончится", – пронеслось у нее. Слезы вперемешку с тушью стекали по бледному лицу. "Мамочка." – прошептала Кристина, обхватывая себя руками.

Когда приступ прошел, она вытерла рот тыльной стороной ладони, и выпрямилась. Ступая, как робот, она вышла из-за машины. Она думала, что он ушел. Она так хотела, чтобы он ушел, чтобы этот кошмар, наконец, прекратился. Но Дэниэл был здесь. Присев на корточки, упираясь спиной на дверь ее машины, он, закрыв лицо ладонями, был неподвижен, словно впал в транс. Почему она жалеет его? Разве не ее сейчас нужно утешать?

– Это не ты, – тихо проговорила девушка. – Не из-за тебя.

– Ради Бога, Крис. Я не дурак. – Он опустил руки, отчужденные глаза смотрели на нее, заставляя снова сжиматься от боли.

– Это подсознание, Дэниэл. Ты никогда не был мне противен, – призналась она. – Даже сейчас. Отвези меня домой. Я не в состоянии вести машину.

Дэниэл встал на ноги, и, засунув руки в карманы джинсов, окинул ее туманным взглядом.

– Хорошо, – кивнул он. – Прости. Кажется, я переборщил с исповедью.

– Забыли, – она попыталась выдавить из себя улыбку, которая вышла жалкой и неестественной.

Глава 13

– Крис? Ты здесь?

Монахова устало прикрыла глаза, процедив сквозь зубы ругательство, но стук не прекратился. Отложив в сторону кисть, она набросила на мольберт кусок материи. Крис не любила, когда кто-то видел незаконченные работы. И вообще ей необходимо уединение, чтобы она могла сосредоточиться, а в этом доме о покое можно только мечтать! Крис знала, что ей скажет Лиза, когда откроет ей дверь. Ну, и пусть четыре часа утра. Завтра суббота. У нее выходной. Имеет она право на личное пространство или нет? Или это право есть только у Лизы, которая последние недели, только и делала, что гуляла, как кошка – сама по себе. Откуда у нее такие привилегии, в то время как Кристина все время чувствует себя птицей в клетке, каким-то подопытным кроликом под чутким оком своего хозяина. Кристина не знала, на кого она больше сердится. На себя или на Лизу. И никогда раньше ей не приходили в голову подобные мысли. Никогда присутствие Лизы и ее вмешательство в личную жизнь подруги не угнетало и не раздражало. До последнего времени. Лиз права. Им нужно поговорить. С прошлой субботы подруги почти не общались. Точнее, общались, но совсем не так, как прежде.

Лиз тогда явилась домой под утро и ни слова не спросила у

Кристины о том, как она провела остаток вечеринки, а Кристина, в свою очередь, ни о чем не стала расспрашивать Лизу. А ведь у них никогда не было тайн. Их безмятежный, полный согласия мирок пошатнулся. Кристина больше не доверяла Лизе, как раньше. И хотя последняя молчала, Монахова была уверена, что ту ночь Лиз провела с Кирой. Кристина не чувствовала себя преданной, обманутой или униженной. Ей было просто противно. Она не могла даже смотреть на Лизу. Их отношениям Кристина всегда придавала очень глубокое значение, и физиологии в них она отводила последнее место. Возможно, она отвечала на интимные ласки подруги лишь из благодарности за все, что она для нее сделала. Ни с кем другим Кристина не могла себя даже представить. Нежность и теплота в ее душе вдруг оказались вымазанными грязью. Сама себе Кристина предстала совсем в другом свете. В этом-то и состояла вся сложность. Она поняла, что никогда больше не сможет вернуться к прежним отношениям с Лизой, но как сказать ей об этом не знала. Как объяснить, что она не стала любить ее меньше? Просто все изменилось. Теперь девушки спали в разных спальнях, но Крис еще не забрала свои вещи из спальни подруги.

– Открой, я не уйду, пока мы не поговорим! – снова забарабанила в дверь Озерова.

Кристина отперла подруге и отошла к темному окну. Лиза, растеряв всю свою настойчивость, неуверенно вошла. Взгляд ее выражал отчаяние.

– Что происходит? – собравшись с силами, дрогнувшим голосом спросила Лиза.

– О чем ты? Я работаю. Завтра у меня заслуженный выходной. Я высплюсь днем. Я ужинала....

– Я не об этом, – резко оборвала ее Озерова. Губы ее сжались. – Ты решила меня бросить?

– Что за глупости? Мы живем вместе.

– Мы живем под одной крышей. И видимся не больше часа в сутки. – ожесточенно упрекнула Лиза.

– Мы обе работаем, – невозмутимо напомнила Кристина. – У тебя клиенты. Я целыми днями разрываюсь между двумя фирмами, а по ночам пишу картины.

– Мы не разговариваем.

– А что сейчас, по-твоему, мы делаем?

Лиз скривила болезненную гримасу и подошла ближе, вглядываясь в лицо подруги.

– Делаем вид, что ничего не происходит, – сипло выдохнула она. – Я люблю тебя. Неужели ты не понимаешь этого? Я не могу так. Ты избегаешь меня. Не смотришь на меня. Не звонишь мне, как раньше. Не ходишь со мной обедать. Не спишь со мной в одной постели.

– Я устаю, – вяло ответила Кристина, пряча глаза. Это было полуправдой.

– Ты ничего мне не рассказываешь. Я волнуюсь.

– Ты сама сказала, что мне лучше, – перевернула Кристина. – И, по-моему, у тебя и без меня теперь хватает друзей.

Обедаешь ты с Дэниэлом, ужинаешь с Кирой.

– Они не нужны мне. Я просто не знаю, как себя вести с тобой.

– Лиз, ты же психолог. Должна знать, – Кристина сама себя возненавидела за эти жесткие слова. Лиз не заслужила их.

– Да, я знаю, – кивнула Озерова. В глазах мелькнула острая душевная боль. – Все кончено, да?

– Все зависит от того, что именно ты имеешь в виду.

– Так, объясни, черт побери! – закричала Лиза. Вздрогнув, Кристина посмотрела на нее. Сердце ее болезненно сжалось.

– Ты моя подруга, которая спасла мне жизнь. Я никогда не забуду, что ты для меня сделала. Ты – мой мост, соединяющий меня с реальностью. Без тебя, я бы давно утонула, – мягко сказала она, испытывая щемящее чувство нежности и искреннего сожаления.

– Не то! – покачала головой Лиза, обхватывая себя руками, словно защищаясь от правды, которая звучала между слов.

– Ты – единственный близкий человек на этом свете, Лиз. Что еще ты хочешь услышать? Разве этого мало? Я никогда не любила тебя так, как ты меня. У нас друг к другу совсем разные чувства, но это не значит, что мои – слабее и несущественнее. Я не могу быть с тобой так, как раньше. Я просто не могу.

– Почему? – голос Лизы задрожал от произвольных ры-

даний.

– Не знаю. Ты сама говорила, что я должна определить-ся, изменить свою жизнь. Возможно, я решила начать встречаться с мужчинами. – Неуверенно пробормотала Монахова.

– Это неправда, – опровергла Лиза. – Я видела, с каким ты лицом выслушивала извинения Роберта после вечеринки. Он тебе безразличен. С другими мужчинами ты не общаешься.

– Но собираюсь, – упорствовала Кристина. – С Робертом у нас вышел не очень удачный эпизод. Мы, слава Богу, все разъяснили и поняли друг друга. Он – отличный парень, но не для меня. Я не собираюсь начинать с женатых мужчин.

– Но он не оставит своих попыток. Ты ему нравишься, – немного успокоившись, заметила Лиз. Кристина равнодушно пожала плечами, думая о том, что Роберт уяснил урок, а сломанный нос, если что напомним.

– Почему вы с Дэниэлом перестали общаться? – в лоб спросила Лиз, вцепившись в лицо Кристины своим профессионально-пристальным взглядом.

– Ты видишь его каждый день. Спроси, – небрежно ответила Монахова.

– Мы говорим не о тебе, – сухо сказала Лиза.

– Это радует.

– И ты справляешься со всеми своими новыми обязанностями без его помощи?

– Как видишь.

– Почему ты не рассказываешь, что случилось? Это он сломал нос Роберту?

– Да, – кивнула Кристина, отводя взгляд в сторону. Лиз шумно втянула воздух.

– Я так и знала. У него были на то основания?

– Роберт немного переборщил в своих ухаживаниях, – пояснила Кристина.

– И, тем не менее, ты продолжаешь с ним общаться.

– А зачем мне общаться с Дэниэлом, если наше сотрудничество закончилось? – вопрос был вполне резонным. Лиз не могла это отрицать. – Или в мои планы входила дружба с бывшим мужем? Ты бы хотела, чтобы мы все стали друзьями? Обедали бы втроем, пили водку и ржали над глупыми шутками? Так ты представляешь идиллию, и мое полное освобождение от прошлого? Думаешь, это возможно?

Лиз молчала, продолжая сканировать ее своим пронизательным взглядом. Не выдержав, Крис отвела глаза. Она не сказала всей правды. Они с Дэниэлом не прекращали сотрудничество. И ей все еще нужна его помощь. Ей тяжело плавать в одиночестве во всех этих отчетах, деловых переговорах, финансовых проблемах и договорах. Однако в понедельник Дэниэл не позвонил и не появился в офисе, не позвонил он и во вторник, а в среду Кристина осознала, что ждать бесполезно. Дэниэл понял ее буквально. Она хотела, чтобы он исчез, и он выполнил ее желание. Нужно благодарить его. Радоваться передышке, наслаждаться свободой....

– Ты все еще ненавидишь его? – продолжила Лиза свой допрос с пристрастием. Кристина вздрогнула, как от озноба, и посмотрела в испытывающие глаза подруги. Что ответить? Солгать? Зачем? Она поймет.

– Нет, – спокойно произнесла Кристина. – Наверное, ты была права. Дэниэл изменился. Но он все еще жуткий эгоист и засранец. – поспешно добавила она, скорее для себя, чем для Лизы.

– И, что ты собираешься делать?

– Что ты имеешь в виду?

– Будущее. Раз уж с прошлым мы разобрались, давай, смотреть вперед, – Лиз неожиданно улыбнулась. Сбитая с толку, Кристина уставилась на нее, не находя причин столь странной перемене в настроении подруги. И почему у нее заблестели глаза, словно она снова придумала какой-то хитроумный план?

– Значит, ты согласна, оставить наши отношения на чисто дружеской основе? – недоверчиво спросила Кристина. Озерова изобразила глубокую печаль и смирение.

– А что мне остается? – мудро заметила она. – Я знала, что ты не будешь со мной вечно. Мы ведь начинали с дружбы. Пусть так и закончится, – заметив сомнение подруги, добавила Озерова. – Точнее, начнется. Новый период. Я хочу, чтобы ты была счастлива. Это самое главное для меня, – мягко завершила она.

– Спасибо, Лиз, – повинувшись порыву, Кристина бросилась

вперед и обняла Лизу. Женщина мгновенно напряглась и осторожно высвободилась.

– А вот этого не нужно. Даже Роберт не смог сдержаться. А я всего лишь слабая женщина, – Лиза натянуто улыбнулась. Но Кристину было сложно обмануть. Она-то знала, что эта слабая женщина стоила десяти мужчин.

– Извини, – выдавила Кристина, отступая обратно к окну.

– Не нужно извиняться, – покачала головой Лиза. – Ты работай. Я пойду спать. Устала сегодня.

– Спокойной ночи.

– Нет уж. С добрым утром, – Лиза засмеялась резким неестественным смехом. Крис горько улыбнулась, зная, что таким образом "слабая женщина" прячет боль. Слишком сильная, слишком любящая ее, чтобы показать, как ей тяжело. Она достойна и любви, уважения и восхищения. Кто-нибудь однажды сделает Лизу счастливой и разделит ее одиночество, но это будет не она. Крис ощутила глубокую печаль, словно теряла сейчас что-то очень важное.

– С добрым утром, – прошептала она.

***

– Почитай еще. Мне нравится, как звучит твой голос. – Кира нырнула под сильную мужскую руку и крепче прижалась к горячему мускулистому телу. Легкий шлепок по обнаженным ягодицам разрезал предрассветную сумрачную тишину спальни.

– Распутница, – промурлыкал мужской голос.

– Ну, пожалуйста, – умоляюще прошептала Кира, лаская губами плечо мужчины. Перевернувшись на бок, он посмотрел на нее сквозь длинные черные ресницы. В полумраке его синие глаза загадочно мерцали. Пройдясь кончиками пальцев по плоскому животу женщины, он накрыл ладонью полную идеальной формы грудь.

– Ты уверена, что просишь именно то, что тебе сейчас необходимо? – лукаво спросил мужчина. Кира мягко стукнула его по руке и поцеловала в мускулистое крепкое плечо. Прижавшись копной разлохмаченных каштановых волос к его груди, она прислушалась к мерному биению сердца.

– Боже, как хорошо, – прошептала она. – Почитай.

– Шекспира? – пряча улыбку, спросил он.

– Да. Мой любимый момент. Из "Антония и Клеопатры", – кивнула женщина, закидывая длинную стройную ногу на сильное мужское бедро. Сейчас ей хотелось просто слушать, чувствовать его рядом. Ни на что другое сил не осталось. Кира зажмурилась от удовольствия, когда он начал читать строки ее любимых сонетов. Никто из ее любовников или любовниц не читал Кире стихи после секса.

– Ты странный, знаешь об этом? – соединив руки, они смотрели друг на друга, не моргая.

– Ты меня идеализируешь, а я этого совсем не заслужил, – горькая улыбка изогнула совершенные четко-очерченные губы.

– Я знаю, – мягко прошептала Кира, проводя пальчиком

по его щеке. – Ты для меня особенный, Дэниэл.

– И чем же? – иронично спросил он, приподнимаясь на локте. Кудрявцева загадочно улыбнулась.

– Ты настоящий. Самовлюбленный, эгоистичный, бабник, все это про тебя, но ты никогда не врешь. Не притворяешься. Именно это в тебе и привлекает. Скажи, когда ты успеваешь учить стихи?

– А я их не учу. У меня память хорошая, – усмехнулся Дэниэл, пропуская золото ее волос сквозь пальцы.

– Но для того, чтобы запомнить, их нужно прочитать.

– Ты знаешь, сколько времени в сутки я провожу в пробках?

– Лицо Дьявола, тело Бога, и душа поэта, а сердце .... У тебя есть сердце, Дэниэл? – она положила руку ему на грудь.

– Да, наверное, – взгляд его стал тяжелым, отстраненным.

– Жаль, что оно не для меня, – пробормотала Кира, но он услышал и ласково привлек к себе, зарываясь лицом в ее локоны.

– Жаль, – шепнул он. – С тобой спокойно.

– Да, но этого мало, – горько сказала Кира. – И я ничего не могу сделать?

– Нет, – покачал головой Дэниэл. – Я бы и сам рад тебе помочь.

– Почему ты пришел ко мне сегодня?

– Почитать стихи.

– Я серьезно. – Обиженно сказала Кира, отстраняя его го-

лову и глядя в смеющиеся красивые до боли глаза. Какой чистый небесный цвет, и какая черная глубина.

– Я тоже.

– Ты решил расстаться с Софи? – проницательно спросила Кира. Дэниэл вздохнул и откинулся на подушку, закинув руки за голову. Кира села возле него, скользя восхищенным взглядом по великолепному мужскому телу.

– С чего ты взяла?

– Просто ты всегда появляешься перед тем, как бросить очередную подружку, – усмехнулась Кира. – Тебе так легче решиться?

– Не знаю, – пожал плечами Дэниэл.

– Что она натворила?

– Ничего. Точнее, ничего нового. Я приехал вчера раньше, чем обычно, а она забавлялась со своим фотографом.

– С Пьером? – воскликнула Кира, расхохотавшись.

– С Петей, – поправил Дэниэл. – Мне плевать, что у нее любовники, но не в моей же постели.

– Ты выставил ее?

– Нет.

– Почему?

– Ну, она не раз заставляла меня в подобной ситуации, – признался Дэниэл без тени смущения.

– Но не в ее квартире.

– У нее комната в общежитии.

– Какая разница?

– С ее соседкой, – сделав паузу, выдал Дэниэл. Кира замахнувшись, шлепнула его ладошкой по прессу. Он даже не поморщился, а вот она ушибла руку.

– Ну, ты засранец.

– Каюсь.

– И вовсе нет. Ты когда-нибудь успокоишься? – женщина, склонив голову, взглянула на него с осуждением.

– Я не виноват, – Дэниэл обезоруживающе улыбнулся. – Они сами мне прохода не дают, а я не монах.

– Это точно. Она знает?

– Про подружку?

– Нет. Что ты ее бросаешь.

– Нет, не знает. У нее день рождения через неделю. Не хочу портить праздник, – отрицательно качнул головой Дэниэл.

– О, это что-то новенькое. Ты становишься сентиментальным, или это просыпается совесть?

– Секрет.

– Ты загадочный такой. – Кира вдруг расхохоталась и уселась на него верхом. Дэниэл, приподняв брови, с притворным возмущением посмотрел на любовницу.

– А как же стихи?

– Хватит, на сегодня. Пора переходит от слов к действию.

– Я думал, мы закончили.

– Нет, дорогой, не конец. Ты всегда возвращаешься, – прошептала Кира, наклоняясь и целуя его в губы.

Но не в этот раз, думал Дэниэл, выходя несколько часов спустя из ее квартиры. Кира, ласково улыбаясь, повисла на нем, потом звучно чмокнула в щеку, пожелала удачного дня. Она казалась счастливой и умиротворенной, чуть-чуть уставшей. Сегодня действительно была необычная, особенная ночь. Для них обоих. Она была последней. Дэниэл попытался вызвать в себе грусть. И у него это почти получилось. Кира удивительная женщина, понимающая, нежная, идеальная любовница. Она заслужила хотя бы немного печали.

***

– Я собираюсь уехать из России, – равнодушно бросил Дэниэл, рассеянно глядя куда-то поверх жуткого начеса своей тетки. Норман выглядел так, словно сказал совершенно обыденную фразу. Мэдисон оторопело уставилась на него, чуть не выронив бокал с мартини из ухоженных сверкающих бриллиантами пальцев. Парень за соседним столиком отвлекся от беседы со своей спутницей, и бросил на нее заинтересованный взгляд. Мэдисон одарила его широкой улыбкой и вернулась к Дэниэлу.

– И куда же? Надолго?

– Навсегда, – выдохнул Норман. – Мне тут скучно. Продам все и начну с нуля. В Нью-Йорке.

– Ты с ума сошел? – побледнев, Мэдисон смотрела на него во все глаза, напрочь забыв про молодого человека, который теперь не сводил с нее настойчивого взгляда.

– Нет, наоборот. – Он раздраженно глянул на нее. – А что

тебя удивляет? Папа умер, его дело под присмотром. Я свою миссию выполнил. Что меня здесь держит? Согласись, что в Штатах больше возможностей.

– И чем ты займешься? Знаешь, сколько там таких мечтателей?

– Но у них нет миллионов, – снисходительно усмехнулся Норман. – Построю отель, буду его сдавать и жить припеваючи на аренду. Можно, еще и клуб, чтобы было, где отдохнуть.

– И бордель, – съязвила Мэдисон.

– Можно, – невозмутимо согласился Дэниэл.

– А, что будет с нами?

– С вами? – он с искренним удивлением посмотрел в синие глаза Мэдисон. – А что с вами? У Роберта есть работа. Вы живете в шикарной квартире.

– Я хочу поехать с тобой, – выдала Мэдисон. Дэниэл поперхнулся своим крепким напитком.

– Боюсь, что Робби не поймет, – покачал он головой. – Место жены рядом с мужем. – Глубокомысленно добавил Дэниэл.

– Ты смеешься надо мной? – нахмурилась Мэдисон. – Все еще обижаешься?

– Что я девица, чтобы обижаться? – сухо спросил Дэниэл.

– Роберт мог бы работать с тобой.

– Да, но у нас возникли определенные сложности в общении, – с издевкой бросил он, скривив губы. – Боюсь, что не

получится.

– Из-за чего вы подрались?

– Не имеет значения. Ты же знаешь, что я не скажу. Зачем спрашиваешь?

– Ты хорошо подумал?

– Да.

– А я вот не уверена, – Мэдисон покачала головой. Она подозрительно смотрела в непроницаемое лицо племянника. Решительный, непоколебимый. Упрямец. Весь в отца.

– Будем считать, что я прозрел.

– Правда? – откинувшись, Мэдисон усмехнулась. – А, по моему, ты убегаешь, – заявила она.

– Я не бегу, – коротко ответил Дэниэл, не показывая насколько сильно задела его ее слова. – Я разорюсь, если останусь.

– Значит, ты все решил? – безжизненным тоном осведомилась Мэдисон, хотя прекрасно знала ответ. – А как же я?

– Ты будешь навещать меня, если захочешь, – холодно ответил он.

– Конечно, захочу, – повысив голос, воскликнула она. – И когда ты планируешь удрать из страны?

– Я не удираю. Я уезжаю, – сдержанно поправил ее Норман. Синие глаза оставались безразличными и пустыми. – Бюрократические вопросы потребуют определенного времени. Часть денег я оставлю тебе, чтобы компенсировать моральный ущерб.

– Это необязательно.

– Не надо лукавить, милая моя.

– Ты же знаешь, что я люблю тебя.

– И деньги, – насмешливо добавил Дэниэл. Женщина обижено сверкнула глазами, но возражать не стала. Отчасти он был прав. Деньги ей не помешают.

***

– Ты сегодня совершенно меня не слушаешь. – Укоризненно заметил Роберт, вставая из кресла, стоявшего по другую сторону стола Кристины.

– Что, извини? – подняв глаза, она рассеянно посмотрела на него.

– Ничего. Ты где-то витаешь, а я собираюсь на обед. – Раздраженно ответил он. – Ты со мной?

– Нет, я поработаю еще, – покачала головой Кристина.

– Это теперь так называется? – с сарказмом уточнил Роберт. – Ты идешь на день рождения к Соне? Она весь офис пригласила.

– Нет, – резко ответила Монахова, уставившись в монитор, где уже битый час пыталась хоть что-то разглядеть. Крис пребывала на границе полудремы и бодрствования. Она опять рисовала почти до утра.

– Почему нет? – искренне удивился Роберт. – Вы же с ней хорошо ладите.

– Ну, и что? Я готовлюсь к выставке. У меня нет ни минуты свободной. Вуд звонил вчера. Осталось всего два месяца.

И это уже с отсрочкой. Мартъен уже рвет и мечет. Я не могу подвести и его тоже. Вуд простит, а он нет. Для меня закроются все двери.

– Я понял, понял. Не кричи. Просто я бы хотел, чтобы ты пошла, – Роберт искренне улыбнулся. Кристина негодуяюще сдвинула брови.

– Я вроде все сказала.

– Да, босс, – шутливо поклонился Роберт. – Подумай. Пара часов тебя не устроят. Соня говорила, что соберется не меньше сотни человек.

Крис округлила глаза, проснувшись. Она потянулась к кружке с остывшим кофе, но передумала. Сердце не выдержит такой нагрузки. Три кружки кофе за двадцать минут – это перебор.

– Ничего себе. Вот это размах, – выдохнула она.

– Да, платит-то не она, – презрительно усмехнулся Роберт.

– Но и не ты, – холодно ответила Кристина.

– Шикарно даже для последней гастроби, – как бы невзначай вставил Хьюстон. Монахова удивленно взглянула на него.

– Почему последней? – спросила она.

– А ты еще не слышала? – Роберт сделал вид, что разглядывает свой галстук, который в последнее время стал надевать все чаще. Крис внутренне сжалась от неприятного предчувствия. Что это еще за тайны?

– Не слышала, что?

– Лиз не говорила? – продолжал томить Роберт. Это начинало слегка подбешивать.

– Не тяни, Роб. Есть, что сказать – выкладывай. Ни к чему эти игры в загадочность, – раздраженно сказала она.

– Сердитая какая-то. Я был уверен, что Лиза давно тебе напела. Она же теперь друг Дэниэла.

– Причем здесь Дэниэл? – не поняла Кристина. – Соня с ним расстается? Она бы сказала.

– Она еще не в курсе, – самодовольно объявил Роберт.

– То есть?

– То и есть. Всю последнюю неделю Дэниэл оформляет документы на продажу собственности. Норман собирается вернуться на родину. В Нью-Йорк. Моя жена в печали, а я очень даже рад. Надеюсь, что ты тоже.

Кристина уставилась на Роберта непонимающим взглядом. Рой из тысячи мыслей загудел в ее голове. Дэниэл уезжает в Нью-Йорк? Почему?

– Соня поедет с ним? – еле слышно выдохнула Кристина.

– С ума сошла? – расхохотался Роберт. – Зачем ему там эта дуреха? Других что ли мало.

Кристина подняла руку, чтобы поправить выбившийся локон, но промахнулась, чуть не ткнув себе ногтем в глаз. Сердце стучало оглушительно громко. Кристина испугалась, что Роберт услышит. Она неотрывно смотрела на него все в том же немом потрясении. Постепенно торжествующая улыбка сползла с лица мужчины. Он озабоченно скользнул

по ней взглядом.

– Ты в порядке? – спросил он тревожно.

– Нет, то есть, да, – лихорадочно закивала девушка. – Я просто.... Я не понимаю. Он ничего не говорил.

– Зачем ему всем подряд рассказывать о своих планах. – безразлично передернув плечами, сказал Роберт. – Я думал, что ты вздохнешь с облегчением.

– Но он мне не мешает, – возразила Кристина.

– Пусть катится. Скатертью дорога. Дышать легче.

– Да, что он тебе такого сделал? – рассердилась Кристина, бросая на него гневные взгляды.

– Просто он мне не нравится. И я знаю, что он за человек.

И что он сделал тебе.

– Ради Бога, Роберт, – раздраженно воскликнула она. – Мы сами разберемся, я не нуждаюсь в защитниках.

– Ты его защищаешь, черт возьми, – дошло до Роберта. Их взгляды сцепились в безмолвной борьбе.

– Да, Роб. Я его защищаю, – спокойно сказала она. – Я не оправдываю его поступков, но они не имеют никакого отношения к тебе.

– Имеют, – яростно возразил Хьюстон. Кристина вскинула брови, вызывающе глядя на него.

– Поясни.

– Ты мне нравишься, а он делает тебя несчастной.

– Никто давно не делает меня несчастной, кроме меня самой, Роберт, – голос ее предательски дрогнул. Встав из-за

стола, она спрятала за спиной руки, выдающие ее волнение. – Ты хотел идти на обед, – буднично напомнила она. Он посмотрел на нее так, словно впервые увидел.

– Да, – кивнул он и поплелся к выходу, но у самой двери, обернулся. – Я думал, что ты боец, – обронил Роберт, разочарованно глядя на нее.

– Ты ошибся. Я женщина, слабая и грешная, такая же, как все.

– Чем же он заслужил такую женщину?

– А он ее не заслужил, – горько прошептала Кристина. – Он ее потерял.

Глава 14

Дэниэл прибыл на день рождения "без пяти минут бывшей подружки" уже изрядно выпившим. Сегодня решился вопрос с продажей его фирмы, причем очень успешно для него. Так что было целых два повода для того, чтобы напиться. Давно Дэниэл не чувствовал себя таким уверенным, полным энтузиазма и почти мальчишеского задора. Все правильно. Прочь, прочь отсюда. Ужасная страна, странные люди, холодные зимы, бесконечные пробки – все это останется в прошлом. Начать все с начала, с чистого листа. Никаких воспоминаний, мыслей, сожалений. И первое, что он сделает – навестит могилу матери. Он вернется туда, откуда бежал его отец. Все правильно. Наконец-то он сделает хоть что-то верное за всю свою никчемную жизнь.

Дэниэл огляделся вокруг. Последний раз он видит все эти лица. Женские, мужские, старые, молодые, добрые, грустные, веселые, похотливые, злорадные.

"Кира. Что же ты грустишь, Кира. Все будет хорошо. Какая ты красивая. Теперь ты свободна. Вот увидишь, через месяц ты сама вздохнешь с облегчением. Я – бремя, я боль этого мира. Для тебя. Для многих других. До и после. И вовремя.... София.... Господи, ты в чем это? Где платье? Разве в клуб пускают в ночнушках. Да, ты уже пьяна, дорогая. Но сегодня можно".

– С днем рождения, милая. Прекрасно выглядишь. Поздравляю. Прости, что опоздал, – наклонившись, он быстро поцеловал ее в приоткрытые губы, сунув в руки бархатную продолговатую коробочку. Подарок, достойный царицы, но он сегодня щедрый. С минуту повисев на нем, Соня отправилась в дамскую комнату, надевать подарок. Изумруды он дарил ей в первый раз. И последний. Подойдут к ее глазам. Главное, чтобы она не потеряла их сегодня.

Взяв рюмку водки с подноса у мимо проходящей официантки, он подмигнул ей, хлопнул по заднице и залпом осушил.

– Еще? – игриво спросила девушка, выпячивая грудь, которая и так бросалась в глаза. Дэниэл скользнул взглядом вниз. Короткая юбочка едва прикрывала длиннющие ноги.

– Давай, – улыбнулся он, сверкая белизной зубов. Девушка чуть в обморок не свалилась. Прикольная девчонка. Может, утащить ее в туалет? Не откажет, по глазам видно. Он уже решил сделать ей одолжение и наклонился к маленькому аккуратному ушку, чтобы прошептать непристойное предложение, но встретив обжигающие серые глаза, замер на полуслове. Он вздрогнул, словно получил смачный пинок в солнечное сплетение. Ему показалось, что музыка стихла, а беснующаяся пьяная толпа расступилась, оставляя только одну из сотни, нет из тысячи, из миллиарда. Женщина, которую он любил, стояла у стойки бара и смотрела на него. Женщина, которую он убил. Женщина, к которой не мог прикос-

нуться. Женщина, которая никогда не простит его. Женщина, которую он уничтожил и похоронил восемь лет назад. Вот она. Живая и здоровая. Ослепительно красивая. Черные локоны кольцами вьются вокруг изящного, словно вырезанного рукой скульптора лица. Пишущая картины, знает ли она, что сама – произведение высочайшего искусства? Совершенство с головы до ног, облаченное в маленькое черное платье. Белоснежная атласная кожа, стальные прозрачные глаза, чувственные мягкие губы, высокие аристократические скулы. Кому достанется все это?

Он не сводил глаз с бывшей жены, не заметив, что по-прежнему склоняется над ушком хорошенькой официантки. Пойман с поличным. Как всегда.

– Я еще выпью, – выпрямившись, он заметил разочарованный взгляд девушки. Рывком взяв новую рюмку, Дэниэл опустошил и ее тоже. Подняв глаза, но Кристины уже и след простыл. Оглядываясь, как последний дурак, он тщетно искал ее взглядом. Убежала? Была ли? Неужели привиделась? Плод больного воображения? Нужно выпить, чтобы прояснить мозги. Или еще больше затуманить.

– Может, хватит, дружище? – кто-то, посмеиваясь, хлопает по плечу. Дэниэл обернулся. Роберт. Тьфу. Черт.

– Привет, – промычал Дэниэл. Язык ворочался с трудом. И снова его глаза в толпе выловил любимый образ. Держа в руке бокал с мартини, она неспешно шла вдоль стены. Почувствовав его тяжелый почти безумный взгляд, она остано-

вилась. Легкое движение головы, едва заметное колыхание волос, черных, как ночь, и снова их взгляды встретились, заставив все лишнее исчезнуть с лица земли.

– Ты в порядке? Дэн? – голос Роберта рвался к нему сквозь туман. Дэниэл отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Кристина чуть заметно улыбнулась и снова затерялась в толпе. Что за игра такая? Следующие полчаса они бродили по залу по кругу, соприкасаясь случайными взглядами, не встречаясь. Их всегда разделяли люди. Как раньше разделял океан, а еще раньше – его глупость. Она улыбалась другим, шутила, разговаривала, смеялась, запрокинув голову, но в следующий миг смотрела на него и переставала смеяться.

Дэниэл отвечивал пошлые комплименты, целовал все женские щеки без разбора. И вдруг натолкнулся на кого-то. Этот кто-то развернул его к себе лицом. Кира. Дэниэл расплылся в широкой улыбке, обнимая ее.

– Что с тобой, Дэн? Возьми себя в руки! – прерывистый почти злой шепот. Норман громко расхохотался, смачно целуя Киру в губы. Оттолкнув его, она смотрит на него с тревогой и жалостью.

– Я – подлец, Кира, – сказал он беспечно. – Ты даже не представляешь, что я за чудовище.

– Представляю, – хмуро ответила она, проследив за его взглядом. Глаза ее полыхнули в непонимании.

– Можно ли простить убийство, Кира? – вдруг спросил он. Кира пристально посмотрела в мутные глаза.

– Все зависит от обстоятельств, – ответила женщина.

– Обстоятельства весьма плачевны. Восемь загубленных лет и разбитое детское сердце.

– Ты это о ней? – Кира кивнула в сторону Кристины, которая вела оживленную беседу с Соней, демонстрирующей ей подарки любовника. Боль отразилась в глазах Дэниэла, когда он услышал смех бывшей жены. Легкий, свободный. Не для него. Все не для него. Бежать. Бежать от нее.

– Я мог бы подарить ей полмира, а не смог дать даже каплю нежности, той самой, которую раздавал налево и направо всю свою осознанную жизнь.

– Дааа, – только и смогла выдохнуть Кира. – Удивил. Влюбится в собственную бывшую жену. Что ж, поделом тебе.

Толкнув его в грудь, Кира быстро пошла прочь.

– Я же особенный, – процитировал он ей вслед ее же слова и разразился неестественным сиплым смехом.

– Дэниэл, – кто-то другой схватил его за рукав спортивной рубашки. Лиза. Лизонька, Лизок.

– Привет, дорогая, – глупая улыбка снова расплылась на пьяном лице.

– Привет, – усмехнулась Озерова. – Ты накушался, я смотрю. Проводить?

– Куда?

– В вырезвитель! Домой, конечно.

– Домой? – еле выговорил он. – Мой дом теперь далеко. Я все продал. Почти продал.

– Поздравляю, – буркнула Лиза, взяв его под руку. Дэниэл сам не понял, как удалось этой маленькой женщине, вывести его прямо в прохладу апрельской ночи.

– Возвращайся внутрь, Лиза, – раздался позади тихий спокойный, как гладь безмятежной реки, голос. – Я сама отвезу его.

– Уверена? – настороженно спросила Озерова.

– Все нормально, Лиз. Я справлюсь.

«Какая уверенность. Малыш, ты меня плохо знаешь. Или слишком хорошо.»

– Девочки, а меня спросить? – растягивая слова, проговорил Дэниэл. Пошатнувшись, он повернулся. Холодный сероглазый взгляд мгновенно отрезвил его, но он продолжал растягивать губы в своей нелепой улыбке сердцеда.

– Ты – против? – спросила Кристина, накидывая на плечи короткое черное пальто. Стройная, сдержанная. Ноги в высоких сапогах казались еще длиннее. Волосы ласкал ветер. Даже ему можно....

– Нет, – мотнул головой Дэниэл. – Я очень за.

– Садись в машину, – приказала она. Ни капли сочувствия в серых глазах. Светлые, почти прозрачные глаза, словно у лунатика, у демоницы, а она ангел.

– В какую?

– В твою, – она чуть заметно улыбнулась одними губами, не меняя непроницаемого ледяного выражения глаз.

– Я так устал, – хрипло простонал Дэниэл, зарываясь ладо-

нюю в свои темные густые волосы. Шатнувшись, он уткнулся спиной в дверь своей машины, и, обернувшись, собрался сесть за руль.

– Нет, я поведу, – остановил его ее голос. – Лиз, посади его на пассажирское место.

Дэниэл почувствовал, как сильные для женщины руки, увлекают его за собой. Открыв заднюю дверцу, Лиза бесцеремонно запихнула его на заднее сиденье.

– Проспись, дружище. Ехать далеко, – в голосе Лизы ему послышались нотки цинизма. Раньше за ней не замечалось ничего подобного. Даже ее впечатлило его сегодняшнее поведение?

Дверь оглушительно хлопнула, чуть не ударив его по носу. Девушки прощались, короткое рукопожатие и Кристина отвернулась от подруги, и посмотрела на него. Осуждающий уставший взгляд. Покачав головой, она села на водительское место, обернулась.

– Замерз? Я сейчас печку включу.

Нормана так колотило, что он не смог ответить, а просто помотал головой. Он подумал, что она, наверно, не знает, где он живет. И что у нее нет водительских прав.

– Я только начала учиться вождению, – словно прочитав, его мысли произнесла она, заводя его новый "Пежо". – Но, надеюсь, что мы доберемся до твоего логова без приключений. Извини, если получится дольше и медленнее, чем ты привык.

Машина тронулась, а он полусонным взглядом смотрел на ее застывший затылок, напряженные бледные руки, крепко сжимающие руль. Логово! Сказано почти с насмешкой. Наверное, она догадывается, сколько раз его пьяного отвозили домой случайные подружки, чтобы раздеть и уложить спать, а утром попросить определенную плату за свою щедрость. Она не попросит и не поцелует на ночь. Зачем же, дрожа от страха, неумело виляя по трассе, она везет его домой? Пожалела? Неужели он становится жалким? И настолько никчемным, что даже женщина, которую он никогда не жалел, смилостивилась над ним. Воздух в дорогом салоне автомобиля постепенно нагревался. Кристина расслабилась, "Пежо" ехал почти ровно. Она даже включила магнитолау.

– Ты знаешь, куда ехать? – спросил он, откидываясь на сиденье. Кристина посмотрела на него в зеркало.

– Лиз сказала мне адрес. Она бывала у тебя в гостях?

– Пару раз, – пожал плечами Дэниэл. – Я не пытался ее соблазнить, если ты об этом.

– Нет, это ты об этом, а мне даже в голову не пришло.

– Считаешь ее не интересной для меня? – голос его стал ниже, чувственней. Он забыл, с кем разговаривает.

– Нет, тебя для нее.

Отличный ответ. Не в бровь, а в глаз. Разве он может быть интересен достойной женщине?

– Ясно, – хрипло бросил он, чувствуя, как сон наваливается на него, а ведь столько можно успеть сказать. Только за-

чем? Что изменят его слова? Гранит ее глаз не расплавится никогда. К черту все. Пора сдаваться.

– Почему ты решила меня доставить собственноручно? – сделав над собой усилие, спросил он.

– Просто так. Я говорила тебе, что ты вел себя, как мудака?

– Я вел себя так, как я обычно себя веду.

– Ничего не меняется. Как был грязным бабником, таким и остался. – В ее словах не было злости и признания. Почему? Он-то весь вечер старался произвести впечатление. Знала ли она, что он хотел ей помочь? Она просила его не меняться, оставаться тем, кем она его запомнила. Рада ли она? Легче стало? Грязный бабник? Да. Но разве в мелодрамах грязные бабники не встречаются ту единственную, которой до конца жизни хранят верность? Смог бы он так?

– Спи, – неожиданно приказала она.

– Да, милая, – прошептал он, закрывая глаза. – Как приятно тебе повиноваться. Прикажи мне не дышать.

– Я не настолько злая. Живи.

– Ты позволяешь? – он открыл один глаз, глянув на ее затылок. Живи, именно это слово прошептал он восемь лет назад, прислонившись лбом к дверям реанимации, за которыми она умирала. Маленькая наивная девочка, влюбленная в чудовище, и расплатившаяся за это сполна. Он не оставил ей никаких иллюзий, так чего он ждет от нее? Но и жалость ему не нужна. Пьяный, растоптанный, пустой, но не потерявший гордость.

– Извини, – пробормотал он. – Я и, правда, мудака.

– Да. Спи, мудака, – она вдруг рассмеялась. Совершенно искренне и открыто, как никогда раньше, находясь в его обществе. Дэниэл мгновенно напрягся, вбирая эти отдающие пульсацией во всем теле, звуки. Он и не думал, что женский смех так, с одного оборота, может заставить испытывать почти сексуальное удовольствие. Расслабившись, Дэниэл улыбнулся и провалился в сон.

Остановившись на светофоре, Кристина обернулась, чтобы посмотреть на мирно посапывающего пьяного мужчину. Во сне лицо его не казалось самоуверенным и дерзким. Смягчившиеся безупречные черты лица придавали ему безмятежный и почти беззащитный вид. Длинные ресницы опустились на впалые щеки, чувственные четко очерченный рот расслаблен, тихо вздымается сильная грудь. Но она помнила, как обманчиво это впечатление. Так спит лев: прекрасная и ласковая кошка во сне, и страшный хищник при пробуждении. Целый год она смотрела на спящего Дэниэла, тщетно надеясь, что, открыв глаза он, наконец, увидит ее и поймет, примет ее помощь.

– Вставай, приехали.

Звонкий голос беспощадно вырвал его из оков спасительного сна. Жуткая головная боль вернула Дэниэла в холодную серую реальность, где не было нежного женского шепота, и сладкого запаха ее волос.

– Сколько я проспал? – охрипшим голосом спросил Дэни-

эл, глядя на нее. Распахнув дверцу "Пежо", она ждала, когда он выйдет. Облизав пересохшие губы, он пытался вспомнить, куда засунул ключи.

– Полчаса, – ответила она, повертев в пальцах брелок с ключами. – Нашла на соседнем сиденье, – пояснила она. Точно, он всегда бросал их туда, садясь в машину, но все потом об этом забывал и начинал рыться по карманам. – Ты собираешься выходить, или нет? – она вопросительно подняла свои изящные брови.

– Угу, – кивнул он, отрывая спину от сиденья, но с глухим стоном повалился назад. От боли потемнело в глазах. – Не могу.

– Что это еще значит? – яростно уставилась на него Кристина, закрываясь руками от ветра, который нещадно хлестал ее волосами по лицу. Из подъезда вышла молоденькая соседка с нижнего этажа. Ее отец работал судьей в областной прокуратуре. Как-то он переспал с ней по пьяни, но она не оставляла попыток продлить знакомство. Знал бы ее папочка, чем занимается дочурка, пока он вершит судьбы, и за взятки восстанавливает псевдосправедливость.

– Ты должна мне помочь. Мне не встать, – отводя взгляд от застывшей фигурки соседки, взирающей на него с неприкрытым любопытством, Дэниэл состроил жалостливое лицо. Кристина нахмурилась, понимая, что он не шутит.

– Попытайся. Как водку пить – герой, а, как из машины вылезти – так ему помощь нужна, – зло бурчала она. Девуш-

ка-соседка приблизилась, разглядывая теперь Кристину.

– Помочь? – спросила она. Кристина повернулась, взглянула на хрупкое юное создание. Она окинула стильно одетую прелестницу пристальным взглядом.

– Не думаю, – вздохнула Кристина.

– Да, вы не переживайте. Я справлюсь. Я соседка Дэниэла снизу. Даша. – Радостно улыбнувшись, девушка протянула руку. – А вы с его работы?

– Да, – растерявшись, Крис пожала протянутую теплую ладошку. Звонко рассмеявшись, Даша отодвинула Кристину в сторону, и наклонилась к мрачно настроенному Дэниэлу.

– Давай, хватайся, Дэн, – весело сказала она, предлагая ему руку. Судя по тому, как Крис раздраженно покачала головой, до нее сразу дошел смысл короткого почти интимного обращения "Дэн". Он тупо посмотрел на Дашу, похожую в этот момент на восторженного щенка.

– Держись, – настойчиво повторила она. – Я знаю, что ты совсем не такой тяжелый, как кажешься. – Даша захихикала, а Дэниэлу захотелось ее придушить. Но он принял помощь, позволяя девушке вытащить его из машины. Выпрямившись, он неуверенно стоял на тротуаре, в нескольких метрах от подъезда. Взгляд его коснулся печального лица Кристины. Даша маячила рядом, все еще держа его руку.

– Проводить до квартиры? – она явно не собиралась отвязаться от него. Кристина прикусила губу, пытаясь скрыть насмешливую улыбку.

– Нет.

– А до лифта?

– Ради Бога, Даша. Ты, что не видишь, что я не один? – взорвался он. Даша резко отступила, обиженно выпятив нижнюю губу. Ну, совсем, как ребенок.

– Она сказала, что с работы....

– И что я делал на работе в таком состоянии, по-твоему?

– Прекрати кричать, Дэниэл, – вмешалась Кристина. – Девушка была просто очень любезна. Ты должен быть благодарным.

– Он – бабник, – категорично заявила Даша, глядя на Кристину. – Я должна предупредить вас.

– Я знаю, – Монахова снова звонко рассмеялась. Лицо девушки удивленно вытянулось. – Спасибо, Даш. Я постараюсь не стать очередной жертвой. До свидания, – попрощалась она. Даша все еще мешкала. – До свидания, Даша. И спасибо еще раз.

Дэниэла удивила спокойная уверенность, с которой Кристина отделалась от надоедливой соседки.

– Некрасиво получилось, – виновато проговорил Дэниэл, засовывая руки в карманы джинсов, и нерешительно изучая напряженный профиль Кристины. Она смотрела вслед удаляющейся Даше.

– Точно, – кивнула она сухо. – Слушай, осталась хоть одна женщина в этом городе, с которой у тебя ничего не было? Зачем тебе понадобился этот ребенок?

– Этот ребенок сам на меня набросился. Я просто зашел за солью.

– Но ты не пошел за солью к старушке.

– У меня нет соседок-старушек, – Дэниэл лучезарно улыбнулся. – Но старушек я боюсь еще больше. Последний шанс, сама понимаешь.

– Ты считаешь себя неотразимым? – Кристина повернула голову, и с презрением посмотрела в смеющиеся синие глаза.

– А разве это не так? – он улыбнулся еще шире, демонстрируя опасные мальчишеские ямочки на щеках. Кристина отвела взгляд, пряча озябшие руки в рукава.

– Так, – тихо ответила она. – Жаль, что это всего лишь оболочка. Но знаешь, кто ты на самом деле? – она снова посмотрела в его глаза, ставшие серьезными. – Ты пустышка. Нестабильный, неинтересный, предсказуемый, не дурак, но и не гений. Ты красивый, но это не вечно. Ты состаришься и умрешь в одиночестве. Кому нужен престарелый плейбой без души?

Взгляд Кристины был полон неприкрытого презрения. Дэниэл, молча, смотрел на нее, пытаясь обхватить весь ее облик. Не одобряющий, мятежный, но преступно соблазнительный.

– Ты зайдешь? – спросил он буднично, словно она только что не высказала ему нелицеприятную правду о его личности.

– Что? – опешила Кристина.

– Вдруг я не дойду, упаду прямо у дверей квартиры, и умру вовсе не одиноким состарившимся плейбоем? И не кому будет принести стакан воды и таблетку. Ну же, Крис, пожалей меня. Я совершенно безопасен сейчас. Я еле жив. Голова болит так, словно мне изнутри водят по мозгам кончиком ножа, – он несчастными глазами посмотрел на нее. – Ты же не бросишь меня в таком состоянии?

– Брошу, – утвердительно кивнула Кристина, кидая в него связку с ключами. – Пошел к черту, Дэниэл. Я буду даже счастлива, если в утренних газетах прочту хронику от твоей смерти.

– Злая, – ласково шепнул Дэниэл, наклоняясь за ключами. Качнувшись, он чуть не упал. Боль сдавила виски, окрашив все вокруг в красный цвет. Услышав его приглушенный стон, Кристина обернулась. Выругавшись, она приблизилась к нему и вырвала ключи из дрожащих рук Дэниэла.

– Давай сюда. – Рывкнула она, сверля его негодующим взглядом. – Боюсь, что все будет гораздо прозаичнее. Ты не умрешь, а уснешь под дверями, и будешь своим храпом мешать соседям спать.

– Ты – ангел, Крис.

Обрадованный неожиданным стечением обстоятельств Дэниэл поспешил за решительно идущей к подъезду девушкой.

– Не благодари, – бросила она через плечо, открывая дверь подъезда.

– Ты мне жизнь спасла.

– Не спеши с выводами. Может, я замышляю убийство, – усмехнулась Кристина, стуча каблуками по мраморному полу. В просторном хорошо освещенном холле из-за своей стойки удивленно взирала на них пожилая блюстительница порядка, несущая свою вахту.

– Добрый вечер, Дэниэл, – чопорно поприветствовала она его.

– Привет, – Норман улыбнулся, отвесив ей поклон и чуть не повалившись на пол.

В лифте, и пока они шли по коридору к его квартире, Дэниэл во весь голос читал отрывки из разных произведений великих классиков, явно намереваясь сразить ее своим интеллектом, осмелившейся обозвать его не гением. Крис смущенно улыбалась, попадаящимся на встречу обитателем дорогостоящих квартир.

– Не похож ты на умирающего от боли, – заключила она, остановившись у двери его квартиры. Дэниэл подсказал ей механизм открывания его замков.

– Ну, как тебе мое логово? – спросил он, спустя несколько минут. Сняв сапоги и пальто, Кристина прошла в современную гостиную. Выполненная в серо-белой гамме она во все не походила на холостяцкую квартиру. Пора было двигаться отсюда в обратном направлении, но она не смогла сдержаться любопытства. Идеальный порядок проглядывал в каждой мелочи. Ни пыли, ни пустых стаканов, ни разбросанных

носков. Даже пепельница сверкает чистотой. Над интерьером явно поработал дизайнер, но это не уменьшает его заслуг. Она невольно вспомнила, как много лет назад целыми днями убирала остающийся после его вечеринок бардак. И еще больше удивилась почти музейному порядку.

– Ты точно здесь живешь? – спросила она, прервав осмотр, и оглядываясь на стоявшего в дверях гостиной Дэниэла. Небрежно облокотившись на косяк и засунув большие пальцы рук в карманы джинсов, он лениво и самодовольно улыбался. Она старалась не думать о том, сколько женщин до нее стояли на этом самом месте и разглядывали чистую шикарную гостиную. Смотрел ли он на них так же, как сейчас на нее. Томительное ожидание, нерешительность, желание – вся эта гамма чувств читалась на его лице, скинувшем привычную дерзкую маску бизнесмена и плейбоя.

– Я аккуратный, – низким голосом ответил он. Кристина вздрогнула и кивнула.

– Мне нравится, – одобрила она.

– Ты еще не видела кухню, ванну и другие комнаты. У меня их пять. Представляешь, пять комнат, и я один.

– Уверена, что один ты бываешь очень редко, – иронично заметила Кристина, проводя пальчиком по зеркальной поверхности столика на резных ножках.

– Ты права, но это все не то, – мрачно улыбнулся он. Девушка опустила голову, и волосы прикрыли ее лицо.

– Ты сам-то знаешь, что тебе нужно на самом деле? – спро-

сила она, не глядя на него.

– Да. Ты. – Так просто вырвалось из губ.

– Неправда, Дэниэл, – она тряхнула волосами, словно отгораживаясь от него, а ему безумно захотелось подойти и разубедить ее. С другими бы он даже не сомневался, но Кристина... Эта женщина делала его слабым и нерешительным.

– Мне пора, – подняв глаза, она быстро взглянула на него. Теперь нужно пройти мимо, но он будто прирос к косяку.

– Нет, еще рано. Ты обещала стакан воды и таблетку, – Дэниэл снова изобразил умирающего больного. Схватившись за голову, он подошел к большому, покрытому белым пледом дивану и со стоном плюхнулся в него. Когда он успел протрезветь и взять ситуацию в свои хитрые руки, гадала Кристина, иронично поглядывая на него. Она прошла к минибару у стены, открыла его и, достав бутылку дорогого марочного коньяка, направилась туда, где, по ее мнению, находилась кухня. Там, как и уже догадывалась Кристина, тоже все было идеально. Просторная голубая кухня – мечта любой хозяйки. Крис представила Соню, которая наверняка готовила тут ему по утрам завтраки, брала эти самые хрустальные бокалы, наливала в них коньяк таким же жестом, но из другой бутылки, а потом.... Что делала потом Соня, представлять Кристине совсем не хотелось.

– Я думал, ты принесешь мне таблетку "антипохмелина". Пачка там, на столе, в кухне, – взяв протянутый Кристиной стакан с темноватой жидкостью, проговорил он, заметив, что

даже бокал она подала ему так, чтобы ненароком не коснуться его руки. Кристина поставила бутылку на стол, и, пожав плечами, села в кресло напротив, провалившись в него. В ее пальцах был такой же бокал.

– Таблетка тебе не поможет.

– Я не люблю похмеляться, – сообщил он, с кислым видом пригубив спиртное.

– Давно ли? – цинично осведомилась она, сделав большой глоток.

– Давно, – серьезно сказал Дэниэл, пристально глядя ей в глаза. – И что дальше? – спросил он. – Поболтаем, как старые знакомые о всякой ерунде, или ты опять выльешь на меня град упреков, а потом я вызову тебе такси, и ты отправишься к своей подружке?

– А что ты предлагаешь? – приподняв бровь, спросила Кристина, не отводя взгляда. Это была своеобразная битва. Кто кого пересмотрит.

– Вряд ли то, что я могу предложить, тебя обрадует, – он поставил бокал на стол, наклоняясь вперед. – Тебя не подташнивает?

– Нет, – она покачала головой. – Интересно, как ты объяснишь мое присутствие здесь, если сейчас явится София?

– Меняешь тему, – усмехнулся Дэниэл, откидываясь на спинку дивана. – Мудро. Но не волнуйся, Соня сегодня не придет.

– Почему?

– Потому, что не придет, – небрежно сказал Норман, скрепя руки на груди. Кристина кивнула, хотя ее так и подмывало продолжить расспросы, но вместо этого потянулась за бутылкой и плеснула себе еще коньяка. *"Что я здесь делаю? Совсем ополоумела? Беги, уноси ноги, пока все не закончилось очередным нервным стрессом"*.

– Побудь еще немного, – заметив ее смятение, попросил Дэниэл обезоруживающе мягким тоном. – Расскажи мне о себе. Как ты жила?

– Плохо, – она скривила губы. Коньяк был горьким и крепким, а она еще ничего сегодня не ела. Как бы ни потерять контроль.

– А твои картины? Они прекрасны, – прошептал он, разглядывая ее раскрасневшееся лицо. Они поменялись ролями. Теперь она пьянела на глазах.

– Откуда ты знаешь? – с тревогой спросила она, вспомнив об определенной серии картин, которая была явно не для его созерцания.

– Я бывал на твоих выставках. В Париже, Нью-Йорке, Дрездене и других городах. Это получалось не специально, и я заранее удостоверился, что не встречу тебя, – сообщил Дэниэл абсолютно спокойно. Заметив испуг в ее глазах, он добавил. – Я видел все работы, – он подчеркнул слово ВСЕ. В глазах его застыла жесткая уверенность. – Ты раскроешь миру лицо последнего злодея? Ты сейчас над этим работаешь? Не отвечай, я сам знаю, что это так. Мне даже льстит,

что я присутствую в твоих работах, пусть даже, как безликая тень.

– Ты и есть безликая тень, Дэниэл, – в голосе ее проскользнуло сожаление.

– Да, – согласился он. – Я накрыл собой твою жизнь. Так? Обличи меня, станет легче.

– Не станет, – категорично ответила Кристина, допивая последние капли из своего бокала.

– Почему?

Разговор зашел слишком далеко. Ну, почему они все время возвращаются к одной и той же теме?

– Это ничего не изменит и не исправит.

– Но расставит на свои места.

– Да, наверно, так. Дэниэл....

– Я подонок, Крис. – оборвал ее Дэн. – Был им и остаюсь. Я раскаиваюсь. Я осознаю, что разрушил наши жизни. Но в глубине души я все-таки верю, что смогу все изменить. Только ты больше не поверишь мне.

– И поэтому ты уезжаешь?

Новый вопрос заставил его вздрогнуть. Ну, конечно, в этом городе ничего нельзя сделать незаметно.

– Да.

– Не нужно.

– Что не нужно? – Дэниэл напряженно посмотрел на нее.

– Уезжать, – спокойно ответила Кристина, поставив свой бокал на стол. – Я верю тебе, Дэниэл. И я принимаю твои

извинения, если их так можно назвать.

– Как ты великодушна, дорогая, – усмехнулся Дэниэл. – Но я не верю. Я не верю в то, что ты не лукавишь. Не нужно жалеть меня. Я тебя не пожалел и не пожалею снова.

– Хочешь показаться хуже, чем ты есть? – серые глаза смотрели прямо в душу. – Убери руки за спину, – неожиданно попросила она безразличным тоном. Дэниэл удивленно посмотрел на ее сдержанное уверенное лицо.

– Что ты еще задумала? – спросил он, подозрительно глядя на нее. Кристина пожала плечами, вставая на пол. Ноги утонули в мягком ворсе ковра с абстрактным рисунком. Потом. Потом она подумает о том, какую глупость собирается совершить. Иногда необходимо совершать необдуманные поступки, чтобы потом было в чем раскаиваться. Потом. Но не сейчас. Если она не сделает этого, то никогда не сможет спокойно жить, не оглядываясь назад. Чтобы уменьшить боль, нужно ее заглушить или заменить другой. Так же и с воспоминаниями. Возможно, это просто пьяный бред, но рискнуть стоит.

– Просто хочу кое-что проверить, – произнесла она, глядя в растерянные ярко-синие глаза. – Убери руки, Дэниэл. И не вынимай их.

Норман повиновался, растерянно глядя на приближающуюся девушку. Свет от ламп заливал ее побледневшее непроницаемое лицо, когда она замерла совсем близко от него. Сердце его забилось оглушительно и болезненно. Он напря-

женно смотрел в глаза, которые оказались в преступной близости. Вдруг она наклонилась, ее волосы шелковой волной упали ему прямо на лицо, и полузабытый сладкий аромат окружил его со всех сторон. Сердце его замерло, Дэниэл задержал дыхание, закрыл глаза. Это сон? Если так, то пусть он продлится.

– Дэниэл, – низкий шепот вернул его к действительности. – Посмотри на меня.

Он открыл глаза и взглянул в серебристые радужки, в которых, как в зеркале отражалось его растерянное лицо. Как замороженный, едва дыша, он смотрел и не мог оторвать взгляда. Ее бледные руки взметнулись вверх. Тонкие запястья оказались у его лица и замерли в нерешительности.

– Что ты делаешь? – внезапно осипшим голосом спросил Дэниэл.

– Не знаю, – прошептала Кристина, судорожно вздохнув. Ее дыхание коснулось его лица. Теплое, нежное с привкусом коньяка. – Я должна перестать бояться. Чтобы победить свой страх, нужно взглянуть ему в лицо.

– То есть, мне? – осторожно спросил он.

– Да, наверное. Но я не боюсь тебя, – призналась она. Пальцы ее дрогнули и приблизились. Едва заметное касание, почти не ощутимая ласка, но он ощутил ее каждой клеточкой своего тела. Воздух вокруг них сгустился, завибрировал и взорвался. Горячая волна накрыла его с головой, пока кончики женских пальчиков с невероятной нежностью и почти

детским испугом изучали его лицо. Глаза, брови, нос, скулы, ямочка на подбородке – волшебные руки не упустили ничего, но замешкались возле его губ.

– Тебя не тошнит? – снова заботливо спросил Дэниэл, пытаясь перебороть нервное и сексуальное напряжение. Кристина, прикусив нижнюю губу, покачала головой и улыбнулась одними глазами. Осмелев, ее пальцы все же прикоснулись к его губам, очертили их совершенный контур. Не прекращая своих манипуляций, девушка напряженно вглядывалась в его лицо, словно желая прочесть в них ответ на свои мысленные вопросы или ища участия и поддержки.

– Ты очень красивый, – вынесла вердикт девушка, зарываясь пальцами в его волосы. – Почему ты не постарел? Не отрастил брюшко? Почему твои волосы не тронула седина?

– Ну, мне всего тридцать два, – нервно передернул плечами Дэниэл. – Извини.

– Нет, не извиняю, – она улыбнулась, и поставила одно свое колено между его ног, а другое с другой стороны его бедра. Дэниэл судорожно сглотнул, плечи его напряглись, он инстинктивно дернул руками, желая только одного – схватить ее и прижать к себе так близко, чтобы она почувствовала, насколько сильное впечатление произвели на него ее невинные ласки; растворится в ней, стать неотделимой частью, единым целым.

– Нет, – покачала головой Кристина, разгадав его желание. Ее ладони опустились на его руки, и он задрожал от

почти болезненного желания. – Ты не будешь меня трогать. Только я, – шепнула она.

– Это пытка такая? – хрипло спросил он. Глаза его потемнели, губы не слушались, Дэниэл, не отрываясь, смотрел на нее, пытаясь понять, объяснить то, что сейчас здесь происходит. Здесь и внутри него. Это даже не желание, не страсть, а сводящая с ума жажда. И он боялся, что она не позволит, не даст ему утолить ее, а бросит в любой момент.

– Да, пытка, – не стала спорить Кристина. – Для нас обоих. Ее ладони соскользнули с его рук, прошлись по плечам, мускулистой груди, твердому животу. Ниже, – молил его горящий взгляд, но Крис только бегло глянула на ширинку на его джинсах. Дэниэл удивленно заметил, как она покраснела, словно школьница. Неужели она стесняется? Его? После всего, что у них было? Он до мелочей помнил ее тело, и знал, что оно не изменилось, что если он снимет с нее платье, то обнаружит прежнюю восемнадцатилетнюю прелестницу, с тонкой талией, длинными ногами и высокой красивой грудью. Его взгляд опустился на проглядывающие сквозь ткань затвердевшие соски, и у него перехватило дыхание. Он ведь и не мечтал, что она может оказаться так близко. Пульсирующая ноющая боль в паху мешала трезво мыслить, он снова пошевелил руками, не в силах больше выдерживать этой пытки, и Кристина властно опустила руки на его плечи, удерживая от лишних движений.

Запрокинув голову, он взглянул в возвышающееся над

ним прекрасное лицо. Взгляд ее тоже затуманился, и он успокоился, поняв, что не один мучается. Дэниэл посмотрел на ее губы, как бы намекая. Он не видел еще ее лицо в такой непосредственной близости. Бледные тонкие линии, словно ворсинки тончайшей паутины, разрезали изящно очерченный рот, проглядывались на бровях, и возле виска. Шрамы, вдруг дошло до него. Едва заметные, но он знал, насколько на самом деле они глубоки. Боль, отразившаяся в его глазах, заставила Кристину остановиться.

– Что? – спросила она, глядя на него с недоумением. Он и забыл, как хорошо его чувствовала эта женщина. Даже будучи ребенком, она улавливала малейшее колебание в его настроении. Раньше это пугало и раздражало его, а сейчас приводило в трепет, дарило надежду.

– Ничего. Просто я заметил, – Дэниэл снова посмотрел на ее губы. – Мне так жаль.

– Не надо. Не жалей. – Кристина мягко улыбнулась, дотрагиваясь кончиками пальцев до его щеки. – Это сделал не ты.

Дэниэл взглянул на ее запястье, которое тоже хранило след с той ночи, белый рубец, оставленный железными наручниками. Он хотел что-то еще сказать, чтобы объяснить, выразить всю силу своего раскаяния, своей боли и сожаления, но Кристина не позволила. Ее прохладные влажные, пахнущие коньяком губы накрыли его рот робким, но безумно приятным поцелуем. Если бы его руки сейчас были сво-

бодны, то он непременно обхватил бы ладонями ее лицо, чтобы показать каким глубоким и сильным может быть их поцелуй. Но он не мог себе этого позволить. Это ее представление, пусть она играет до конца свою роль.

– Это все? – шумно дыша, спросил он, когда Кристина отстранилась, не позволив себе и дальше испытывать судьбу.

– Да. Достаточно, – кивнула она, упираясь руками в его плечи, чтобы невольно не прижаться к его сильному телу, повинуясь животному инстинкту.

– Я думал, что ты смелее.

– Я и так слишком смелая сегодня. Я проверила все, что хотела, – проговорила она дрожащим голосом.

– Да, и что же ты поняла? – он посмотрел в ее глаза с неприкрытым желанием. Смутившись, женщина опустила взгляд и покраснела еще больше.

– Что я женщина. И что я могу испытывать....

– Что?

– То, что должна испытывать любая нормальная женщина рядом с мужчиной, – уклонилась от прямого ответа Кристина. – И меня почти не тошнит.

– Почти? – он улыбнулся кончиками губ. Девушка едва заметно кивнула. Напряженные взгляды снова встретились.

– Тогда, может, продолжишь эксперимент? – предложил он бархатистым чувственным голосом. Раньше эта уловка всегда срабатывала.

– Думаю, что уже достаточно.

– Нет. Ты можешь лучше.... – Дэниэл лукаво улыбнулся. – Поцелуй был почти невинным. Его даже поцелуем-то не назовешь.

– Да? – она недоверчиво посмотрела на него, потом опустила взгляд на выпуклость на его джинсах.

– А вот он думает иначе, – дерзко ответила Кристина.

– Он, вообще, не думает. И ему нет дела до поцелуев. А мне есть. Поцелуй меня. По-настоящему. Как любовница, а не как сестра.

Кристина с сомнением посмотрела в синие умоляющие глаза. Трудно противится такому призыву и собственному желанию. Наклонившись, девушка осторожно коснулась его губ, и, Дэниэл, поддавшись вперед, ответил на ее поцелуй со всей страстью, которая уже испепелила все его внутренности. Она невольно вскрикнула, когда сильные мужские губы яростно прижались к ее ослабевшему рту, его язык проник внутрь и начал орудовать там без тени сдержанности, без намека на нежность, возбуждая и оголяя первобытные инстинкты, которые, как ей казалось, давно умерли в ее охладевшем теле. Обессилев под таким горячим ошеломляющим натиском, Кристина упала ему на колени.

– Прижмись ко мне, почувствуй меня, – жарко шептал Дэниэл. На самом деле это он хотел почувствовать ее всем телом. Как в бреду, забыв о всякой осторожности, Кристина прильнула к его груди, обхватывая коленями его бедра. Дэниэл сам поцеловал ее, с глухим стоном прижимаясь к ней

своей возбужденной плотью. Если она сейчас, оставит его, он просто умрет. Его язык настойчиво и властно ласкал ее рот ритмичными сводящими с ума движениями. Обхватив его плечи руками, Кристины ахнула и прижалась к нему крепче.

– Именно это ты хотел мне предложить? – спросила она срывающимся голосом, отстраняясь от него. Ее руки хаотично блуждали по его напряженным плечам, вздымающейся груди, сильной мужской шее, на которой отчаянно билась голубая жилка, выдавая его нетерпение.

– Я бы мог предложить тебе руку и сердце, но это было бы неуместно. Или стоит попытаться?

– Не смей, – покачала головой Крис, расстегивая пуговицы на его рубашке. – Рука и сердце нужны мне меньше всего.

– Я бы мог предложить заняться любовью, но я не могу это сделать без рук, – вкрадчиво сказал он, пальцы ее дрогнули на последней пуговице.

– Зачем тебе руки? И в любом случае, тебе не стоит предлагать мне занятия любовью, – она наклонилась и дотронулась горячими губами до его плеча. Вздвогнув, Дэниэл судорожно вздохнул, борясь с желанием обнять ее, зарыться руками в водопад черных волос, рассыпавшихся по ее плечам, ласкающих его обнаженный торс.

– А как начет секса? Или тебя не устраивает и это тоже?

– А это мне подходит. Я ничего не имею против секса.

– Секса, вообще, или со мной в частности?

– И то и другое, – она улыбнулась, выпрямившись. Руки ее скользнули туда, где их уже отчаялись дожидаться.

– Я хочу дотронуться до тебя, – прошептал Дэниэл хрипло, чувствуя, как маленькие пальчики ловко расстегивают ремень на джинсах.

– Не нужно. Я все сделаю сама, – пообещала она, прижимаясь к его губам. У Дэниэла голова пошла кругом. Реальность перестала существовать. Только она, ее сладкий запах и такая многозначительная фраза "я все сделаю сама". Сделай же, Крис. Что хочешь со мной делай, только не останавливайся.

– Я, смотрю, ты готовился, – усмехнулась она, расстегнув его джинсы, и обнаружив, что он без нижнего белья.

– Но я не думал, что мне так сказочно повезет, – Дэниэл порочно улыбнулся. Фраза получилась пошлой, но он ничего другого не мог придумать. Он, вообще, не мог думать.

– Тебе повезло, – кивнула Кристина, ничуть не смутившись. – Потому что я тоже без трусиков.

Отстранившись, она задрала платье, которое уже начало им мешать. Дэниэл задохнулся от желания, в глазах его потемнело, но ревностная мысль все, же успела пронзить его помутившееся сознание.

– Боюсь даже спрашивать, к чему готовилась ты, – прохрипел он, и застонал, почувствовав горячее прикосновение ее обнаженного тела к его пульсирующей плоти.

– Так не спрашивай, – прошептала она с придыханием,

опускаясь на него. А потом, потом она уже не могла ни говорить, ни думать. Осталось только чувственность и ощущение его тела в ее. Большого, сильного, горячего, заполняющего пустоту не только внутри женского естества, но и души, уставшей от борьбы с самой собой.

– Дэниэл... – предостерегающе выдохнула она, почувствовав его руки на своих бедрах. Но он больше не был послушным тигренком. Вырвавшийся на волю хищник, до боли сжал ее бедра, крепко прижимая ее к себе, отобрав у нее инициативу, проникая в нее все глубже, сильнее, яростнее. Наклонившись, он что-то изумленно прошептал, уткнувшись в ее плечо, и приподняв бедра, рванул вперед, доставая до самых глубин.

– Люблю тебя.... Девочка моя, – стонал он, дрожа от невероятного по силе наслаждения. – Не могу больше.... Прости я.... – вскрикнув, он вздрогнул всем телом, крепко прижал ее к себе и успокоился, зарывшись лицом в ее волосы. Кристина ласково погладила его по вспотевшей спине, спутавшимся волосам, прислушиваясь к шумному дыханию, чувствуя грудью бешеное биение его сердца. В прошлом они были близки огромное количество раз, но никогда это не было так.... Кристина даже не могла найти название охватившему ее чувству. Умиротворение, нежность, покой и что-то еще, непостижимое, глубокое, пугающее своей новизной. Прижимаясь щекой к его щеке, она думала о том, что жизнь всегда загадывала ей сложные загадки, она так долго искала ре-

шения для них. Но все гениальное просто. Она любит его. Всегда любила. Он был ее первым мужчиной, но не остался единственным, и в том была только его вина. Ненавидеть его она больше не могла, но и любить, как прежде, уже не сможет. Они оба изменились. Ничего не осталось от них прежних, кроме невероятного притяжения, снова столкнувшего их после стольких лет.

– Как это называется? – выровняв дыхание, спросил Дэниэл, не меняя позы. Кристина отодвинулась и посмотрела в синие безмятежные глаза.

– О чем ты? – не поняла она. Дэниэл улыбнулся.

– Ты знаешь, – лукаво сказал он.

– Что знаю?

– Это Журавлев? Он что-то сделал....

– Что сделал? – Кристина растерялась, глядя на него. Улыбка Дэниэла начала угасать.

– Ты правда, не в курсе? Разве тебе не говорили? – он смущенно осекся, заметив ее ошеломленный взгляд.

– Кто мне мог сказать? – холодно спросила она. – У меня не было мужчин.

– Что? Восемь лет? Ты меня разыгрываешь? – теперь уже он выглядел удивленным до глубины души. – Боже, Крис. Ты должна была сказать. Я бы старался лучше. Все так быстро кончилось. Док просто извращенец. Я думал, что и минуты не продержусь.

– Не оправдывайся, – усмехнулась Кристина, проведя ру-

кой по его груди. – Я знаю, что ты можешь еще.

– А ты? – глаза его потемнели.

– Я? – она посмотрела на него в притворном удивлении. – После восьми лет воздержания, я тоже не прочь наверстать упущенное.

Дэниэл расхохотался, привлекая ее к себе. Губы их снова соединились в жарком страстном объятии. Нервными быстрыми движениями он стащил с нее платье, а с себя джинсы и повалил слабо сопротивляющуюся девушку на ковер. Его губы и пальцы нежно скользили по ее телу, вспоминая, пробуя, дразня, заставляя ее вскрикивать и выгибаться, просить не прекращать этой сладостной пытки. А потом он снова оказался внутри, но теперь был гораздо сдержаннее, терпеливее, нежнее, позволяя ей первой прийти к финишной черте, но дойдя до нее, девушка испугалась, потому, что никогда не бывала там раньше.

– Все хорошо, малыш, – успокаивал он, чувствуя ее напряжение и страх. – Ты можешь, я знаю, милая.

Поцеловав ее солоноватые губы, Дэниэл начал двигаться быстрее, глубже, сильнее, пока она не начала отчаянно извиваться под ним.

– Давай же, девочка, – уговаривал он.

– Дэниэл! – Вскрикнув, девушка вцепилась в его плечи и выгнувшись, задрожала, падая в объятия испепеляющего наслаждения, которое достигло своего апогея. Почувствовав, что можно больше не сдерживаться Дэниэл набросился на

нее, как изголодавшийся по женщине любовник. Они катались по ковру, прижимаясь друг к другу все ближе, шепча какие-то безумные слова и признания, выдумывая все новые способы достичь наибольшего удовольствия, доводя друг друга до иступления, до изнеможения, пока не осталось сил просто двигаться и говорить. Да, и что им было сказать друг другу. Слишком много слов было сказано. Слишком много дел было сделано. Слишком глубоки были раны. Слишком велики ошибки. Но все померкло на несколько часов, не осталось ничего, что могло бы разорвать сейчас этот канат, который крепко привязал их друг другу. Пусть всего несколько часов. Но они принадлежат только им. И только сейчас. А завтра.... Завтра уже наступило. И оно пока не рванит.

***

Соня почувствовала неладное еще в холле, заметив ехидную усмешку пожилой комендантши. Несмотря на все нарастающие симптомы похмельного синдрома, девушка внутренне напряглась и приготовилась к худшему. Пока лифт невыносимо медленно поднимался на нужный этаж, она мысленно прокручивала все возможные сценарии развития событий. Ясно, как сон только одно – Дэниэл опять привел какую-то бабу. Но после того как пару дней назад он застукал ее в постели с Петром, ее фотографом, София не знала, как вести себя в этой еще сложившейся, но почти конкретной ситуации.

Ключ в ее руках дрожал, что было следствием скорее бессонной пьяной ночи, нежели волнения. Вечеринка закончилась всего несколько часов назад, а София очнулась на диванчике совершенно одна. Ее не посмели разбудить и выставить. Теперь ее всю потряхивало, во рту появился отвратительный привкус, голова гудела. Что ж, так даже лучше. У нее просто нет сил на истерику.

Открыв двери, девушка бесшумно вошла, включила свет в холле. Предчувствие ее не обмануло. Возле стены красовались шикарные лакированные сапоги, в шкафу висело женское пальто. Там же была и сумка. Что ж, значит, очередная баба все еще здесь. Вот гаденыш! София скинула туфли, испытыв невероятное облегчение. Прохладный пол остужал затекшие ступни. Девушка хотела было рвануть в спальню, в которой, можно догадаться, почивала ее соперница в объятиях их общего любовника. Драться Софи не собиралась, она была не в том состоянии, но не полюбопытствовать она не могла. Однако, в спальне, которую она обычно делила с Дэниэлом, и куда он приводил своих многочисленных подружек, никого не было. Это могло означать одно – любовники уединились в одной из пустующих спален, не повел же он ее в свою личную спальню – святая святых, куда и ей-то путь был заказан. В гостиной она заметила почти полную откупоренную бутылку коньяка и два бокала, один из которых был не тронутым.

Видимо, бутылка была далеко не первая, раз он по ошибке

отвел любовницу в собственную спальню. Возле плотно прикрытой двери, девушка остановилась. Она не ожидала, что такой банальный случай, далеко не первый и не удивительный, вызовет в ее душе почти суеверный страх. Так легко было открыть дверь и убедиться, что ничего нового не произошло. Просто очередная шлюшка на ночь. Так просто.... Но чертовски сложно. Её что-то смущало, не давало сделать решительный шаг вперед. Почему все же Дэниэл повел подружку в свою спальню? И почему сапоги в прихожей показались ей смутно знакомыми.

Решившись, София нажала на ручку, дверь поддалась. Шторы была задвинуты, но позднее утро сделало свое дело, и призрачный, но достоверный свет предоставил Софии неумолимые подтверждения ее сомнений. В любой другой момент, Софи сию же минуту начала был вопить, кидать в сторону постели все, что попадет под руку, или просто вытащила бы за волосы полусонную девицу прямо из-под одеяла, а потом надавала бы Дэниэлу пощечин. Все это уже было, все это она уже делала, и не раз, ни два, так почему сейчас у нее словно ноги к полу приросли, и первым ее желанием было – незаметно удалится, прикрыв за собой дверь, чтобы не разбудить безмятежно спавшую пару.

Нет, не разгневанной, не оскорбленной, и даже не возмущенной до глубины души, чувствовала себя София, а невольной свидетельницей чего-то очень личного и интимного. Ее взгляд изумленно скользнул по спящему Дэниэлу,

прижимающему к своему плечу черноволосую голову бывшей жены, на его лице читалось невероятное довольствие жизнью, почти счастье и нежность, такие непозволительные, удивительные, невиданные эмоции. София была ошеломлена. Она не видела лицо Кристины, так как оно было скрыто черными спутанными волосами, но то, как доверчиво и крепко прижималась она к Дэниэлу, говорило о многом. Очень многом. Неожиданно София почувствовала, как защипало глаза. Это потекла тушь вместе со слезами. Вот и все. Такого удара Софи и предположить не могла. Кристина не девушка на ночь, не случайная подруга, не любительница легких приключений, и не та, которую так легко оставить утром ради другой. И тут пришел новый вопрос. Когда? Когда это началось? Почему она – Софи, ничего не замечала, введенная в заблуждение сплетнями об их мнимой антипатии другу к другу.

Видимо почувствовав присутствие кого-то третьего, напряженно глазающего на них, Дэниэл повернул голову, не отпуская свою любовницу, и открыл глаза. Какое-то время он недоуменно смотрел на Софию, словно та была привидением, хотя сейчас это было не далеко от правды. Бледная, лохматая, с красными полоумными глазами, она очень напоминала по ошибке забредший призрак. Несколько секунд тянулись для нее, словно несколько часов, потом Дэниэл сердито нахмурившись, что-то раздраженно пробормотал под нос, взглянул на спящую Кристину и тут же взгляд его изменил-

ся, став обеспокоенным и нежным. Этого постичь София не могла. Это какой-то другой, не знакомый Дэниэл. Кристина пошевелилась во сне, и тоже проснулась. Подняв голову, она сначала взглянула в напряженное лицо Дэниэла, а потом перевела взгляд в дверной проем. Чувство вины, промелькнувшее в серых заспанных глазах Кристины, обескуражило Софию еще больше.

– Соня, – выдохнула она, резко садясь и натягивая одеяло на грудь. – Извини. Я... Я сейчас уйду, – прошептала Монахова осипшим голосом.

– Ты никуда не уйдешь, – мягко, но уверенно оборвал ее Дэниэл. – Это Соня уходит. Она зашла, чтобы вернуть ключи. Так ведь? – его хлесткий взгляд пронзил Софию насквозь. Проклиная себя за слабость, Соня неуверенно закивала. Но Кристина уже рванула к краю кровати, ее взгляд тщетно искал что-то, чем можно было прикрыться. Дэниэл собственнически положил ей руку на плечо и развернул к себе. Лицо его выражало решительную непоколебимость.

– Малыш, ты никуда не пойдешь. По крайней мере, не сейчас. – Спокойно сказал он. И снова эти странные нежные нотки в его голосе. Потеряв дар речи, София смотрела на него во все глаза. Он выглядел, как... словно он был.... Даже мысленно она не могла закончить фразу, такой абсурдной она казалась. И все же это так. Дэниэл любит свою бывшую жену. Теперь все встало на свои места в сознании Софии. Его странное поведение в присутствии Кристины, нежелание го-

ворить о разводе, спокойное восприятие отцовского завещания и часто появляющиеся на его лице выражения мрачной отрешенности и задумчивости.

Пробормотав какое-то нелепое извинение, София попятилась, закрывая за собой дверь. После, собирая свои вещи, она мстительно подумала о том, что даже у такого железного человека, как Дэниэл Норман есть слабое место, и она была уверена, что Кристина сделает так, что ему отольются ручьи женских слез. Уж она-то не позволит себя одурачить.

Кристина все еще сидела на краю кровати, спиной к молчавшему Дэниэлу, когда услышала грохот закрываемой входной двери и цокот каблуков на площадке. Софи собрала свои вещи и ушла. Кристина знала, что Дэниэл вряд ли огорчен ее уходом. И это неправильно. Кристина знала, что он встречался с Соней около полугода. Такое безразличие корбило ее, а вовсе не приносило удовлетворения.

– Тебе нужно поговорить с ней. – Произнесла Кристина чужим незнакомым голосом. Она почувствовала, что Дэниэл придвинулся к ней, ощутила спиной тепло сильного тела и его губы на своем плече. Ласковые, нежные, неумолимые.

– Зачем? – небрежно бросил он. – Она и так все поняла. Не маленькая.

– Дэниэл... – осуждающе воскликнула Кристина, оборачиваясь. Она хотела поразить его негодующим взглядом, но не рассчитала, что он может просто взять и поцеловать ее, не дав сказать ни слова. Сильные стальные руки властно обхва-

тили хрупкие плечи, привлекая к себе. В тепло, в сладкий нежный плен, где нет ни слов, ни сомнений, ни воспоминаний. Она никогда не думала, что все окажется так просто и решаемо.

– Мне нужно в душ. – Слабо запротестовала Кристина, когда Дэниэл толкнул ее на подушки и накрыл своим мускулистым твердым, как сталь, телом.

– Мы уже там были, – усмехнулся он, снова закрывая ее рот глубоким страстным поцелуем. Кристина просто не могла поверить, что мужчина может быть таким неутомимым.

– Дэниэл, я не могу больше, – собрав остатки сил, она прервала поцелуй. В ее взгляде читалась растерянность. – Я не в состоянии. Ты меня измотал, – призналась она без тени лукавства. Все ее тело сладко ломило от усталости, между ног жгло, как после первого сексуального опыта. Но даже тогда, в их первый раз, он не был таким ненасытным.

– Ты серьезно? – приподнявшись на локтях, он обеспокоенно глянул в бледное лицо, на котором ярко сияли огромные серые глаза, распухшие губы покраснели, волосы в беспорядке рассыпались по подушке. Кристина кивнула, а он чуть не застонал от невероятного по силе испепеляющего желания, которое этой ночью не оставляло его ни на минуту почти до самого рассвета.

– Хорошо, – отрешенно шепнул он, со вздохом сожаления зарываясь лицом в ее волосы. Возбужденная до боли мужская плоть прижалась к ее бедру. Кристина вздрогнула и по-

гладила его по спине успокаивающим жестом, но он вдруг с прерывистым выдохом, отстранился. Перевернувшись на живот, Дэниэл обнял подушку и попытался привести себя в нормальное состояние, но это удавалось ему с трудом. Воспользовавшись моментом, Кристина выскользнула из постели и скрылась за дверью ванной комнаты. Приняв душ, она облачилась в широкий махровый белый халат, который нашла там же. От приятной на ощупь ткани пахло кондиционером для белья и Дэниэлом. Дрожь пробежала по ее измученному любовью телу, когда она вспомнила моменты их близости. Если он хотел, то мог быть великолепным чутким любовником, отдающим ровно столько, сколько и берущим взамен, нежным, неистовым, ласковым, неукротимым в своей дикой чувственности. Если хотел.... Почему же именно сейчас? Кристина перестала сушить волосы полотенцем и посмотрела на свое отражение, потерпевшее заметную перемену за одну ночь. Куда делась забитая испуганная ни в чем не уверенная, полупьяная от лекарств и страха перед будущим женщина? Сейчас на нее взирала молодая яркая девушка, знающая себе цену, уверенная в своей женственности, прекрасная, свободная. Обман ли это? Дэниэл опьянил ее своими словами, губами, соблазнил, свел с ума, но как долго продлится этот плен? Что принесет с собой отрезвление?

Как ответ на все ее вопросы, в ванну вошел Дэниэл. Встав за ее спиной, он поймал в зеркале ее взгляд, а потом обнял и положил голову на ее плечо.

– Скажи, что-нибудь... – шепотом попросила она, потираясь щекой о его небритую щеку. Их общее отражение завораживало. Никогда она не замечала, насколько гармонично они смотрятся вместе. Почему все так поздно? Где он был восемь лет назад, нет, десять? Где была его нежность, забота, чуткость, желание оберегать? А ведь она знала, все это знала с самого начала. Даже тогда он любил ее, но не мог себе этого простить, он наказывал ее за свою слабость. Он не простил ей ее проницательности, желания заставить его признать очевидное. Кто же из них достоин большей жалости?

– Что? – тихо спросил он. – Что сказать? Я всю ночь твердил, что люблю тебя, но ты ни разу не ответила, – немой укор его глаз ранил. У него не было никакого права сердиться на нее за молчание.

– Давай просто не будем сейчас ни о чем думать, – сказала она. – Все слишком сложно. И будет еще сложнее. Пока мы до конца не осознали, что произошло. Нам многое сейчас может показаться и померещиться. Временная амнезия не решит всех проблем.

– Я тебя люблю. Я это знаю! – упрямо повторил Дэниэл. – Ты мне не веришь... – тряхнув головой, он пришел к неутешительному выводу.

– Верю, Дэниэл. Твоя любовь больна. Она всегда отличалась от моей.

– Она излечилась, – глубокий взгляд синих глаз пронзил ее.

– Но теперь больна моя.... Так что, давай, на время закроем тему любви и просто будем жить.

– Отлично сказано, дорогая, – скрывая свое разочарование за безмятежной улыбкой, проговорил Дэниэл. Он внешне отодвинулся, и без его ласки и спокойного тепла Крис почувствовала себя осиротевшей. – Раз ты закончила с душем, то теперь моя очередь. Я сложил твои вещи на кровати. Только, ради Бога... – он широко улыбнулся, сверкнув синими глазами. – Не убегай, Крис. Я хочу немного прогуляться с тобой. День солнечный и теплый. Не хочется сидеть дома, и гулять один я не привык.

– Охотно верю, – иронично хмыкнула Кристина. – Но боюсь, что не могу составить тебе компанию. Лиз меня уже наверняка потеряла, мне нужно домой.

– Позвони ей. Скажи, что задержишься, – Дэниэл пристально взглянул на нее. – Или ты соскучилась?

– Все не так, как ты думаешь, – покачала головой Монахова. – Мне нужно работать. Сроки поджимают. Если я не успею к выставке, то здорово подведу Вуда.

– Точно, ты же у нас художница.

Расслышав пренебрежительные нотки в голосе Дэниэла, Кристина нахмурилась. Разве не он вчера говорил, что она талантлива? Или это было до того, как он получил желаемое?

– Пошел ты, Дэниэл, знаешь куда....

Внезапно он резко развернулся и схватил ее за руки, привлекая к себе.

– Не провоцируй меня, малыш. Грубость не идет тебе. Я просто попросил тебя прогуляться со мной. Пара часов тебя не устроят. Потом ты можешь возвращаться к своим картинам, Лизе, Вуду и всем остальным, жаждущим твоего внимания. – Его горячее дыхание обожгло ее щеку, близость напряженного тела лишала способности мыслить трезво.

– Два часа, – строго сказала она. Дэниэл победно улыбнулся, а Крис разозлилась еще больше. Невыносимый человек, и все время получает то, чего добивается.

Вернувшись в спальню, девушка, как и обещал Норман, нашла свою аккуратно сложенную одежду на кровати, но ей не хотелось расставаться с халатом Дэниэла, с его запахом, с этой спальней, где впервые за долгие годы она уснула, как ребенок. Если бы можно было навсегда остаться в этом весеннем утре, без единой мысли в голове, усталой, голодной и по-настоящему спокойной.

Яркое апрельское солнце еще не грело, но прилипало к черному пальто Кристины. Воздух был наполнен запахом весны, свежий и чистый. Ветер нес с Москвы-реки холодные брызги, и пронизывал насквозь своим совсем не весенним дыханием, заставляя девушку плотнее кутаться в короткое пальто. Они стояли на набережной уже полчаса, не сказав друг другу и двух слов. Дэниэл, подняв воротник, смотрел на горизонт, прислоняясь к бетонному ограждению. Кристина со смешанным чувством разглядывала его четкий задум-

чивый профиль. Он был очень красив в этой своей ленивой безучастности к окружаемому миру и к ней, в частности. Его черные волосы шевелил ветер, губы плотно сжаты. Засунув руки в карманы своей стильной куртки, он чуть покачивался в такт дыханию ветра. Набережная в этот час была немногочлюдна, но Кристина заметила, что даже редкие прохожие с любопытством поглядывали на них. Мужчины на нее, а все женщины на ее прекрасного спутника. Не нужно хорошо знать Дэниэла, чтобы безошибочно разглядеть за внешним спокойствием, сдержанным чуть надменным выражением лица, красивого мрачной непередаваемой хищной красотой, неукротимо-страстную натуру опытного сердцеда. И вряд ли хотя бы одна женщина была разочарована, побывав в его постели. Холодный и дерзкий на людях, в страсти Дэниэл был неутомим и весьма откровенен. Он определенно знал, чего хочет от партнерши, не стеснялся говорить об этом, погружался без остатка в водоворот эротического танца, возвращая ей гораздо больше, чем отдавала она. Кристина вдруг почувствовала невероятную горечь и обиду. С кем он научился быть нежным, чувственным, страстным? Кто сделал его идеальным любовником? Уж не ее ли мать? От этой мысли сердце девушки сжало холодными тисками. Вздвогнув, она отвела взгляд от Дэниэла, и посмотрела на оттаявшую реку. Снег на берегах был грязным и серым, Кристина остро поняла, где находится и с кем. Никакой романтики нет. Любовь, о которой рассуждал Дэниэл, лишь бред

бабника, уставшего от бессмысленных легких интрижек. Он всегда был очень упрям, жесток, обладал хоть и сильным, но взрывным нестабильным характером. Как бы ему не хотелось измениться, Дэниэл все равно сорвется. Рано или поздно, но это неизбежно, и она не собирается быть свидетелем.

– Ты замерзла? – очнувшись, он вспомнил о ее существовании. Кристина бросила на него быстрый взгляд сквозь черную бахрому густых ресниц.

– Немного, – призналась она, сжавшись от очередного порыва ветра. Дэниэл легко и ненавязчиво обнял ее, встав у нее за спиной. Забыв о недавних мыслях, Крис откинула голову ему на плечо. Наклонившись, Дэниэл ласково поцеловал ее в кончик носа горячими губами, потом в висок и макушку. Все казалось таким простым и понятным, пока он рядом, но стоило ему отвернуться и сомнения возвращались, как и боль, терзавшая ее душу так долго; знакомая, все равно, что родная, боль.

– О чем ты думаешь? – спросила Кристина, ласкаясь о его теплую щеку, на которой не осталось и следа от утренней щетины.

– О тебе, – прошептал он ей прямо в ухо. Девушка зажмурилась от наслаждения. Даже его шепот пробуждал в ней желание. Он просто колдун.

– Это неправда, – опускаясь с небес на землю, печально сказала Кристина.

– Может быть, – уклончиво ответил Дэниэл. – Я думал о

времени.

– Тебе пора? – спохватилась она, почувствовав себя неловко. Тихонько рассмеявшись, Дэниэл крепче обнял ее.

– Разве не ты все время куда-то спешишь? – спросил он. – Малыш, я думал о том, как было бы здорово остановить время прямо сейчас. Ты близко, не сердись на меня, светит солнце, и я абсолютно счастлив.

– Так не бывает, – с горечью проговорила она.

– Ты не счастлива сейчас?

– Боюсь, что наши понятия о счастье слишком различны.

– Как и о любви?

– Да.

– Но ты любишь меня, – это было похоже на утверждение.

Как же он неисправимо самоуверен.

– Ты останешься в Москве? – Крис не стала ни подтверждать, ни опровергать его слова. Пусть думает, как хочет.

– И что мне здесь делать? Я все продал, – сухо отозвался Дэниэл.

– Ты не можешь приостановить сделку?

– Ты не понимаешь, малыш, – он покачал головой. – Если бы я не продал бизнес, то прогорел бы. Так я сохраню свои деньги. Но ты права, я не собираюсь пока уезжать. Буду предаваться лени и развлекаться.

– Ты всегда быстро меняешь планы, – осуждающе заметила Кристина.

– Только, когда в них вмешиваются чувства. Я нашел до-

стойную замену загруженным рабочим будням. Буду любить тебя так часто, как ты это позволишь.

– Но ты не сможешь долго оставаться без дела. Это может привести к печальным последствиям, – ее предположение не было лишено смысла. Дэниэл и забыл, как хорошо она знает и понимает его. – Ты мог бы помочь мне.

– Как? – ее удивило недоумение в его голосе. Непроходимый тупица.

– В издательстве. Сложный период миновал. Благодаря новым идеям, мы снова на плаву, а с твоими капиталами могли бы начать расширение.

– Предлагаешь мне стать твоим компаньоном?

– Почему бы нет? Это дело твоего отца, и я знаю, что ты только делал вид, что оно тебя не интересует.

– Я обещаю подумать.

Снисходительный тон задел ее лучшие чувства. Неужели Дэниэл не понимает, что она всего лишь хочет помочь ему. И это было бы справедливо. Джон не должен был так поступать с единственным сыном, а, может, он знал, что так и будет. Джонатан Норман был мудрым дальновидным человеком. И Дэниэл был достоин своего отца. Несмотря на все ошибки, совершенные им в прошлом, Кристина не могла отрицать этого очевидного факта. Монахова догадывалась, что Дэниэл продал свой бизнес не только, потому, что боялся банкротства. С его умом и деловым чутьем он бы нашел решение любой проблеме. Просто Норман потерял интерес

к тому, что еще недавно являлось смыслом его жизни. Легкомысленный, контрастный Дэниэл Норман. Именно такого Дэниэла и боялась Кристина. Любовь подобного человека никогда не даст ощущения стабильности. Между ними не будет доверия, он просто не способен дать ей даже самое малое из того, без чего не могут существовать нормальные отношения. Дэниэл будет пытаться, уверять ее, убеждать, настаивать, но не сможет. Она знает его лучше, чем он сам. Один раз она уже позволила ему убить ее, второго раза не будет.

– Ты звонила Лизе? – неожиданно спросил он. Крис отрицательно качнула головой.

– Ты ей расскажешь? – допытывался Дэниэл.

– Она и так все поймет. А как насчет Сони?

– Что насчет Сони?

– Она расскажет всем....

– Нет. Но разве нам есть, что скрывать?

– Я не хочу давать почву для ненужных ни тебе, ни мне пересудов. Мы еще ничего не решили с нашими отношениями.

– А что тут решать? – спросил он, разворачивая ее к себе лицом. – Для меня все ясно. Я хочу быть с тобой. А ты?

Кристина отвела взгляд, но приподняв ее подбородок кончиками пальцев, Дэниэл заставил Кристину заглянуть в его синие вопрошающие глаза. Молчаливое ожидание в них напомнило ей о прошлой ночи. О его губах и пальцах, кото-

рые были повсюду, о его горячем шепоте, страстных сто-
нах, хрипловатом смехе и невыносимом жгучем наслажде-
нии. Наклонившись, он очень осторожно коснулся губами ее
губ, словно пробуя их на вкус. В его руках она таяла, как
воск, а потом вспыхивала, словно свеча. И пламя разгора-
лось все ярче, по мере того, как поцелуй из почти братско-
го превращался в жадный, собственнический, требователь-
но-эротичный. Он хрипло застонал, когда она в ответ приот-
крыла губы, впуская его ищущий язык. Обхватив ее бедра,
Дэниэл с силой прижал их к себе, давая почувствовать всю
силу его реакции на поцелуй. Вспомнив, где они находятся,
Крис судорожно вздохнула и оттолкнула его.

– Мне нужно идти, – прошептала она, задыхаясь.

– Ты не ответила ни на один из моих вопросов, – лукаво
улыбаясь, он провел пальцами по ее влажным губам. – Но
это... было лучше, чем любые слова. Беги, малыш. Я позво-
ню тебе. И очень скоро.

– Смотри, не умри от безделья, – в тон ему ответила Кри-
стина, делая шаг в сторону. – И не торопись со звонком. По-
думай, а надо ли оно тебе.

– Оно – нет, – Норман улыбнулся. – Но она – да.

– До встречи, Дэниэл, – сдержанно попрощалась Кристи-
на. Он одарил ее самой сексуальной из своих улыбок, от ко-
торой ей снова стало трудно дышать. Его глаза обещали так
много, и она теперь знала, что они ничуть не лгут.

Кристина была удивлена до глубины души, не обнаружив

следов присутствия Лизы в доме. Озерова явно не ночевала дома. Где ее носит? Неужели Лиза всерьез увлеклась Кирой Кудрявцевой? Но той-то она зачем? Нормальная красивая женщина, у ног которой может быть столько любовников, сколько она пожелает. Мир сошел с ума.

В приподнятом настроении, спокойная и полная вдохновения, Кристина еще раз приняла душ, переделалась в спортивный удобный костюм, с удовольствием пообедала и отправилась в свою мастерскую. Она уже потеряла пол дня, так что придется наверстывать упущенное время. Утром снова в офис, а она еще не сделала ни одного мазка. Удивительно, но ее энергичное настроение перенеслось и на холст. Движения были легкими, уверенными, быстрыми. Забыв о времени, Кристина с упоением ушла в работу. Картина обещала быть живой, яркой, сильно отличающейся от всех предыдущих. Она почти закончила, когда заметила, что за окном давно сгустились сумерки. Искусственное освещение вернуло тревожные мысли. Отправив неготовый холст в сушилку, она взялась за другой.... Тоже незаконченный, самый сложный для нее. Заключительная работа из мрачной серии. "Обличи меня", так сказал Дэниэл. Но как же сложно сделать это сейчас. Напряженно глядя на холст, Кристина взяла кисть....

Было далеко за полночь, когда она устало опустила руки и отошла к окну. Бессонная ночь дала о себе знать. Вытерев ладони о тряпку, небрежно брошенную на подоконник, Кри-

стина покинула свою мастерскую, заперев ее на ключ.

В гостиной горел свет. Лиза все-таки соизволила вернуться домой.

– Привет, – сказала Озерова. Поджав под себя ноги, она сидела на диване с тарелкой чипсов, бутылкой пива в руке и смотрела хоккей. Кристина кивнула в знак приветствия, а Лиза вернулась к просмотру телевизора. Монахова прошла через гостиную и села рядом. Она не любила спорт, но зачем-то уставилась в мелькающий экран. Лиза не реагировала на ее присутствие.

– Почему ты не ночевала дома? – спросила Крис. Озерова посмотрела на нее голубыми спокойными глазами.

– Вечеринка закончилась под утро, а я была так пьяна, что не смогла сказать таксисту свой адрес, и Кира отвезла меня в себе. – Равнодушно ответила Лиза. Кристина сделала вид, что поверила.

– Целый день я провалялась, умирая от похмелья, – невозмутимым тоном продолжила Лиз. – А как ты? Отвезла Дэниэла? – она посмотрела на Кристину пронзительным взглядом.

– Конечно. Надеюсь, что ему тоже пришлось несладко с утра.

Она явно переигрывала, но Лиз, похоже, была удовлетворена ответом. Кристина и сама не знала, зачем лжет ей. Она не была уверена в своих чувствах и желаниях. Ни к чему опережать события. Рассказать правду можно в любой момент.

– Ты бы шла спать, – сказала Лиза. – Утром рано вставать.

У тебя утомленный вид.

– Да. Ты права, – согласилась Кристина, чувствуя, как ее покидают последние силы. В эту ночь она опять не уснет.

– Кира больна, – вдруг произнесла Лиза сухим голосом, когда Кристина почти дошла до лестницы. Монахова обернулась.

– Серьезно? – спросила она. Озерова удрученно кивнула.

– У нее рак.

– Но Кира выглядит здоровой. – Кристина почувствовала, как закружилась голова.

– Это ненадолго, – сообщила Лиза. – Даже врачи не могут знать, когда наступит кризис. У нее рак мозга.

– Не знаю, что и сказать, – потрясенно выдохнула Кристина. – Никогда бы не подумала. Отличный цвет лица, роскошные волосы.

– Кира хочет провести последние дни, наслаждаясь жизнью. Я восхищена ее смелостью. Она молодец.

Глава 15

Дэниэл развернул листок бумаги, который достал из своего ящика. Целую вечность ему не писали писем. В век компьютерных технологий, телефонии и сотовой связи люди разучились писать письма. Но не все, судя по тому, что сейчас в его руках анонимное письмо. Он нахмурил брови, легко пробегая взглядом по ровным красивым строчкам. Подчерк был ему знаком. И Кира знала, что он догадается, что письмо от нее. Но все равно не подписалась. Интересно, что означала сие послание.

Отбросив в сторону письмо, Дэниэл раздраженно фыркнул. Какую бы игру не затеяла Кира, он больше с ней не играет. Разве он не ясно выразился, что их отношения закончились? Конечно, он не раз ей это говорил и раньше, но теперь забирать свои слова назад не собирался. Кира – хороший человек, достойная женщина, которая принесла в его жизнь много приятных воспоминаний, но на этом все. Не станет он реагировать на ее письма и звонки. В последнее время его заботило совсем другое. Уже несколько дней Дэниэл не мог дозвониться до Кристины. Нет, она брала трубку, но все время находила способы оборвать разговор, ссылаясь на высокую занятость, и просто завалила его обещаниями перезвонить. Время шло, но она не звонила. Дэниэл не знал, что делать, как себя вести. Гордость не позволяла ему ворваться в

ее дом и потребовать объяснить, что происходит или явиться в издательство, и удивить всех присутствующих. Звонить ей каждые полчаса тоже было глупо. Оставалось только ждать, пока Кристина выделит для него время, а это было невыносимо. Дэниэл снова бросил взгляд на белеющий лист бумаги. Кира могла бы рассказать ему о настроении его бывшей жены. Они видятся каждый день, обсуждают дела и не только. А Кира очень проницательный человек, она бы заметила неладное. Нужно поговорить с ней. Неопределенность просто убивала его. Он снова начал прикладываться к бутылке, а с этим нужно было что-то делать. Есть еще и Лиза, но из нее не выудишь и слова.

Кристина, не скрывая презрения, следила за слабыми попытками Мэдисон поддержать разговор. Закинув ногу на ногу и скрестив руки на груди, Монахова гадала, что же за причина привела Мэд Норман в ее дом. Уж точно не дела компании и переживания за Роберта, как пыталась представить свой внезапный визит сама Мэдисон. Выглядела она, как всегда роскошно. Этакая гламурная роковая женщина с синими полуночными глазами и пышной грудью. Она поглядывала на Кристину с притворным дружелюбием.

– Я давно собиралась зайти и протянуть пальмовую ветвь мира, Кристина, – томно улыбнувшись, она поправила свою изысканную прическу. – Нам давно пора развеять наши недопонимания. Мы могли забыть обо всех недоразумениях

и стать подружками? – прямо спросила она.

– Понятия не имею, зачем вам это? – искренне ответила Монахова, подозрительно разглядывая прекрасное сдержанное лицо тетки Дэниэла. Уж, не он ли ее подослал? Нет, не похоже на Дэниэла. Тогда, что? Что ей нужно?

– Мой муж высокого о тебе мнения. Я знаю, как вы сблизились в последнее время.

Крис вздрогнула. Так из-за Роберта Мэдисон явилась? Неужели думает, что она спит с ее мужем? Какая глупость.

– Но, похоже, что вы не высокого мнения о своем муже. Мы просто друзья, – без обиняков заявила Монахова. – Есть еще вопросы?

– Это вовсе не допрос. Я просто хотела извиниться за свое поведение. Ты должна меня понять. Я никак не думала, что Джонни оставит все свои деньги тебе, а не моему любимому племяннику. Я злилась вовсе не на тебя, а на брата. Конечно, все это уже не важно. Джон погиб, и он имел полное право распоряжаться своей собственностью так, как хочет. Теперь я это понимаю.

Мэдисон умолкла, дав Кристине время обдумать ее слова, в искренность которых последняя совсем не верила. Норман хотела перемирия, и что бы ни двигало этой мелочной фальшивой женщиной, Кристина не настолько злопамятна, чтобы отказать ей в этом.

– Хорошо, – буднично бросила Кристина. – Я забыла про все, что мы наговорили друг другу раньше.

– Вот и отлично, – обрадовалась Мэдисон. – Я знала, что мы поладим. С первого взгляда было ясно, что ты совсем не похожа на Викторию. Ты гораздо умнее и порядочнее ее. Да, я знаю, что о мертвых или плохо, иди никак, но просто не могу понять, как можно предать своего ребенка.

– Я простила маму. Она не могла сказать всей правды. Я понимаю, как это иногда сложно, – в голосе Кристины звенела ярость. – Я не позволю никому осуждать ее. Мне жаль, что она сама рассказала вам нашу семейную тайну.

– Но ваша тайна касалась и меня лично. Дэниэл – мой племянник. К тому же обстоятельства вынудили.

– Какие? – напряженно спросила Кристина, ощутив болезненный спазм в желудке.

– Дело в том, что я сама застала их в очень недвусмысленной ситуации. Дэниэл не из тех, кто раскаивается и оправдывается, но вот Вике было явно не по себе. В тот вечер твоя мать напилась и рассказала мне все, как на духу, – Мэдисон подняла руку и полюбовалась своими акриловыми ноготками. Кристина, не моргая, смотрела на нее, похолодев от дурного предчувствия, сжавшего легкие.

– Когда это было?

– Года три назад, – небрежный ответ Мэд был подобен удару молнии. Кристина вздрогнула, до боли впиваясь ногтями в ладони. Огромных усилий ей стоило сохранить достоинство и спокойствие.

– Вы понимаете, что это серьезное обвинение? – ледяным

голосом спросила Крис.

– Да, я уверена в том, что видела. Спроси Дэниэла. Он не станет врать, это не в его правилах. Может, он и засранец, каких мало, но не врун. Я точно знаю, что их отношения продолжались довольно долго и закончились года за два до аварии. Но она сильно переживала по этому поводу. Уж я-то знаю.

– Я не верю вам. Мама не могла. После того, что он сделал со мной. Этого просто не может быть.

– Детка, ты плохо знала свою мать. Главным для нее было – удовлетворение своих желаний. Может, она и любила тебя, но это не мешало ей наслаждаться романом с твоим бывшим мужем. Причем, именно Виктория навязывала ему себя. Дэниэл просто не знал, как от нее отделаться. Она преследовала его, как ненормальная. Я была с ней близка, и Вика откровенно рассказывала мне обо всем, что происходило. Поверь, милая, у меня нет причин обманывать тебя. Ты должна знать.

– Зачем? – устало проговорила Кристина, потирая пульсирующие виски. – Какое это теперь имеет значение? Мама умерла, я похоронила ее. Я не изменю свое мнение о ней. Она любила меня. Но была слабой женщиной. Слишком слабой, гораздо слабее, чем я думала.

– Извини, если я расстроила тебя. Я не хотела.

"Еще как хотела," язвительно подумала про себя Монахова.

– Вам, наверно, пора. Передавайте привет Робби.

– Да, и тебе доброй ночи, Кристина. Я рада, что мы поговорили, как старые подруги. Удачи тебе.

Кристина закрыла дверь, и прислонившись к ней спиной, посмотрела на вышедшую из кухни Лизу. На лице Озеровой читались искренние сочувствие и жалость.

– Ты все слышала? – спросила Крис надломленным голосом.

– Да, – кивнула Лиза, подходя ближе и заключая подругу в объятия.

– Ты думаешь, что это правда?

– Не знаю, – покачала головой Лиз, успокаивающе глядя ее плечи. – Дэниэл ничего мне об этом не говорил.

– Мне нужно пройтись.

– Хочешь, я с тобой?

– Нет. Отдыхай. Я одна.

***

– Ты уже спал? – подняв на него свои огромные полные невыразимой грусти глаза, Кристина отошла от камина и приблизилась к нему, задумчиво и напряженно наблюдающему за ней. Прислонившись головой к спинке кресла, Дэниэл провел руками по взъерошенным черным волосам, пытаясь пригладить их. Кристина не могла сдержать печальной улыбки. Полусонный и лохматый, он все равно был чертовски красив. Разве можно противостоять этой магической красоте и пронзительным синим глазам? Разве можно жить,

не вспоминая о нем каждую минуту своей жизни? Разве можно жить без него?

– Ради тебя я готов пожертвовать сном, – чувственная улыбка тронула безупречные губы. Протянув руку, Дэниэл сжал ее холодную ладонь. Кристина посмотрела на их переплетенные пальцы. Горечь жгла сердце, которое гулко и болезненно забилося.

– Ради скольких еще ты готов пожертвовать своим драгоценным сном? – спросила она. Дэниэл поднялся с кресла и, обхватив ее лицо ладонями, долго смотрел, словно пытаясь понять, что у нее в голове.

– Ты одна, – прошептал он. – Никого больше нет.

– Конечно, – кивнула Кристина, мягко отстраняясь. Дэниэл опустил руки, продолжая наблюдать за ней.

– Что-то случилось? – спросил Норман.

Кристина неторопливо прошла по ковру и замерла у камина.

– Нет, – она обернулась и посмотрела на него. – Скажи, Дэниэл, мама бывала здесь?

Он нахмурился, пристальнее вглядываясь в спокойные серые глаза. Если вопрос и смутил его, то он не подал вид. Засунув руки в карманы трикотажных домашних брюк, Дэниэл глубоко вздохнул.

– Да, – просто ответил он. Глаза Кристины сузились, губы дрогнули в холодной улыбке.

– Ты не собирался рассказать мне об этом?

– Ты не спрашивала.

– Просто я даже предположить не могла! – Взорвалась она. – Ты совсем бессовестный?

– Что я должен сказать? – сквозь зубы спросил он. – Какое это имеет значение для нас сейчас? Я, что обязан отчитываться за каждый проведенный за восемь лет день? Ты за этим пришла? Прочитать мне очередную лекцию? Я не нуждаюсь в твоих проповедях. Я сам знаю все, что ты можешь сказать. Я не собираюсь ничего отрицать, но и признаваться в каждом грехе у меня нет желания. Мои желания в данный момент весьма прозрачны, и ты наверняка догадываешься о них.

– Господи, Дэниэл, ты все время думаешь только об этом. Неужели нет ничего важнее? – Кристина пренебреженно окинула его долгим взглядом. – Ты просто жалок.

– Так пожалей меня. – Он смотрел на нее с непробиваемым спокойствием. Закатив глаза, Крис со свистом выдохнула.

– Я ненавижу тебя, Дэниэл, – сказала она. Он даже не моргнул, словно слова ничего для него не значили.

– Тогда уходи, – произнес он жестко. – Иди. Я не держу тебя. Никогда никому не навязывался и сейчас не стану этого делать. Я сделал все, что мог. Я сказал все, что хотел. Больше мне добавить нечего. Что ты хочешь знать, что хочешь услышать? Ты лучше меня знаешь, что люди не меняются. Я пытаюсь исправить совершенные ошибки, но у тебя всегда

наготове новые обвинения. Я не принц, не праведник.

Расширившимися глазами, оскорбленная до глубины души, Крис смотрела на него в немом изумлении.

– Если тебе нужна тряпка, которая будет вечно скулить у твоей юбки, то тебе нечего делать здесь со мной. Я такой, как есть. Я не претендую на роль великого мученика, недостойного стирать пыль с твоих туфель. Пусть я буду гореть в аду, но буду знать, что не изменил себе, пытаюсь стать тем, кем не являюсь. У тебя есть ко мне претензии? Так у меня они тоже есть. К тебе. Ненавидишь меня – уходи. Но не пытайся мучить меня своими нравами.

Кристина холодно улыбнулась. Нет, она не удостоит его ответом. Жалкий, презренный, бесчувственный, самовлюбленный, жестокий, извращенный до мозга костей. Расправив плечи, девушка повернулась спиной к Дэниэлу и шагнула в сторону коридора. Он намеренно оскорбил ее, и никогда она больше даже мысленно не произнесет его имени.

– Убери руки, Дэниэл. – взвизгнула она, когда он, догнав ее в прихожей, схватил за плечи и резко развернул к себе. Глаза его полыхали гневом, плотно сжатые губы говорили о едва сдерживаемой ярости.

– Ты самая упрямая трусливая баба из всех, что я видел. Трусливая собирательница сплетен! Ты действительно поверила, что я мог прикоснуться к Виктории после всего? – Прошипел он ей в лицо, и толкнул от себя так, что она, отшатнувшись, уперлась спиной в стену. Дэниэл грозно навис

над ней. Испуганная, девушка тихо вскрикнула, когда жестокий рот впился в нее беспощадным неистовым поцелуем. Кристина что-то беспомощно мычала, придавленная к холодной стене его сильным твердым телом. Беспомощная в его властных руках, она перестала сопротивляться, чувствуя, как хаотично его пальцы скользят по ее груди, талии, бедрам, возбуждая уже знакомый огонь в ее крови. О да, Дэниэл знал, что делает. Не разрывая глубокого настойчивого поцелуя, Норман дрожащими руками расстегивал пуговицы на ее блузке, напрочь оторвав половину.

Через мгновение обессиленные быстрым, почти безумным наслаждением, они повалились на пол.

Первым, что увидела Кристина, вернувшись в реальность, были ее туфли.

– Черт тебя побери, – выругалась она, упираясь руками в грудь Дэниэла. Холодный пол достался именно ему. Она же лежала на нем, в тепле и сомнительной безопасности. Открыв глаза, он посмотрел на нее мутным удовлетворенным взглядом.

– Вот с чего нужно было начинать, – хрипло прошептал он, дотрагиваясь до ее щеки. – Пошли в постель. Там будет удобнее продолжить разговор. Или ты все еще хочешь уйти? – он насмешливо приподнял бровь. Крис стукнула его по груди маленьким кулачком, представляя, как нелепо они смотрятся со стороны.

– Ты порочен, Дэниэл, – выдохнула она, отстраняясь. –

Мне просто не верится, что я все еще не в душе.

– Я не стану составлять тебе компанию, пойду после тебя. – Благоразумно решил Дэниэл.

***

– Привет, что за вид? Ты не спала, что ли? – с порога заявил Роберт, бросая свой пиджак в офисное кресло. Его взгляд остановился на Кристине, а потом на робко застывшей секретарше.

– Привет, кофе свари, пожалуйста, – бросил он с легкой улыбкой, и снова обратил все свое внимание на босса. – Крис, а зачем ты опустила жалюзи?

– Голова болит, – ответила Монахова. Положив руки на подлокотники, она откинулась назад, и прикрыв глаза, тяжело вздохнула.

– Все в порядке? – осведомился Роберт через полчаса, заметив рассеянное состояние Кристины.

– Не волнуйся, все нормально. У нас на сегодня есть какие-то планы?

– Через десять минут планерка, а потом придет очень перспективный клиент. Думаю, что теперь у нас прибавится работы. Ты довольна?

– Да, – кивнула Кристина. – Мэдисон говорила, что была у меня вчера? – она резко сменила тему. Роберт бросил на нее долгий взгляд.

– Надеюсь, что она не расстроила тебя? Ты не из-за нее так выглядишь? Точнее, я хотел сказать, что ты выглядишь

просто потрясающе, но явно не выпалась прошлой ночью.

– Я работала в мастерской, забыла о времени. Мэдисон тут не причем. Она выразила свое сожаление по поводу своего прежнего поведения и хотела, чтобы мы закопали топор войны. Что до меня, то я, совершенно не собиралась ни с кем воевать.

– Ей кажется, что Дэниэл уезжает из-за тебя. – Роберт постучал по столу костяшками пальцев. Кристина хмуро взглянула в его серьезное лицо. Она не видела связи во вчерашней откровенности Мэдисон и отъездом Дэниэла. Честно говоря, Кристина до сих пор не поняла, что произошло. Она собиралась высказать Норману все, что думает о нем, поставить последнюю точку в отношениях, и попросить убраться из страны, как он и планировал. Но стоило взглянуть на него, и все пошло кувырком. Но не могла же Мэдисон рассчитывать, что именно так все и пойдет. В свою очередь, она сделала все, чтобы выставить Дэниэла легкомысленным распутником, но разве Крис не знала этого сама?

– Дэниэл не уезжает, – холодно сообщила Кристина, наблюдая, как самоуверенное лицо Роберта темнеет от раздражения.

– Это еще почему? – спросил он агрессивно. Монахова прищурилась, разглядывая его. Она внезапно вспомнила об аварии. Роберт не скрывал своей неприязни к племяннику, но мог бы он убить? Кристина мягко улыбнулась и успокаивающе накрыла его руку своей ладонью.

– Просто мы решили, что ему стоит остаться здесь. Свои капиталы, вырученные от продажи компании, Дэниэл, возможно, вложит в наше издательство. Мы могли бы расширяться, а он бы стал совладельцем.

На лице Роберта отразилось потрясение. Он бросил на Кристину скептический взгляд.

– Это он попросил тебя? Да? Я так и знал, что этот ублюдок своего не упустит. Хрена-с два, он собирался уезжать. Он заранее решил найти способ прибрать к рукам наследство Джона. Но ты, Крис! – воскликнул он в недоумении. – Как ты могла поверить в его благие намерения? После всего, что он сделал тебе? Я не понимаю, искренне не понимаю. Он же бессовестная скотина, которая думает только о себе....

Роберт так распалился, что не заметил, как дверь в офис открылась, и на пороге появился Дэниэл Норман собственной персоной.

– Этот изворотливый гад может только врать и изворачиваться, пуская пыль в глаза таким наивным дурочкам, как ты... – продолжал вопить Роберт.

– Ого, дядя. Я и не думал, что ты так эмоционален, – усмехнулся Дэниэл, стоя у него за спиной. Побледнев, Роберт резко обернулся. Он замешкался лишь на долю секунды. Вскочив с кресла, он с яростью взглянул в непроницаемое снисходительное лицо Нормана.

– Явился посмотреть на свои будущие владения? Не терпится, да? Что ты ей наговорил? Как убедил? Но даже не ду-

май, что у тебя все так легко получится.

Роберт почти подпрыгивал от гнева. Даже Крис была обескуражена его поведением. Никогда Роб не позволял себе выйти из образа невозмутимого делового человека, а тут целая истерика. Он кричал, брызгал слюной, сжимая кулаки и еще больше распалялся, заметив, что его оппонент едва сдерживает смех, и смотрит на него, как на умалишенного.

– Роб.... – Крис решила вмешаться, пока Хьюстон не перешел к рукоприкладству. – Ради Бога, успокойся. – Она встала, обошла стол и успокаивающе дотронулась до плеча своего заместителя. – Роб, еще ничего не решено. И я сама предложила Дэниэлу сотрудничество. Он даже не намекал.

– Что? – изумленно выдохнул Роберт, переводя яростный сверкающий взгляд на Кристину. Гнев его поубавился. Опушошенный, он смотрел на красивую уверенную женщину перед ним. Неужели она настолько слепа, что не видит очевидных вещей?

– Конечно, он не намекал, Крис, – пробормотал Роберт обессилено. – Он действует тонко и незаметно, как ядовитый плющ. Ты поймешь, но будет поздно. И не говори, что я не предупреждал.

Роберт долго смотрел в ее широко распахнутые глаза. Сейчас она не верила ему. А он-то думал, что она другая, особенная. Все бабы одинаковы.

– Роберт, – мягко сказала она, ласково поводя по его плечу. – Все нормально. Я не наивная дурочка. Я знаю, что де-

лаю.

– Думаешь, что знаешь, – эхом повторил Роберт, скидывая с себя ее руку. Не удостоив Дэниэла взглядом, он вышел из офиса, хлопнув дверью.

– Извини, что так вышло, – виновато улыбнулась Кристина, откидывая с лица выбившийся локон. Она чувствовала себя смущенной и растерянной. Было что-то в словах Роберта. Он не производит впечатление человека, бросающего пустыми угрозами. Прикусив нижнюю губу, Кристина отвернулась от Дэниэла, и посмотрела в окно, выходящее на дорогу.

Повисшая тишина напрягала обоих. Дэниэл наблюдал за Кристиной, давая ей возможность обдумать то, что сказал Роберт в пылу гнева. Ему безразлично мнение дяди, которого он тоже никогда не жаловал. Но ему важно, чтобы Кристина сама решила, кому верить. Он знал, что в свое время натворил таких ужасов, что ей будет очень сложно заново научиться верить ему. Но надежда, как говорится, умирает последней. Хотелось любить Кристину прямо сейчас и одновременно утешить, обнять, рассеять сомнения, защитить от всего мира, который еще не раз будет проверять их обоих на прочность.

– Дэниэл... – она повернулась и неуверенно взглянула на него своими потрясающими глазами. – Я уверена, что Роберт изменит свое мнение, – закончила она, опуская взгляд. Дэниэл Норман с облегчением вздохнул. Она не подвела его.

– Малыш, мне ничего не нужно. Ты веришь мне? – он подошел к ней и приподнял ее подбородок теплыми пальцами. В серых глазах девушки отразилось смятение и глубокая нежность. – Скажи, что любишь меня, – попросил Дэниэл с неумолимой настойчивостью.

– Люблю, – прошептала девушка, доверчиво прижимаясь щекой к его плечу. Дэниэл крепко обнял ее, привлекая к себе с неистовой страстью. Она подняла голову, и губы их встретились в жадном горячем поцелуе. Потом он вдруг резко отпустил ее, и Кристина чуть не свалилась. Схватившись за край стола, она помутившимися глазами наблюдала, как он быстро подходит к двери и запирает ее. Повернувшись, он взглянул на нее блестящими глазами, торжествующая улыбка заиграла на чувственных губах.

– А теперь, моя милая, ты покажи, как ты меня любишь.

– Здесь? – растерянно спросила она, кровь зашумела в ушах, знакомое желание горячей волной накрыло ее.

– Да, прямо на столе. Давно мечтал об этом, – он порочно улыбнулся и двинулся к ней. – Как тут у вас со звукоизоляцией?

– Плохо, – хихикнула Крис, когда он усадил ее на стол....

Глава 16

– Ты что-то от меня скрываешь, – наполняя стакан Дэниэла, Лиза внимательно посмотрела в его мутные пьяные глаза. Предыдущие два часа они только и делали, что пили водку и говорили о всякой ерунде, и когда он начал терять контроль, Лиза все же задала мучивший ее вопрос.

– С чего ты взяла? – спросил он заплетающимся голосом. Не стоило столько пить. Но какого черта еще делать, если Кристина ясно дала понять, что сегодняшней вечер предназначен не для него. Час назад должен был прилететь агент Кристины Вуд Адамс. Черт бы его побрал. Норман понимал краем своего помутившегося сознания, что волноваться не из-за чего, но все равно злился. Дэниэл мало верил в дружбу между мужчиной и женщиной. Вуд, прилетая в Москву, всегда останавливался в доме Кристины, а это Дэниэла просто бесило, так как ему самому путь туда был заказан. Кристина до сих пор скрывала их отношения, встречи их были короткими, но бурными, а Дэниэлу хотелось большего. Она не оставалась у него на ночь, а на людях вела себя с Дэниэлом так, словно они едва знакомы. Как тут не беситься? Ее осторожность выводила его из себя. Что Крис пытается доказать своим поведением? Или до сих пор не доверяет ему? Боится близости? Не уверена своих чувствах?

– Дэниэл, ты мой друг, так? – осторожно начала Лиз. Нор-

ман уже догадался, к чему приведет этот разговор. Было бы так просто признаться во всем, но Крис не простит ему этой вольности. Сколько можно лгать и водить за нос окружающих? Что изменится, если Лиза узнает, что они снова вместе? Вместе? Он никогда не задумывался над тем, что должно включать в себя это понятие, но уж точно не тайные отношения. Это даже смешно. Словно они оба женаты, и им есть, что скрывать от людей. Но Лиз умна, ее так просто не проведешь.

– Да, я твой друг, – подтвердил он вялым голосом. Лиз закурила, глядя на него прищуренными глазами.

– Чем ты занимаешься, Дэниэл? В свободное время? – спросила она небрежно.

– Ничем. Вот сейчас пью водку с тобой.

– Ты собираешься принять предложение Кристины?

– Да. Мы обсуждали мое привлечение к компании. Пока ее юристы составляют контракт, а экономисты разрабатывают план расширения. – Ответ дался ему легко. Он не лгал.

– Я заметила, что в ваших отношениях наметился прогресс. Я не ошибаюсь?

Лиза невозмутимо улыбалась, выпуская кольца дыма из не покрашенных губ. Она ходила вокруг, да около, не задавая прямого вопроса. Это раздражало Дэниэла.

– Нет, не ошибаешься. Мы общаемся без прежнего напряжения, – сдержанно ответил он, отодвигая стакан. Хватит на сегодня.

– Думаешь, она простила тебя?

– А ты, как думаешь? Ты же ее психолог.

– Я думаю, что Кристина абсолютно здорова. И я не знаю, кого благодарить. Тебя, себя или это целиком ее заслуга.

– Все вместе. Лиз, ты что-то пытаешься у меня выведать? – прямо спросил он, устав от игры в кошки мышки.

– Два месяца назад я посоветовала Крис завести любовника. Она тогда собиралась на вечеринку по поводу юбилея компании. Но все кончилось сломанным носом Роберта. Больше мы к этой теме не возвращались, но вскоре она разорвала наши отношения, ничего толком не объяснив. Я не настолько наивна, Дэниэл, чтобы не замечать ее блестящих глаз, невероятной энергии и блуждающей влюбленной улыбки. Она воспользовалась моим советом, но почему-то скрывает от меня своего любовника. Как ты думаешь, почему?

– Не знаю, – пожал плечами Дэниэл. И снова говорил чистую правду. – Это очень интересно. Возможно, она не хочет ранить тебя. Попробуй поговорить с ней.

– Я бы рада, но совсем ее не вижу. Она целыми днями на работе, вечерами не известно с кем, а по ночам рисует. Я думаю, что она молчит, потому что не верит в эти отношения, не уверена в них. – Ее взгляд заставил Дэниэла изрядно понервничать, а последние слова задели за живое. Очень хотелось оспорить, но он не мог.

– Она расскажет, когда придет время, – сухо выдавил он.

– Ты ничего не замечал? Может, это Роберт? Тогда ее скрытность понятна. Он – женатый человек, и ей не хочется осуждения со стороны общих знакомых. Но я бы поняла. Роберт симпатичный парень. – Лиз блефовала, и оба об этом знали. Дэниэл понимал, что она провоцирует его, пытается вывести из себя. – И еще меня злит появление Вуда. Теперь, когда Кристина поняла свою женскую сущность, освободилась от презрения к мужскому полу, он может стать проблемой.

– Что ты имеешь в виду? – моментально напрягся Дэниэл, забыв об осторожности.

– Ну, ты, как маленький. Осознавшая свою сексуальность женщина не может не заметить, как хорош Вуд. Я и раньше считала его достойным соперником. Он благороден, сдержан, внимателен и красив, у него отличное атлетическое тело, и Крис нередко отзывалась о нем, как об очень интересном мужчине. Если бы не ее страх перед интимной стороной отношений, то они бы давно перешли эту грань.

– Я не уверен в этом, – оборвал ее Дэниэл. Та вопросительно взглянула на него своими пронизательными умными глазами. – Не думаю, что ей так важна физиология. Она не любит его.

– Но он ей нравится, иногда этого достаточно. Ты же не уверен, что все твои любовницы без памяти любили тебя. А Вуд не просто идеальная обложка, он хороший человек. В их отношениях нет темных пятен, он всегда вел себя безупреч-

но, поддерживая ее во всем.

– Ты намекаешь на то, что я плохой человек? – усмехнулся Дэниэл. Он начал заметно нервничать. Слова Лизы напрягли его, наполняли душу сомнениями и ревностью.

– Мы говорим не о тебе, – тонко подметила Озерова, не сводя с Дэниэла взгляда. – Или все же о тебе? Это ты, Дэниэл? Неужели она решила второй раз наступить на те же грабли?

– Не пытайся вытянуть из меня нужную тебе информацию. Поговори с Кристиной. Я не стану ни подтверждать твои подозрения, ни опровергать. Это ваши с ней секреты. Я к ним не имею никакого отношения.

– Значит, нет? – скептически подняла бровь Лиза. – Дэниэл, я прекрасно помню, что мы друзья. Но я не забыла, что однажды уже говорила. Если она снова будет страдать из-за тебя, я ....

– Убьешь меня, – закончил за нее Дэниэл. – Я помню, но все не так, как ты думаешь.

– Хорошо, если так, – кивнула Лиза. – Мне пора. Я обещала Кире, что найду.

– Смотрю, круг твоих друзей все расширяется.

– Да. Кира – чудесная женщина, – согласилась Лиза, бросая на него осуждающий взгляд. – И она очень переживает. Ты мог бы просто позвонить.

– Мы вчера встречались, – сухо ответил Дэниэл. – В обеденный перерыв. И я не заметил, что она сильно расстроена.

– Ты просто не хочешь ничего замечать, – холодно обронула Лиз, поднимаясь.

Дэниэл проводил ее до дверей. Сегодняшняя встреча с Лиз оставила неприятный осадок. Вернувшись в гостиную, он плюхнулся в кресло и, взяв телефон, набрал номер Кристины. Нужно напомнить о себе.

***

– Извини, Вуд, мне звонят. Ты посмотри пока работы, а я отойду, – виновато улыбаясь, Крис оставила Адамса с ее законченными картинами, и подошла к окну.

– Да, – тихо ответила она, повернувшись к Вуду спиной.

– Привет, что делаешь? – растягивая слова, спросил хрипловатый родной до боли голос.

– Я в мастерской, Дэниэл. Я занята, – шепотом проговорила она. – Ты пьян, что ли?

– Немного. Набрался с Лизой. Она ушла, а я вот сижу и скучаю по тебе.

– Посмотри телевизор, – посоветовала Крис, улыбаясь.

– Не хочу. Тебя хочу.

– Я позвоню завтра, Дэниэл. Мне сейчас, правда, некогда, – напряженно ответила она. – Ложись спать. И не звони мне сегодня.

– Ну, извини, что потревожил, – с сарказмом сказал Дэниэл. – Передавай привет своему приятелю.

Короткие гудки означали, что он бросил трубку. Крис разозлилась. Что он себе позволяет? Названивает в любое

время, несет всякую чушь, да еще трубки бросает.

– Что-то случилось? – обратился к ней Вуд с нотками искренней заботы. Кристина отошла от окна и вернулась к Адамсу. Бросив взгляд на картину, которую он рассматривал последней, девушка невольно напряглась. Вуд никогда не спрашивал у нее, что означают ее странные работы, поражающие своей насильственной тематикой. Но теперь перед ним оказалась последняя из жуткой серии, и немой вопрос застыл в его глазах.

– Все в порядке. Рабочие вопросы. Не оставляют в покое даже по вечерам, – скороговоркой проговорила она, стараясь не смотреть на картину.

– Она отличается от остальных, но все же принадлежит к тем работам, так? – спросил Вуд, пристально глядя в ее смущенные глаза. Крис едва заметно кивнула. – Я все время пытался понять, что означают твои работы, особенные работы, которые ты отказываешься продавать. Я думал, что, возможно, тебя впечатлила какая-нибудь жуткая история или что-то страшное случилось с кем-то из твоих близких или знакомых. Мне и в голову не приходило, что на всех этих картинах можешь быть ты.

Кристина затаив дыхание, смотрела на него. Да, он не мог принять женщину, которую она рисовала неясно и размыто, за нее. Она и не была ею. Давно не была. Измученное, растерзанное существо навсегда осталось в прошлом. Теперь Крис осознала это особенно четко.

– А с чего ты взял, что это я? – спокойно спросила Кристина, переворачивая картину, которая смущала ее своей откровенностью.

– Значит, не ты, – с облегчением выдохнул Вуд, расслабленно улыбаясь. Но тут же нахмурился. – Но я не мог не узнать в этой работе Дэниэла. Это точно он. Ты узнала, что он сделал что-то плохое, и поэтому ушла от него? Кто эта женщина, Крис? И почему он на свободе, если действительно виновен в том, что он и другие сделали с ней?

– Слишком много вопросов, Вуд, – горько улыбнулась Крис. – Но ты прав. Дэниэл виновен. И я знала об этом. Для меня это знание обернулось таким кошмаром, что я не смогла больше оставаться с ним в одном городе, в одной стране. Но, как видишь, даже бегство не спасло меня от страшных воспоминаний.

– Но почему ты не заявила на него? И как ты узнала? Что стало с этой девушкой с картины. Она жива? – снова засыпал ее вопросами Вуд. Кристина слишком хорошо знала его, чтобы подумать, что им движет праздное любопытство. Он действительно тревожился судьбой несчастной жертвы страшного преступления. Великодушный Вуд. Он всегда был таким. Искренний, обеспокоенный проблемами всего мира. Жаль, что она не встретила его раньше, раньше, чем Дэниэла Нормана. Он никогда бы не превратил ее жизнь в кошмар.

– Девушка жива, а заявить на Дэниэла было не так-то просто. Во-первых, он все-таки был моим мужем, а во-вторых,

сыном Джонатана Нормана, занимающего в обществе не последнюю ступень. Джон уладил дело тихо и без огласки.

– Но наказал по-своему, оставив наследство тебе, – прощительно заметил Вуд, взяв ее за руку. – Мне так жаль, что ты носила в душе эту тайну, которая делала тебя несчастной. Я-то думал, что он просто изменил тебе или что-то в этом роде. Дэниэл выглядит очень жестким непоколебимым, но сдержанным, холодным и рациональным человеком. Никогда бы не подумал, что он способен на подобное преступление. Хотя опыт вращения в богемных кругах научил меня не доверять первому впечатлению. Пресыщенные деньгами, легкой жизнью и уставшие от всех уже испытанных не по разу удовольствий, эти богатенькие детки творят, что хотят, зная, что им ничего за это не будет. Это мир продажен и несправедлив. И пока нас всех можно купить, будут происходить подобные преступления. Мне больно осознавать, что ты узнала об испорченности мира так рано.

– Вуд... – Кристина растрогано посмотрела на него. – Ты очень хороший. – Проглатывая ком, образовавшийся в горле, пролепетала она. Голубые глаза ответили ей нежным взглядом. Темная прядь упала ему на лоб, делая его красивое лицо еще моложе. По иронии судьбы, ее всегда окружают красивые мужчины. А ей так хотелось обыкновенного, такого, который любил бы ее беззаветной и искренней любовью, за которого не пришлось бы драться с оравой поклонниц и страдать от болезненной ревности.

– Да, ты часто говоришь мне это, – печально улыбнулся Вуд, крепче сжимая ее пальцы. – Иногда мне хочется стать плохим, чтобы ты, наконец, меня заметила и написала мой портрет. Странно, но я даже завидую Дэниэлу, и тому, как много места он занял в твоей жизни и твоей памяти, а, может, и в твоём сердце, которое ты упрямо прячешь от меня. И знаешь, как я бы назвал твою последнюю работу?

– Я назвала ее "откровение".

– Нет, неверно. "Прощение". Именно это приходит в голову, когда я смотрю на нее. Дэниэл, изображенный твоей рукой, не похож на безжалостного преступника. Вся его поза, лицо, выражение глаз говорят о глубокой потаенной боли, отчаянии и отрешенности. Создается такое впечатление, что там за стеклом он оставил не свою жертву, а свою жизнь. И ты простила его. Я знаю, что это так. Твоя рука не может лгать, как и твои глаза сейчас. Но простила ли его та женщина, которая умирает за стеклом.

– Это сложный вопрос, Вуд. Мне не ответить на него, потому что я не знаю эту женщину, я забыла ее и не хочу вспоминать. Может, будет лучше, если она навсегда останется там, в моей картине.

– Не верю, что это говоришь ты, – покачал головой Адамс. Кристина освободила свою руку из его теплой ладони и пожала плечами.

– Я могу быть разной, Вуд. Мы знакомы много лет, но ты совсем меня не знаешь.

Вуд посмотрел на нее теплым взглядом, в котором светилась нежность.

– Так позволь мне узнать. Не прячься от меня в своем стеклянном ледяном домике. Ты прекрасно понимаешь, что я никогда не причиню тебе боли, – он снова потянулся к ней, и взяв ее за плечи, заставил посмотреть в его лицо.

– Вуд, я не хочу тебя обижать. Ты мне очень нравишься....

– Как друг, – продолжил он с горечью, отпуская ее. – Можешь, не продолжать. Что же во мне не так, Крис? Я слишком прост для тебя?

– Нет. Ты слишком хорош для меня, – ответила Крис, заметив, как печаль в его глазах сменилась изумлением. – Ты – красивый, успешный, надежный, умный, талантливый, чуткий, и я не прощу себе, если подведу тебя. Я не боюсь, что ты причинишь мне боль. Это я могу испортить твою жизнь. Я не ангел, Вуд, и никогда не претендовала на эту роль. Ты слишком идеализируешь меня, а это ошибочное мнение.

– Но мы никогда не узнаем этого, если не проверим, – не отступал Вуд, глядя на нее с настойчивой надеждой. – Ты лишаешь нас шанса на счастье. Я могу дать его тебе. В этом я уверен на сто процентов. Мне все равно, ангел ты или грешница.

– Давай не будем торопить события. Сейчас моя жизнь и без того слишком запутана.

– Как скажешь, – мягко сказал Вуд. – Может, поужинаем завтра? Просто поболтаем, побудем вдвоем. Будем смеяться,

пить вино, танцевать? – Он улыбнулся озорной улыбкой, и Кристина очередной раз отметила, что ее агент безумно интересный молодой человек. И, возможно, он прав. Ей стоит дать ему шанс. Она ничего не потеряет, если у них не получится.... Кроме Дэниэла, мрачно добавила она.

Дэниэл.... С ним у нее точно не может быть никакого будущего, и чем дольше они общались, тем сильнее она в этом убеждалась. Да, он сильно изменился, и все время твердит о своей любви, но та женщина на картине все еще умирает. Что-то Дэниэлу удалось воскресить в ней, но никогда она не станет прежней. Им обоим не забыть, не вычеркнуть из памяти тот кошмарный год и ту жуткую ночь. И однажды эти воспоминания отравят их жизнь. Малейшая ссора, и они снова и снова будут возвращаться к тому, на чем все оборвалось. Дэниэл напомнил ей, что она все еще женщина, разбудил в ней чувственность, но не дал ей уверенности в завтрашнем дне. Она даже сейчас до конца не уверена, что он один, а не с очередной подружкой. Слишком много они знают друг о друге того, что не следует. Дэниэл ничего не знает о стабильных крепких отношениях. Он легкомысленный, увлекающийся человек, не способный долго верить в одни и те же идеалы. Сейчас он хочет ее, но завтра? Что будет завтра? И, видит Бог, она не хочет этого знать.

– Хорошо, Вуд. Мы поужинаем. Завтра, – Кристина улыбнулась, отводя взгляд. – Я хочу еще немного поработать.

– Конечно! – Лицо Вуда озарилось лучистой искренней

улыбкой, которая шла от сердца. В его лице и словах не было никакой пошлости, двусмысленности, интимности, ничего из того, что всегда мелькало в улыбке Дэниэла Нормана.

Следующие два часа Кристина сосредоточено работала, лишь иногда ловя себя на том, что то и дело улыбается. И причиной ее улыбки был вовсе не Дэниэл Норман.

Глава 17

– Роберт, – настойчиво повторила Кристина. – Ты же видел договор. Он не сможет отобрать у меня компанию, даже, если очень сильно захочет. Тебе нечего бояться.

– Я его не боюсь, – жестко ответил Роберт. – А вот тебе следовало бы быть с ним начеку.

– Я буду, – смягчилась Кристина. – Ты будешь присутствовать на собрании?

– Конечно, – кивнул Хьюстон. – Когда?

– Завтра в час дня. Юля уже позвонила ему и обо всем договорилась, – деловито сообщила Кристина.

– Он, наверное, на седьмом небе.

– Не знаю, – усмехнулась Кристина. Небо никак не светит Дэниэлу Норману. Ни седьмое, ни сто двадцать первое.

– Ты не собираешься на обед?

– А ты приглашаешь? – она лукаво улыбнулась, радуясь, что напряженность в отношениях с Робертом пошла на убыль.

– А то! Пошли, я угощаю.

Отобедав в приятной компании за непринужденным разговором, Монахова направилась напрямиком в модельное агентство. Здесь, как всегда царила легкая суетливая атмосфера. Девчонки готовились к показу мод. Все очень нервничали, особенно София, которая должна была замыкать круг.

София легко пережила разрыв с Дэниэлом, и уже нашла ему замену – того самого модельера, чьи наряды она будет демонстрировать. Она ни словом не обмолвилась никому о том, что видела, и даже с Кристиной не обсуждала то утро, когда застала ее в постели с Дэниэлом. Соня оказалась гораздо порядочнее, чем ожидала Кристина. Но удивила ее другая. Кира Кудрявцева. Лиза как-то обмолвилась, что у Киры и Дэниэла в прошлом была интрижка, и когда отношения закончились, девушка не смогла принять решение Дэниэла трезво. Крис не осуждала ее, но в последние дни их сотрудничество стало очень сложным. Кира вела себя грубо, постоянно пыталась задеть или рассердить Кристину. И Монахова ненароком задумывалась, не проболталась ли Соня Кудрявцевой. Иначе, как объяснить напряженные отношения с Кирой?

Вот и сейчас, заходя в кабинет Киры, она с порога почувствовала исходящее от нее раздражение. Глаза цвета горячего капучино смотрели на нее враждебно и холодно.

– Привет, как обстоят дела на сегодня? – спросила Крис, придавая голосу нейтральный тон. Кудрявцева уткнулась в бумаги, удостоив своего шефа легким кивком.

– Девушки готовы к показу? – не дождавшись ответа, поинтересовалась Монахова.

– Нет, но будут готовы через пару дней. – Ледяным тоном ответила Кира. Кристина озадаченно смотрела на нее. Может, Лиз ошиблась? Разве больная раком женщина может выглядеть такой ослепительно красивой?

– Косметическая компания "Дилон" ищет лицо для своего товара. Послезавтра назначена встреча. Ты будешь?

– Да, Кира, конечно. Ты уже выбрала претенденток?

– Мы покажем всех девушек. Никогда не знаешь, что им нужно, – сухо отозвалась Кира.

– Это точно. Ты нормально себя чувствуешь? – заботливо поинтересовалась Кристина, надеясь разрядить обстановку.

– Да, – коротко бросила Кудрявцева.

– Просто ты выглядишь несколько напряженной. Или это из-за меня?

– С чего ты взяла? – неприязненно спросила Кира.

– В последнее время мы отдалились, – спокойно ответила Монахова. – Ты явно чем-то недовольна. Я тебя обидела?

– Нет, – Кира подняла на нее холодные глаза. – Чем ты можешь меня обидеть?

– А если честно? Я же не слепая. В чем дело, Кира?

– Можно подумать, ты не знаешь, – усмехнулась она с презрением.

– Не имею понятия. – Крис не собиралась так легко сдаваться. Если Кире есть, что ей предъявить, то пусть говорит прямо.

– Тогда нечего и обсуждать. – Отрезала Кудрявцева, снова погружаясь в документы.

– Если передумаешь, то позвони мне. Я всегда готова тебя выслушать, – мягко произнесла Кристина. – Я в своем кабинете, если кто-то будет звонить.

– Этот "если кто-то" уже звонил два раза. И просил тебя срочно ему перезвонить, – едко бросила Кира, скривив губы в ухмылке.

Кристина автоматически вытащила свой сотовый из сумки.

– Разрядился, – пробормотала она себе под нос. – У тебя нет зарядки?

– Нет.

– Кир, Дэниэл звонил мне по делу, – зачем-то начала оправдываться Монахова. – Завтра у нас состоится подписание договора.

– Что ж, теперь он полностью в твоей власти.

Кира в недоумении вскинула глаза на взирающую на нее с неприкрытой ненавистью женщину.

– Что ты имеешь в виду?

– Все. – Кира поднялась из-за стола.

– Успокойся, Кир. Чтобы ты себе не навоображала, ты ошибаешься. У нас с Дэниэлом – партнерские отношения.

– Конечно. Знаю я, какого рода может быть партнерство с Дэниэлом, – зло усмехнулась Кира. – Я давно его знаю, чтобы не понять, что у него новая любовница, а если прибавить к этому то, что он мне недавно сообщил, и его умиротворенный вид, то можно не сомневаться в том, что я ничего не придумала.

– Как я поняла, вы с ним видите, раз ты успела сделать такие умозаключения? – напряженно спросила Кристи-

на, чувствуя нарастающую волну гнева, направленную вовсе не на Киру, которой и так досталось в жизни. Она не имела ничего против того, что Дэниэл встречается с бывшей любовницей, которой сейчас просто необходимо его внимание, но зачем же врать? Хотя, нет, он не врал, а просто умолчал о своих встречах с Кирой. Кристина не так бесчувственна, чтобы не понять. Стоп. Дэниэл не знает о болезни Кудрявцевой. Значит им движет вовсе не жалость и сочувствие. Чертов бабник!

– Да, мы встречаемся, – подлила масла в огонь Кира, самодовольно улыбаясь. – Кем бы ни был увлечен Дэниэл, он всегда находит время для меня.

– Да, вы просто созданы друг для друга, – сухо ответила Кристина. – Я пошла к себе, Кира.

Кристина была слишком зла, чтобы сосредоточиться на накопившейся работе. Кипа бумаг на столе отчаянно ждала ее внимания, одобрения и подписи. С трудом Монахова заставила себя отвлечься от мыслей о Дэниэле и очередном поводе усомниться в его порядочности и взялась за документы. За пару часов Норман позвонил раз десять. И каждый раз, когда их пытались соединить, Кристина находила причины, чтобы не отвечать. Ей необходимо время, чтобы сконцентрироваться и взглянуть на ситуацию трезвым взглядом. В данный момент разговор с Дэниэлом мог привести к ссоре, а она ругаться не хотела.

Норман сам явился в офис агентства. Яростно захлопнув за собой дверь, он подошел к столу уверенным шагом и устался на Кристину гневным вопрошающим взглядом.

– Чем ты так занята, черт возьми? – спросил он вибрирующим голосом. Кристина подняла на него невозмутимый взгляд.

– Спокойнее, Дэниэл. Откуда столько агрессии? Я работаю, – спокойно ответила она, решив не поддаваться на его провокационное поведение. – Мне действительно некогда вести с тобой пустые беседы.

– Пустые беседы? – закричал он, и, перегнувшись через стол, схватил ее за плечи. – Вчера ты была занята своим Будом, сегодня вообще черт знает чем. А я, оказывается, тебе мешаю своими пустыми беседами?

– Отпусти меня, Дэниэл, – ледяным тоном произнесла Кристина, все так же спокойно глядя во взбешенное лицо. Куда делась его сдержанность, невозмутимость? Он снова становился жестким и неуправляемым. Что-то прочитав в ее взгляде, Дэниэл резко отпустил ее, и, выпрямившись, устался на Кристину долгим изучающим взглядом.

– Ты мне не мешаешь. Я действительно загружена работой. Конец месяца, знаешь ли. Нужно подбивать итоги. У тебя нет причин для злости, – ее голос был по-деловому сухим, в глазах мелькало легкое раздражение.

– Ладно, – смягчился он. – Нет, так нет. И когда ты закончишь со своими делами? Мы не встречались с прошлого

четверга.

Кристина прошла по нему внимательным взглядом.

– Ты не скучал в одиночестве все это время, – резко ответила она, надеясь, что злость вернет ей здравый смысл, и спасет от соблазна. Дэниэл нахмурился, разглядывая ее сердитое лицо. Кристина на мгновение даже усомнилась в словах Киры. Ее ввело в заблуждение искреннее недоумение в синих глазах.

– О чем ты? – настороженно спросил он, выдавая себя с головой. – Тебе что-то нашептали?

– Попробуй угадать, – усмехнулась Кристина. – Расскажи мне, чем ты занимался свободными от наших встреч вечерами?

– Ты издеваешься? Спроси прямо, и покончим с этим, – рявкнул он.

– Хорошо, я спрошу, – хладнокровно кивнула Кристина, поднимаясь со своего кресла. Она медленно приблизилась к нему, встав напротив и глядя ему прямо в глаза. – Ты встречался с другими женщинами?

Легкая улыбка скользнула по чувственным губам Дэниэла.

– Ревнуешь? – мягко спросил он, дотрагиваясь до ее плеча. Крис резко одернула его руку.

– Ответь, – настаивала она.

– Да, я встречался с другими женщинами. Но это не то, что ты думаешь. Никакого секса.

Кристина недоверчиво посмотрела в искрящиеся глаза Дэниэла Нормана. Что-то подсказало ей, что он не лжет. Значит, солгала Кира. Зачем?

– Ты виделся с Кирой?

– Да, мы обедали пару раз. Она сама настаивала на встрече.

– Она тебя любит, – тихо сказала Крис, отворачиваясь от него.

– Я отказываюсь тебя понимать, – сокрушенно вздохнул Норман.

– Я не хочу, чтобы ты обманывал меня. Ты волен вести себя так, как хочешь, но не лги мне.

– Значит, если я решу переспать с Кирой или кем-то еще, то должен сначала предупредить тебя? – в его голосе сквозила ирония. – Но, знаешь ли, желание не всегда предсказуемо. Не могу же я за минуту до того, как натяну презерватив, отзваниваться тебе.

Резко повернувшись на каблуках, Кристина наотмашь ударила его по лицу, оставив на щеке отпечаток своей ладони. Она испуганно смотрела, как краска отливает от его лица, только подчеркивая нанесенные ему повреждения. Крис была удивлена своим безумным порывом еще больше, чем он. Нужно держать себя в руках. Но что делать, если рядом с ним она всегда теряет рассудок?

– Извини, – одними губами прошептала она.

Дэниэл неотрывно смотрел на нее. Выражение его глаз не

поддавалось анализу. Обхватив ладонями лицо Кристины, он прикоснулся губами к ее губам. Она ожидала чего угодно, но только не поцелуя, в котором нежность граничила с отчаянной жадной жаждой обладания.

– Я прощаю тебя. Я все тебе прощу, – шептал он, прокладывая дорожку из поцелуев вдоль линии ее шеи. – Только не пытайся избегать от меня. Ты нужна мне. Ты так мне нужна.

Горячее томление наполнило ее слабое тело. Всклипнув, Кристина зарылась пальцами в его волосы, притягивая к себе упрямую голову Дэниэла, ее губы жадно искали его рот.

– Поехали ко мне, – прошептал он, отрываясь от нее. Его страстный туманный взгляд одурманивал, лишал воли.

– Да, – прошептала Кристина, презирая себя за слабость.

***

– Чёрт! Я опоздаю, – воскликнула Кристина, вскакивая с постели. Закинув руки за голову, Дэниэл расслабленным взглядом наблюдал, как обнаженная девушка носится по его спальне, поднимая раскиданную в порыве страсти одежду.

– И куда ты можешь опоздать? Времени уже семь часов вечера. Рабочий день закончен, – он лениво улыбнулся, потягиваясь всем телом. Бросив на него сердитый взгляд, Кристина невольно залюбовалась его мужественной красотой. – Остайся со мной, и я покажу тебе еще пару приемчиков.

– Хватит с меня на сегодня, – вспыхнув, пробормотала Кристина и с ужасом осознала, что находит его предложение гораздо более соблазнительным, чем свидание с Вудом.

– Я бы с удовольствием уснул рядом с тобой, и проснулся, чувствуя тепло твоего тела. Такое новое ощущение. Не хочу, чтобы ты уходила, – взгляд его был серьезен. – Когда я остаюсь один, то все время думаю о тебе. Ничего не могу с собой поделать. Ты, как наваждение.

– Боже, только не начинай читать стихи, – засмеялась Кристина, хотя в душе ее что-то болезненно екнуло. Она сама не знала, почему его теплые слова так ранят ее.

– Не буду, если ты останешься.

– Я не могу. У меня встреча.

– С кем? – глаза его напряженно сузились.

– С Вудом, – на одном дыхании выдохнула Кристина. – Я обещала ему, что мы поужинаем сегодня вместе.

– Я могу пойти с вами.

– Ты же знаешь, что это невозможно, – покачала головой Кристина, накидывая на себя его рубашку. – Мне нужно в душ.

– Крис! – позвал он, но она уже ускользнула, прикрыв за собой дверь.

Быстро сполоснувшись и одевшись, Кристина зашла в спальню, чтобы попрощаться. Дэниэл стоял у окна. Каждый раз после всплеска безрассудной страсти она испытывала холодное отрезвление. Она смотрела на него и не могла понять, почему каждый раз так покорно падает в его объятия. Нет, понять это было не сложно. Но... Всегда было неизбежное "но" в их запутавшихся донельзя отношениях. Она прости-

ла его, но .... Она хотела его, но .... Она любила его, но .... И это «но» не давало ей забыть, забыть ту девушку на картине, ту девушку, которая все еще жила в ее памяти, ту девушку, которую он бросил умирать. И пусть боль ее утихла, ночные кошмары и бессонница канули в небытие, «но» все еще присутствовало и отравляло ее жизнь, не позволяя ей быть с тем, кто ей дорог.

– Мне нужно идти, Дэниэл, – мягко сказала она, вставая у него за спиной. Ее руки легли на его напряженные плечи. – Не сердись на меня.

– Я не сержусь, я просто не понимаю, зачем ты встречаешься с Вудом, – хрипло ответил он.

– Он мой агент.

– Он тебе нравится. Не отрицай. Ты сама-то понимаешь, как это смотрится со стороны? Сначала спишь со мной, потом бежишь на свидание к другому. Со мной – секс, с ним – духовное общение. Так?

– Дэниэл, ревность не идет тебе, – она уткнулась носом в мужское плечо, обнимая его за талию. – Я просто в отличии от тебя, не питаю иллюзий. Хочешь правду? Я не вижу нашего с тобой совместного будущего. Скажу больше, его просто нет. Давай оставим все, как есть, и скоро ты сам поймешь, что я права.

Дэниэл окаменел. Он долго смотрел на нее непроницаемым взглядом, а потом отвернулся.

– Беги, Кристина, – прошептал он. – Только от себя не

убежишь. Уж я-то это знаю. Поверь.

– До завтра, Дэниэл, – сдержанно попрощалась она, легонько дотронувшись до его напряженной спины.

Она едва успела к условленному времени. Вуд ждал ее дома, и мерил гостиную широкими шагами, но увидев ее, запыхавшуюся и виноватую, расслабился и улыбнулся.

– Дай мне минуту. Я переоденусь, – попросила она и побежала к лестнице.

Вуд повел ее в шикарный ресторан в центре Москвы. Он, как всегда, был сама галантность. Его присутствие не напрягало, Вуд точно угадывал все то, что она хотела услышать, касаясь только тех тем, в разговоре, которые могли бы доставить ей удовольствие. Шутки его были тонкими, острыми, но непошлыми. Вуд умел ухаживать за женщиной, но Кристина интуитивно чувствовала, что именно она, и только она является единственным объектом его внимания. Это льстило и очаровывало. Постепенно все тревоги сегодняшнего дня оставляли ее, уходя на второй план. Она могла говорить с ним бесконечно, на любые темы, иногда они даже спорили, но потом все сводилось к шутке, и они вместе смеялись. Глядя на его красивое открытое лицо, она неожиданно для себя поняла, что с легкостью может представить их совместную семейную жизнь. Он стал бы ей идеальным мужем, оберегающим ее от любых невзгод, другом, советчиком.... Она искреннее наслаждалась его обществом, не задумываясь о завтрашнем дне. За долгие годы тесного сотруд-

ничества, Вуд ни разу ее не подвел, а это многое значило в ее глазах. И она бы полюбила его когда-нибудь. Но внезапно ее разум подал тревожный сигнал. Вуд держал ее руку, поглаживая большим пальцем раскрытую ладонь, словно чертил на ней замысловатые узоры. Он что-то рассказывал ей о своем детстве, о двоюродных братьях и сестрах. И именно эти разговоры напомнили ей об еще одном неисправимом последствии ее прошлого.

– Вуд, у меня не может быть детей, – оборвав его на полуслове, сказала она. Она внимательно наблюдала за его лицом, в тревоге ожидая реакции на свое признание. Он на мгновение растерялся, потом с тревогой посмотрел в ее скорбное лицо.

– Ты это точно знаешь? – мягко спросил он, крепче сжимая ее ладонь. – Сейчас медицина творит чудеса.

– Да. Но со мной это не пройдет.

Вуд бросил на нее быстрый напряженный взгляд, словно ему в голову пришла какая-то мысль или догадка, но Кристину сейчас заботило не это, а то, что он ответит.

– Мне очень жаль, – прошептал он, наклоняясь к ней. – Крис, в мире тысячи детей, которые нуждаются в материнской любви и заботе. Ты станешь самой лучшей мамой. Нужно только решиться.

– А ты? Ты смог бы полюбить чужого ребенка?

– Как ты можешь спрашивать!?! – он осуждающе посмотрел на нее. – Если бы ты когда-нибудь решилась на отноше-

ния со мной, то мы могли бы осчастливить целую дюжину малышей, дать им достойное будущее и любовь.

В глазах Кристины застыли слезы. Она не могла поверить, что на свете есть такие люди, как Вуд Адамс. Искренние, честные, милосердные. Чем же она заслужила благосклонность такого мужчины?

– Ты просто чудо, Вуд, – растрогано прошептала Кристина. В ответ на ее слова он потянулся к ней через стол и осторожно поцеловал. Это был невинный поцелуй, совсем не похожий на те, что так щедро раздавал Дэниэл, будь он не ладен, раз она думает о нем в такой момент. Но этот поцелуй согрел ее душу, наполнив ее теплотой и благодарностью. И в этот момент Кристина поняла, что если жизнь дала ей еще один шанс на счастье, то она не откажется от него.

– Давай уйдем отсюда, – предложила Кристина, с сожалением отрываясь от нежных губ Вуда. – Погуляем по городу.

– А как же танцы? – он улыбнулся мальчишеской задорной улыбкой.

– Еще успеем, – пообещала Кристина, поднимаясь и увлекая его за собой.

Они прогуляли несколько часов, бродя по многолюдным и шумным улицам Москвы. В воздухе витала сама весна, согревая их своим теплым ветерком. Вуд нежно обнимал ее за плечи, заслоняя от всего мира, и в его объятиях она узнала, что такое умиротворение и покой. Господи, почему раньше она была так слепа. Сколько же лет они потеряли. Она по-

теряла, ослепленная своей навязчивой зависимостью Дэниэлом. Не может быть, что всего несколько часов назад она лежала в его постели и думала, что он любовь всей ее жизни. Он – ее боль, ее наваждение. Он наркотик, от которого она слишком устала. Его действие больше не пьянит, а наполняет обреченностью и тревогой. Вуд – излечение, надежда и свет.

– Ты не можешь быть настоящим, – прошептала Крис, глядя в глаза Вуда.

– Для тебя могу стать рыцарем на белом коне, только попроси, – ласково рассмеялся он, подув на ее волосы.

– Не нужно. Будь собой, – она подняла голову и посмотрела в его глаза. – Только не торопи меня. Хорошо?

– Конечно. У меня и в мыслях не было, – он лукаво улыбнулся. – Это не совсем, правда. В моих мыслях давно присутствуют эротические фантазии на твой счет. Но их реализация подождет до тех пор, пока ты не будешь готова.

– Надеюсь, что ты не собираешься ждать очень долго, потому что моя женская скромность не позволит мне признаться, когда я буду готова.

– Я доверюсь интуиции, – пообещал Вуд. Как это похоже на Вуда Адамса и не свойственно Дэниэлу Норману. Крис откинула все мысли о Дэниэле, запретив себе думать о нем в присутствии Вуда. Потом. Потом она решит, что с ним делать.

***

– И где вы болтались до двух часов ночи? – ворвавшись

в спальню подружки, спросила Лиза. Глаза ее метали молнии. Крис натянула на себя одеяло, и устало улыбнулась.

– Я думала, что ты заявишься раньше, – призналась Монова. – Что опять не так?

– Я видела, как вы шли к дому, держась за руки и переглядываясь, словно влюбленные подростки, – рассерженно сообщила Лиза. – Я не уверена, но мне показалось, что в коридоре вы целовались.

– Тебе показалось. – Кристина улыбнулась еще шире. – Лиз, прекрати злиться. Ты желаешь мне счастья. Я знаю это. Ты ведь понимаешь, что Вуд именно тот мужчина, который может сделать меня счастливой.

Лицо Озеровой потемнело. Она подошла к кровати и присела на самый краешек. Лиза посмотрела на подружку полным горечи взглядом.

– Я знаю, что потеряю тебя, если ты выйдешь замуж за Вуда.

– Лиз, никуда я не денусь. Я очень хочу поспать.

– Ладно. Бог с тобой, спи. Может, ты и права. Вуд – отличный человек. С ним ты будешь, как за каменной стеной. Но не забывай, что иногда то, что вначале кажется стеной, впоследствии превращается в клетку. Захочешь вырваться, да будет поздно.

– Иди уже, – погрозив подружке кулаком, улыбнулась Кристина.

– Спокойной ночи. Я рада, что теперь ты спишь без сно-

творного. И мне чудиться, что в этом заслуга совсем не Вуда Адамса.

– Лиз... – грозно начала Кристина.

– Да, ухожу я.

***

После заключения договора о партнерском участии Дэниэла Нормана и соблюдения всех формальностей, Кристина поспешно покинула зал для совещаний, но Дэниэл догнал ее в коридоре, фамильярно схватив за локоть.

– Ты хотел что-то добавить? – официально спросила Кристина, взглянув в напряженное лицо Дэниэла.

– Может, отпразднуем будущее сотрудничество в узком кругу? – спросил он, скользя по ней странным задумчивым взглядом.

– Не сегодня, – уклонилась от предложения Кристина.

– А когда? – настойчиво поинтересовался Дэниэл. Девушка раздраженно вздохнула, освобождая локоть из его цепких пальцев.

– Дэниэл, прекрати меня преследовать. Это уже начинает напрягать. Если я захочу тебя увидеть, то позвоню. Теперь мы вместе работаем, так что ты будешь несколько часов подряд каждый день лицезреть мое невероятно-красивое лицо, – с сарказмом в голосе ответила Монахова.

– Как прошло твое свидание? – жестко спросил он, пристально глядя в ее глаза.

– Прекрасно. Что-то еще? – вздернув подбородок, вызы-

вающе спросила Кристина. Дэниэл наклонился, чтобы поцеловать ее. Он всегда это делал, когда они не могли договориться словесно. И обычно это действовало, но не сейчас. Почувствовав ее безучастность, Дэниэл отстранился, растерянно глядя на нее.

– Почему ты так себя ведешь? Я люблю тебя. Я действительно тебя люблю. Неужели в это так трудно поверить?

– Не трудно. Просто я не люблю тебя больше, – спокойно ответила Кристина. Уж, если резать, то сразу, не оставляя ни малейшего пути к отступлению.

– Это неправда, – снова вцепившись в ее локоть, Дэниэл яростно встряхнул ее, словно пытаюсь привести в чувство. Ему было не понять, что сейчас она уверена в своем решении, как никогда.

– Правда! Я не думала, что все произойдет так внезапно, и нам стоило бы поговорить в другом месте, но раз уж ты сам настоял...

– Ни на чем я не настаивал, – все больше свирепея, процедил сквозь зубы Дэниэл. Его красивое лицо исказила гримаса гнева. Но Кристина больше не боялась его. И он понял это. Отчаяние застыло в синих глазах. – Что ты делаешь? Крис, ты меня убиваешь.

– Только давай без спецэффектов. Хорошо?

Он не врал, и сам верил в это, но только не она. Этот человек не будет долго страдать. Он на это просто не способен. Она уязвила его мужское достоинство, его гордость. Но

Дэниэл переживет. Кристина пережила удар, куда сильнее, чем тот, что сейчас нанесла ему.

– Нет, милая, – он холодно улыбнулся. – Спецэффекты тебе обеспечены. В отличие от тебя, я не собираюсь сдаваться.

– Дэниэл, по-моему, Кристина ясно дала тебе понять, что ты ей не нужен, – неожиданно появившись из-за дверей кабинета Монаховой, заявила Елизавета Озерова. Кристина резко развернулась и посмотрела в непроницаемое лицо подруги. Неужели она все слышала?

– Лиз, что ты здесь делаешь? – спросил Дэниэл, придя в себя первым.

– Решила навестить подругу, но она была на совещании, и мне предложили подождать ее в кабинете, – невозмутимо объяснила Лиза, – Вы так напряженно спорили, что я не рискнула вмешаться, но сейчас самое время. Я ослышалась, или ты угрожал Кристине?

– Это не твое дело, – резко ответил Дэниэл. – Мне надоело, что все, кому не лень думают, что имеют право вмешаться в мою жизнь и решать за меня. Если Крис таким образом хочет наказать меня, то ей тоже будет не сладко, – пообещал он.

– И ты думаешь, что имеешь право на подобные угрозы? – с обманчивой мягкостью спросила Озерова, загораживая собой подругу.

– Лиз, мы с Крис разберемся без тебя.

– Я сомневаюсь, что ты умеешь разумно разбираться.

Дэниэл, ничего не ответив, посмотрел на Кристину, которая с безучастным выражением лица стояла в стороне.

– Мы договорим позже. Без свидетелей, – обратился он к ней. – И передай своему Вуду, что каким бы чистеньким и приглаженным он не был, ему не удастся получить мою женщину.

– Даже не знаю, о ком это ты, – усмехнулась Кристина. Ей тяжело давалось это жесткое обращение. Она знала, что ранит его, но иначе было нельзя. Иначе он просто ее не отпустит.

– Я о Вуде, любимая, – перевернув ее слова, язвительно бросил Дэниэл. – Всем удачного дня.

Развернувшись, он быстро пошел прочь. Крис сразу вся обмякла, прислонившись к стене. Сквозь туман ей виделось рассерженное лицо Лизы и ее нервный голос.

– Ну, что доигралась? Не думала, что ты такая дура. Зачем ты снова с ним связалась?

– Ты сказала, что я должна вернуть свою душу. Что она там, где я ее оставила, – слабо пробормотала Кристина.

– Но я не имела в виду постель Нормана, – возразила Лиза. – Я хотела, чтобы ты простила его, научилась смотреть на него без ужаса и воспоминаний о прошлом. И когда я говорила, что тебе нужен любовник, я тоже не имела в виду Дэниэла. Почему ты ничего мне не рассказала? Я догадывалась, я пыталась тебя предостеречь, но ты все равно натворила глупостей.

– Лиз, я люблю его, – Крис посмотрела на подругу. – Но никогда с ним не буду, и я уверена, что Дэниэл ничего мне не сделает.

– Да, только опять испортит тебе жизнь. Ты ведь ни хрена не смыслишь в мужчинах. Ты ничего не знаешь о нем. Давай, пойдем, я напою тебя кофе. Ты бледная, как смерть. А что ты собираешься делать с Вудом?

– Я не успеваю за тобой. – Кристина взяла протянутую руку, и они вместе пошли в ближайшее кафе.

Кристина не стала пить кофе. Вместо этого, они с Лизой уговорили бутылочку мартини, закусив безумно вкусным десертом. Озерова больше не задавала сложных вопросов, и они очень хорошо провели время, совсем, как в старые времена. Потом они вернулись домой. Крис поднялась в свою студию, и очень скоро почувствовала себя гораздо лучше. Ближе к вечеру к ней заглянул Вуд.

– Пора ужинать, – обнимая ее сзади за плечи, мягко прошептал он на ухо, щекоча своим теплым дыханием. И снова ощущение покоя накрыло ее с головой. Прижавшись к нему, она позволила Вуду поцеловать свою шею, а потом повернулась, и их губы встретились в нежном поцелуе.

– Ты скучала по мне? – спросил он. Кристина кивнула, прислонясь щекой к его плечу.

– Я тоже скучал. Хочешь прогуляться?

– Да. Пойдем в тот же ресторан. Мне там понравилось.

– Желание женщины для меня закон, – важно провозгла-

сил Вуд.

– Ты меня избалуешь, если продолжишь в том же духе.

– Именно этого я и добиваюсь. Избалованная изнеженная жена. Что может быть лучше?

– Жена! Ты же обещал не торопиться. – Кристина игриво погрозила ему пальчиком.

На этот раз она не стала наряжаться, а выбрала простую, но элегантную блузку стального цвета и черную облегающую юбку – карандаш. Вуд тоже предпочел менее официальный наряд. Черные джинсы и светлый тонкий свитер.

– Думаешь, нас пустят в таком виде? – поинтересовалась Кристина, когда ее личный шофер доставил их к ресторану.

– Конечно, – заверил ее Вуд. И как всегда оказался прав.

Ужин проходил в обстановке легкого флирта, и Крис наслаждалась каждой минутой. Ее кавалеру удалось вытащить свою даму на танцплощадку. Но злоупотребившая спиртным Кристина, то и дело наступала ему на ноги. Рассмеявшись, Вуд нежно привлек ее к себе и вернул на место. Потом они вместе хохотали, глядя, как другая подпившая мадам выделявала какие-то невероятные телодвижения, совершенно не попадая в такт, то и дело, спотыкаясь и пошатываясь. Их веселье закончилось внезапно, когда в ресторан заявился Дэниэл, и не один, а с Кирой. Какой старый избитый прием. Кристина была разочарована. Ей было ясно, как день, что он выследил их с Вудом, а потом решил сыграть на ее ревности,

притащив с собой любовницу. Чем может угрожать женщина, которая уже одной ногой в могиле, с несвойственной ей жесткостью подумала про себя Кристина. Но тут же раскаялась. Кира не виновата в том, что любит круглого идиота. И как ему удается так умело манипулировать людьми? У него совсем нет совести и стыда. Иначе он не появился бы тут. Кира, похоже, тоже раскусила его нехитрый замысел. Заметив Кристину, она заметно помрачнела и стала бросать на Дэниэла обиженные взгляды. Он что-то говорил ей, но Кира отрицательно мотала головой. Потом резко вскочив, бросилась к выходу. Дэниэл не удосужился последовать за ней. Кретин. Как можно быть таким бессердечным скотом?

– Вот это номер, – прокомментировал Вуд, наблюдая за происходящим. – Он ведь здесь не случайно. Да? – вопросительный взгляд смутил Кристину. Ей не хотелось лгать, но что она могла сказать Вуду? Пока он улаживал дела с ее выставкой, она спала с бывшим мужем, а потом решила его бросить, но Дэниэл не собирался мириться с ее решением?

– Не знаю, – пожала плечами Кристина, лихорадочно соображая, что делать дальше.

– Просто я не верю в участвовавшие совпадения, – хмуро заметил Вуд. – Не хочешь выяснить, что ему нужно? Или мне это сделать, потому что, если он не перестанет пялиться на нас, я потеряю терпение, и забуду, что должен любить всех людей.

– Успокойся, Вуд. – Кристина мягко накрыла его руку сво-

ей ладонью. – Давай, просто не будем обращать на него внимания.

– Это будет сложно сделать, потому что он идет сюда, – усмехнулся Вуд. Крис проследила за его взглядом. Он не ошибся. Неровной походкой и с пьяной ухмылкой к ним приближался Дэниэл Норман. Кристина не думала, что способна на такое презрение. Он действительно достоин жалости.

– Привет, ребятки, – заплетающим голосом протянул он, придвигая стул к их столику и плюхаясь на него. Крис отшатнулась, почувствовав исходящий от него резкий запах алкоголя. – Не против, если я присяду. Моя дама убежала, а одному так тоскливо.

– Мы против, Дэниэл, – сдержанно произнесла Кристина, стараясь держать себя в руках. – Тебе стоит догнать свою даму, пока она не убежала очень далеко.

– Я рад, что она убежала. Но не рад, что вы против. – Дэниэл не смотрел на Вуда, полностью игнорируя его присутствие. – Так неожиданно встретить вас здесь. Что обсуждаете? Дату свадьбы? Как насчет первого апреля? Черт, я и забыл, что уже тридцатое, но ничего, можно перенести на следующий год. Или вы торопитесь?

– Дэниэл, тебе лучше уйти, – вмешался Вуд. Норман обратился на него насмешливый взгляд.

– А, может, тебе лучше уйти, мальчик.

– Я не на много младше тебя, Норман. Тебе не удастся

спровоцировать меня. Даже не пытайся, – спокойно отозвался Вуд.

– Куда уж мне, – усмехнулся Дэниэл. – Ты ведь у нас почти английский лорд. У тебя случаем, нет титула? Нет? Жаль. Крис всегда мечтала стать принцессой. У нее и внешность подходящая, но темперамент.... – Дэниэл многозначительно улыбнулся. Краска отлила от лица Кристины. Она обязана была остановить его, но лишилась дара речи, пораженная его вопиющей наглостью. – В постели она просто бомба, – с издевкой завершил Дэниэл. Кристина вздрогнула, как от удара, и пропустила тот момент, когда ее бывший муж полетел на пол, нокаутированный кулаком Вуда. Адамсу изменили и его воспитание, и чисто английская сдержанность, но Кристина была ему искренне благодарна. В отличие от охраны ресторана, которая незамедлительно выставила всех троих на улицу.

– Слушай, Вуди, а ты молодец, – стирая кровь с разбитой губы, спокойно заявил Дэниэл. – Уважаю. Я бы убил, если бы кто-то посмел так о ней отозваться.

– Пошел к черту, – рявкнул Вуд, яростно глядя на него. Он снова сжал кулаки, но больше в драке не было необходимости. Крис успокаивающе тронула его за плечо, заглядывая в разгневанное лицо мужчины.

– Не трать на него свои силы. Он просто пьян. Завтра пожалеет обо всем, – мягко проговорила она.

– Черта-с два, милая. Ни о чем я не пожалею. Ты забыла,

что я самый бессовестный человек на свете? – рассмеялся Дэниэл, и кровь обильно закапала из раны на губе. – Я же обещал тебе спецэффекты. Нравятся? Нет? Почему? Я пытаюсь облегчить тебе жизнь. Рядом с тобой такой настоящий мужчина, готовый драться за твою честь. Представляю, насколько невыгодно выгляжу я на его фоне.

– Тогда, зачем ты так себя ведешь? – спросила она, ожесточенно глядя на него.

– Потому что не хочу, чтобы ты сомневалась. – сплюнув кровь, сказал Дэниэл. Вуд снова ринулся вперед, но Крис встала между двумя разъяренными мужчинами, не позволяя им дотянуться друг до друга. – Не хочу, чтобы ты прибежала ко мне через пару недель, осознав, что идеальный мужчина слишком хорош для тебя. И поэтому я стану последним человеком, к которому тебе захотелось бы вернуться.

– Ты им уже стал, Дэниэл, – тихо произнесла Кристина. – Не пытайся выглядеть хуже, чем ты есть. Хуже просто некуда. Прошу тебя оставь меня в покое. Прекрати свои глупые преследования. Так ты ничего мне не докажешь. Я тебя не люблю. И, наверное, никогда не любила. Это была одержимость, но она прошла. Все, Дэниэл. Это все. Если в тебе есть хоть капля мужской гордости, ты оставишь меня в покое.

– Ты действительно этого хочешь? – спросил он. – Останешься вот с ним? – Дэниэл небрежно кивнул в сторону Вуда.

– Дэниэл, уходи. Я устала от этого разговора, который ни

к чему не приведет.

– Я уйду. Уйду. – Дэниэл провел рукой по лицу и повернулся, чтобы удалиться. – Удачи вам, – бросил он на прощание и, пошатываясь, пошел прочь.

Какое-то время после ухода Дэниэла, Кристина и Вуд стояли в молчании. Они не смотрели друг на друга, каждый погруженный в свои мысли. Крис прекрасно понимала, что Вуд не идиот и понял из контекста, как она провела две последние недели. И с кем. Он имел полное право развернуться и уйти так же, как это сделал Дэниэл.

– Вуд, – неуверенно начала Кристина, поворачиваясь к нему лицом. Он поднял руку, призывая ее к молчанию.

– Только ничего не говори. Я не хочу ничего знать. Это все неважно. Между нами ничего не было. Тебе не в чем оправдываться. Но я не желаю видеть его рядом с тобой в будущем.

– Мы работаем вместе, – закусив губу, напомнила Крис.

– Пусть так, но все остальное время, ты будешь со мной, – категорично произнес Вуд.

Кристина подняла на него глаза, и он заключил ее в крепкие объятия.

– Я заставлю тебя забыть о нем. Никогда и никто больше не причинит тебе зла. Я люблю тебя и женюсь на тебе, хочешь ты этого или нет. Я принимаю еще одно решение, – Вуд серьезно посмотрел на нее. – Завтра мы улетаем в Париж. Картины готовы. Пора начинать подготовку к выставке.

– Я знала, что он не оставит тебя в покое, – выслушав невеселый рассказ подруги, тяжело вздохнула Лиза. Несмотря на поздний час и жуткую усталость, Кристина не выдержала и тихонько прокралась в спальню Лизы. Ей было необходимо выговориться, облегчить тяжесть на душе, которая образовалась после встречи с Дэниэлом и давила на грудь, словно тяжелый камень, не давая дышать и омрачая надежду на светлое будущее с Вудом.

– Он больше меня не потревожит, – уверенно сказала Кристина, задумчиво разглядывая рисунок на ковре под ногами. – Но я не чувствую облегчения или радости. Мне страшно, что я не смогу жить нормально.

– То есть как – нормально? Поясни? – обняв колени руками, Лиза загадочно посмотрела на подругу.

– Как все, – передернув плечами, ответила Крис. – Не возвращаясь в прошлое, не вспоминая о Дэниэле. О моей большой любви к нему. Если я буду работать с ним, то ничего не закончится, я никогда не освобожусь.

– И каков выход?

Кристина горько улыбнулась.

– Я передам ему компанию. А сама вернусь в Лондон с Вудом, – не моргнув, выдала она, скрепя сердцем. – Это глупо, я знаю. Я веду себя, как трусиха, и, может быть, Дэниэл знал, что так и будет. Возможно, он все спланировал. Если бы Дэн принял мой отказ от наследства его отца, то это было бы не победой, а подачкой с моей стороны.

– Это Роберт тебе наговорил?

– Но в этом есть смысл, – упрямо настаивала Кристина. – Дэниэл прекрасно знал, что управлять компанией и писать картины одновременно – тяжелый труд для меня. Я бы все равно не справилась. Рано или поздно. И сдалась бы. Я не могу продать дело Джона, но передать члену семьи можно. И Дэниэл – единственный кандидат. Он не мог не думать об этом. Это же ясно, как день.

– А зачем ему соблазнять тебя?

– Да просто так.

– Он ничего не делает просто так, – категорично заметила Лиз. – Как, впрочем, и все мы.

– Возможно им двигал извращенный интерес, очередная садистская фантазия.

– А если ты выбрала бы его? Что тогда?

– Компания все равно оказалась бы в его руках. И я тоже. Вот и все. Все варианты ведут к одному концу, – на глазах Кристины навернулись слезы отчаяния.

– В этом все дело... – понимающе кивнула Лиза. – Ты не простила его, ты не веришь ему. И ты бросила его, потому что уверена, что он снова предаст тебя. И ты права. На сто процентов права. Но почему же ты не позволила ему уехать? Это и стало бы лучшим выходом.

– И ты веришь, что Дэниэл бы уехал? Я только теперь поняла, что его мнимый отъезд был очередным трюком. Он проверял меня, он знал, что я его остановлю. Вся эта сказка

о его любви ко мне... я не верила в нее ни дня. Я хотела понять, чего он хочет, зачем играет со мной. И все, что произошло сегодня, говорит об одном – Дэниэл Норман, человек не способный на чувства к кому-то, кроме самого себя. Ты бы видела, как он вел себя. Бедная Кира. Она не заслужила подобного отношения. Никто не заслужил.

– Это точно, – мрачно согласилась Лиза. – Я не думаю, что Дэниэл абсолютно отрицательный герой, но его поведение иногда просто неадекватно. И мне кажется, что он сам себя не понимает, сам себя пытается обыграть. И, знаешь, что самое интересное?

Крис тоже обняла колени и посмотрела на подругу отрешенным взглядом.

– Ему всегда везет, – тяжело сказала Озерова. – Восемь лет назад он отделался легким испугом за то страшное преступление, которое совершил. Отец всего-навсего лишил его денег и своего внимания, но Дэниэлу и тут подфартило. Ему повезло в бизнесе, он завязал с наркотиками, выпивкой, шумными компаниями. Пока ты училась жить заново в Лондоне, прячась за свои картины, как за ширму, Дэниэл жил в свое удовольствие. У меня просто в голове не укладывается, почему эти восемь лет в изгнании прожила ты, а не он? Лишая себя всего, страдая, как ни один другой знакомый мне человек, ты хоронила себя заживо, пока он наслаждался беспечной легкой жизнью. Дэниэл говорил, что никогда не вспоминал о том, что сделал до тех пор, пока не увидел те-

бя. Он блокировал память. А ты несла свою боль одна очень-очень долго. Почему? Ты могла бы отомстить ему, отобрав то единственное, что он не мог получить – наследство его отца. Но снова ему везет. Ты, как последняя идиотка, падаешь в его объятия, и предлагаешь ему стать совладельцем фирмы, но ему этого мало. И ты хочешь отдать все.

– У меня все еще будет. С Вудом, – слабо выдавила Крис, глядя на подругу в легком недоумении. Разве Лиз не считала Дэниэла другом? Разве она не пропадала с ним чуть ли не каждый вечер, предаваясь душещипательным беседам по душам? Неужели все было ложью с самого начала? Лиз проверяла его, держала врага близко, чтобы не позволить ему нанести удар исподтишка, но не уследила. Милая, милая Лиза. Как она могла ошибаться и сомневаться в ней?

– Не все, Крис. Есть то, чего у тебя не будет никогда.

Кристина безмолвно уставилась на Лизу, не совсем понимая, к чему она подводит ее.

– Дети, детка. Ты же хочешь нормальную полноценную семью? Муж, ребенок, совместные путешествия, вечера перед камином. Ты ведь мечтаешь об этом?

– Зачем ты рвешь мне душу? Мы с Вудом говорили об этом. Мы усыновим ребенка.

– Но он не будет твоим. Плоть от плоти, частичка твоей души и души мужчины, которого ты выбрала в мужья. О таком ребенке я говорю. А у Дэниэла он есть.

– Нет, – покачала головой Крис, широко раскрывая глаза.

Сердце сжалось от страшной жуткой боли. – Я бы знала. Нет.

– Он и сам не знает, что снова получил выигрышный билет. У него есть сын, но ему не придется жениться или оспаривать свои права на него, потому что мать ребенка умирает. Почему вы все так хотите, чтобы он был счастлив? Ты отдаешь ему компанию. Кира собирается отдать сына, о существовании которого Дэниэл пока ничего не знает. Он принес вам столько боли. А вы готовы пожертвовать самым дорогим ради него.

Кристина оцепенела, ее мысли сконцентрировались вокруг одной новости. У Дэниэла есть сын. Мальчик. Его мальчик. А у нее никогда не будет детей. Из-за него не будет.

– Сколько ему лет? – тихо спросила Кристина.

– Два года. Кира уехала, как только ее беременность стала заметной. У Дэниэла была новая подружка, и она решила не мешать ему. Вернулась к матери, в Подмосковье. Родила малышка там, и вернулась к работе, когда ему было полгодика. Она бросила дитя, чтобы вернуться к любовнику, которому никогда по-настоящему не была нужна.

– Почему она не сказала? Не сказала ему?

– Кира не верила, что Дэниэл обрадуется. Он бы решил, что таким образом она пытается привязать его к себе, взвалить на него обязательства, к которым тогда он не был готов. Сейчас у нее нет выбора. Она умирает, а ее мать слишком стара, чтобы заботиться о малыше.

– Боже, Лиз... Зачем ты мне рассказала?

– Чтобы не сглупила снова. Не беги с Вудом. Остайся, преврати жизнь Нормана в кошмар, который он никогда не сможет забыть.

– У меня больше нет сил, Лиза. Почему не он? Почему умирает не он, а Кира? – с горечью воскликнула Кристина.

– Теперь ты захотела, чтобы он умер? – сухо спросила она.

– Да, черт его возьми. Я не меняю своего решения, Лиз. Я уеду. Пусть радуется. Он победил.

Глава 18

– Что? – завопил Роберт, когда, собрав всех членов правления в конференц-зале, Кристина сообщила о своем решении передать управление компаниями Джонатана Нормана своему бывшему мужу Дэниэлу Норману. Возбужденный шепот прошелся по залу, на лицах директоров промелькнули удивление, тревога и облегчение одновременно. Для нее не было секретом, что кроме Роберта, никто не верил, что она продержится долго на своем посту.

Кристина дружелюбно улыбнулась референту Юленьке, заметив набежавшие слезы на глаза девушки. Еще один человек, который был искренне предан ей. Может, забрать ее в Лондон? Она была бы ей незаменимой помощницей. Да, так она и поступит. Кристина обвела взглядом всех собравшихся. Она выглядела спокойной, собранной, решительной. Ей стало легче, словно тяжелый груз наконец-то свалился с ее плеч, и только Роберт никак не унимался. Крис понимала, почему он так зол, но не могла оставить компанию ему. Он был очень ценным сотрудником, умеющим вести дела, но не управленцем. Несмотря на свой небольшой опыт, Крис быстро поняла это. Роберту нужна еще одна голова, чтобы мыслить масштабно, а у него ее не было. Единственным трехглавым драконом в этом зале был Дэниэл Норман, но она не могла найти в себе сил, чтобы посмотреть на него.

– Успокойся, Роб! – Крис решительным тоном прервала поток упреков и обвинений с его стороны. – Это всего лишь смена руководителя. Штат не будет изменен или сокращен – это пункт из договора, который предстоит подписать Норману. Никакой трагедии. Вы все прекрасно понимаете, что это разумное решение. Я просто не подхожу на роль, которую мне навязало неожиданное наследование. Я – художник. А художник, прежде всего, ценит свободу. Не скажу, что выбор дался мне легко. Но я пришла к правильному для себя решению.

– Как благородно с твоей стороны, – бесстрастно произнес голос Дэниэла. И Кристине пришлось посмотреть на него. – Рассуждаешь тут перед нами о решениях, а меня пока еще никто не спросил – согласен ли я принять то, что ты предлагаешь.

– А ты откажешься? – не скрывая иронии, спросила Кристина, насмешливо улыбаясь уголками губ. Лицо Дэниэла потемнело от гнева, но он не ответил. – Конечно, нет. Все нормально, Дэниэл. Не притворяйся удивленным. Разве не этого ты хотел?

– Я сотни раз говорил тебе, чего я хочу. – Твердо произнес он, устремив на нее пронизывающий свирепый взгляд. – Но у тебя не хватило смелости, чтобы поверить мне. И я не откажусь. Пусть будет так, как решила ты.

– Вот и славно! – отвернувшись, Крис, снова обратилась к присутствующим. – Хочу поблагодарить всех вас за сотруд-

ничество, терпение и понимание, которыми вы окружали меня. Благодаря вам, я многому научилась. Спасибо, я ценю все, что вы для меня сделали.

Ее бывшие коллеги заплодировали, все, кроме Дэниэла, который не сводил с нее тяжелого мрачного взгляда. Кристина попрощалась со всеми и, оставив Дэниэла на попечение юристов компании, отправилась домой.

Лиза и Вуд уже с нетерпением ждали Кристину. Элизавета накрыла небольшой праздничный обед в гостиной, хотя, честно говоря, Крис не была уверена, что имеется повод для торжества. Первоначальное облегчение испарилось. В душе было пусто и тускло. Она понимала, что поступает правильно, но ее смущало ощущение вины и нестерпимой боли, которые жгли душу. Осудил бы Джон ее слабость? Оправдали ли она его надежды? О чем он думал, составляя завещание? Знал ли отчим, что все закончится так печально? И почувствует ли она печаль, а, если да, то почему?

Прикоснувшись к ее руке, Вуд вывел ее из состояния глубокой задумчивости. Его теплый взгляд на этот раз не дал никаких ответов. Кристина рассеянно улыбнулась ему, вяло ковыряясь вилкой в своем салате.

– Не думай ни о чем, милая, – прошептал он, наклоняясь к ней. – Все правильно. Мы уедем, и все забудется, как страшный сон.

– Я уже это проходила, – грустно сказала Кристина, креп-

ко сжимая его руку, словно ища в нем свое спасение из крошечной тьмы, которая надвигалась на нее.

– Но на этот раз мы будем вместе, – заверил ее Вуд. Его голубые глаза были полны нежности и любви. Крис вдруг трезво и ясно осознала, что никогда не сможет полюбить его так, как он этого заслуживает. Вырвав пальцы из его руки, она закрыла ладонями лицо.

– Боже, что же я делаю... – прошептала она. Нож соскользнул со стола и упал на пол. Вуд смотрел на девушку с тревогой и недоумением. Любовь в нем боролась с гордостью. Мужчина понимал, что причина ее отчаяния вовсе не он, но верил, что время может изменить все. И знал также, что однажды это самое время ничего не изменило для нее.

– Я пойду в студию. Мне нужно кое-что доделать, – неожиданно вскочив, быстро проговорила Кристина. Вуд попытался удержать ее, но девушка вырвалась и почти бегом понеслась к лестнице.

– Что мне с ней делать? – тяжело опускаясь на свой стул, с болью в голосе спросил он у Лизы, которая сидела напротив с каменным лицом.

– Ничего. Вызови его на дуэль. Ты же у нас рыцарь, – насмешливо отозвалась Озерова. Вуд с укором посмотрел на нее.

– Ты не успокоишься, пока у Крис не останется никого, кроме тебя. – Он резко встал и пошел к выходу.

Кристина не могла работать. Она просто водила кистью по чистому холсту. Раньше она считала, что человек не может ни о чем не думать даже несколько секунд, но вот уже час в ее голове была абсолютная пустота. Если бы это могло продлиться вечно. Странно, но ей казалось, что ее прежняя жизнь с бессонницей, маниями и приступами тошноты была даже легче. У нее была боль, и был, как выразился Дэниэл, виновник. А теперь не осталось ничего. Пустота мешала дышать, превращаясь в бездонную пропасть, в которую ей хотелось кануть, исчезнуть без следа. Дэниэл назвал ее трусихой, и он прав. Дэниэл никогда не лжет. Разве не сама Лиза настаивала на этом? Что, если он действительно любит ее, а она так боится признать это, что придумывает сотни причин не верить ему. Но можно ли судить ее? Ведь именно Дэниэл сделал Кристину такой. Он научил не доверять никому, ждать подвоха и бояться, всегда бояться. Кристина сказала ему, что не боится его. И солгала. Она – лгунья. И она трусиха. Жалость к себе затмила все остальное. Синдром жертвы – вот очередная ее мания. Ей слишком понравилась роль вечной страдальцы. Неужели она решила присвоить себе статус великомученицы? Да с нее иконы писать, просто эталон отречения от всего земного.

Кристина оторвалась от созерцания своей разноцветной мази, услышав какой-то звук у дверей. Наверное, это Лиз со своими нравоучениями. Вуд слишком деликатен и воспитан, чтобы навязываться. Она подняла глаза и начала го-

товить предлог, чтобы выставить подругу, но, когда открылась дверь, на пороге ее мастерской, появился никто иной, а Дэниэл Норман. В глаза бросились его взъерошенные волосы и темные подглазины. Он выглядел измученным и больным, а не победителем.

– Что ты... – придя в себя от потрясения, начала Крис, но умокла, когда Дэниэл вошел, прикрывая за собой двери.

– Ты не слышала звонка? – спросил он. – Я долго звонил, прежде чем Лиза открыла мне. Мы с ней успели немного выпить. Ты не против?

– С чего это мне быть против? – обретя дар речи, холодно просила Крис, прячась за мольбертом. – Ты уже отпраздновал свою победу?

– Разве я победил? – скептически подняв бровь, спросил Дэниэл, медленно приближаясь. Он замер в центре комнаты.

– Зачем ты пришел? – спросила Кристина, сложив руки на груди, словно защищаясь от его взгляда. – Ты обещал, что оставишь меня в покое.

– Да, обещал, – кивнув головой, признал Норман. – Прости меня за вчерашнее. Я был пьян и не понимал, что делаю и говорю. Это не оправдание, но я просто слетел с катушек, когда ты сказала, что между нами все кончено.

– Ты пришел поговорить об этом? – яростно сверкнув глазами, спросила Кристина.

– Нет. Я пришел попроситься. Ты же уезжаешь....

– Да. Завтра, после обеда. Путь свободен. Можешь, забыть

снова обо мне.

– А если я не могу забыть? – горькая улыбка тронула его губы. – Я тебя люблю. Разве можно об этом забыть?

– Ты уже говорил, – девушка отвела глаза, чтобы не видеть отчаяния на его красивом лице. – Уйди. Ты попрощался. Я очередной раз приняла твои извинения. Все.

– Да, – кивнул он. – Я уйду, но ты должна мне показать картину. Ту самую, последнюю. И я навсегда исчезну из твоей жизни.

– Она у окна. Первая в стопке, – натянуто проговорила Кристина. Терять нечего. Рано или поздно он все равно ее увидит. Она заметила, что Дэниэл шел к окну, изрядно пошатываясь. Когда он успел напиться? Крис вспомнила о его сыне, и это придало ей сил и гнева. Он не одурачит ее снова. Тем временем, Дэниэл развернул ее работу, где он был главным героем. Она видела его со спины, но заметила, как дрожь прошла по его телу, руки его мелко затряслись. Что с ним? Сколько он выпил?

– Дэниэл... – несмело позвала она. – Ты в порядке?

– Да, – глухо отозвался его голос, – То есть, нет. Почему ты написала меня так?

– Просто пришло в голову и все, – хмуро ответила она, разглядывая его. Норман повернулся. Он был очень бледным, в глазах появился странный лихорадочный блеск, а потом они словно остекленели.

– Но это было, – Дэниэл снова посмотрел на картину. –

Я шел по коридору мимо палаты реанимации. Я знал, что там за стеклом ... ты, но хотел пройти мимо. И не смог. Меня словно тянуло обратно. Я подошел к дверям и прижался к ним лбом. Так, как ты нарисовала. Я смотрел на тебя, на то, что от тебя осталось, на то, что я сделал с тобой, и вспоминал, какой ты была красивой в тот день у бассейна, когда впервые стала моей; о том, как ты говорила мне, что любишь, и твои глаза: чистые, честные, преданные; и я понял, что я натворил. И я умер, Крис. Я умер там с тобой. Но ты не могла видеть меня, не могла... – он обернулся. Глаза его были полны боли. – Неужели ты не понимаешь, что это значит? Ты увидела... – его голос прервался. Дэниэл тряхнул головой, словно отгоняя видение. Вид у него был жуткий, – Что за черт? – побелевшими губами прошептал он, снова пошатнувшись, схватился руками за подоконник, пытаясь удержаться на ногах.

– Боже, Дэниэл. Сколько ты выпил? С кем? – испуганно воскликнула Кристина, подлетая к нему. Он взглянул на нее невидящим взглядом.

– Один бокал... Лиза... – прохрипел он, падая на пол. Закричав от страха, девушка присела перед ним, ощупывая его лицо, и тело в поисках повреждения.

– Что? Что с тобой? – повторяла она. Наклонилась, заметив вялое движение его губ. – Что, Дэниэл?

– Вино... – прошептал он, закрывая глаза. Кристина отчаянно начала его трясти, пытаясь привести его в чувство.

Лицо Дэниэла стало пепельно-серым, дыхание замедлилось, пульс едва прощупывался. Вскочив, девушка метнулась к телефону. Ее голос срывался на безудержные рыдания, пока она вызвала скорую помощь и диктовала адрес.

– Лиза! – закричала она, вспомнив, что у той есть медицинское образование. Но ответом ей была тишина. Крис, сломя голову, бросилась вниз, в гостиную, но никого там не обнаружила. Девушка побежала в кухню. И снова никого. Куда делся Вуд? Где Лиза? Кристина носилась по дому, выкрикивая имя подруги, но ее и след простыл. Разрыдавшись от отчаяния, Кристина вернулась к Дэниэлу, и, взяв его руку, попыталась нащупать пульс. Он был совсем слабым.

– Боже, Дэниэл, не умирай. Не умирай, – как заклинание шептала Кристина. Входная дверь хлопнула, и она устремилась вниз, в надежде, что это вернулась Лиза.

– Вуд! – разочарование, облегчение, страх и горькое отчаяние смешались в ее полукрике-полустоне.

– Что случилось? – побледнев, Вуд подскочил к ней и успел поймать, когда обессилев, девушка начала оседать.

– Дэниэл... – прошептала она. – Там в мастерской. Ему плохо.

Лицо Вуда омрачилось, он напряженно посмотрел на Кристину, и, обнимая ее за талию, повел к мастерской. Уже у дверей Кристина почувствовала себя легче. Она распахнула дверь и пропустила Вуда внутрь.

– Что с ним? – замерев на пороге, Вуд резко повернулся,

взглянув ей в лицо. – Это ты? Он пытался ....

– Боже, Вуд. Я ничего не делала. Мы разговаривали, а потом он упал, – закрыв лицо руками, девушка разрыдалась. – Сделай что-нибудь.

– Ты вызвала скорую?

– Да. Но не стой ты столбом. Давай вместе спустим его вниз, нельзя медлить.

– Лучше дождаться врачей.

– Вуд! Я не могу просто стоять и ждать, пока он умрет.

Вуд оценивающе скользнул взглядом по ее потерянному, залитому слезами лицу. Он знал, что мужчина, лежащий на полу без движения, возможно, очень близок к смерти, но не думал о нем. Ему впервые было плевать, выживет ли человек или нет. Он видел только боль в глазах любимой женщины. И понимал, что она любит другого. И она не поедет с ним, ни завтра, никогда.

– Сколько прошло времени? – бесстрастно спросил он, подходя к неподвижному телу, и критично разглядывая его. Кристина села на колени рядом с Дэниэлом и снова взяла его руку, ставшую такой холодной и чужой.

– Минут семь. Он дышит, но пульс слишком слабый.

– У него сердечный приступ, – неожиданно произнес Вуд, повернув к себе лицо Нормана. – У моего деда было больное сердце. Он выглядел так же, перед тем, как...

– Замолчи. Он не умрет. Где Лиза? – воскликнула Кристина.

– Лиза? – глаза Адамса сверкнули. – Ее нет?

– Нет. Она убрала всю посуду и ушла.

– Она видела Дэниэла?

– Да. Они выпили с ним по бокалу вина. Дэниэл мне сказал. Удивляюсь, что она пустила его ко мне. А сама ушла, – тараторила Крис, не сводя глаз с лица Дэниэла. Потом, словно осененная внезапной мыслью, она во все глаза уставилась на Вуда. Тот смотрел на нее точно таким же взглядом. Сомнений не было, они думали об одном и том же.

– Нет... – покачала головой Кристина, сотни, тысячи мыслей вихрем пронеслись в ее голове. Она вспомнила про аварию. Дэниэл говорил, что тормоза были специально испорчены. Она даже какое-то время подозревала Роберта, но... В тот день Лиза была в офисе. Она ушла задолго до появления Дэниэла, но это не значило, что она не могла где-то задержаться. В издательстве три этажа, кафе. И потом, Лиза превосходно разбирается в автомобилях. Она редко сдавала свою машину в сервис, предпочитая ковыряться сама. Она могла бы, у нее хватило бы ума и ловкости.

– Она что-то подсыпала ему... – пробормотала Кристина. – Зачем? Зачем ей убивать его?

– Чтобы защитить тебя, – Вуд посмотрел Кристине в глаза.

В дверь позвонили, и девушка, не успев понять весь ужас сказанных Вудом слов, побежала вниз....

Они ждали в неожиданно тихом стерильно-чистом кори-

доре больницы не очень долго, но минуты для Кристины растянулись на часы. Ее колотила мелкая дрожь. Она никак не могла осознать, поверить в случившееся. Вуд крепко держал ее руку в своей, пытаясь утешить. Время от времени она бросала на него затравленные взгляды, губы ее дрожали. Она сама была бледной, словно смерть. В конце коридора открылись двери лифта, и из них вывезли каталку. Несколько человек в белых халатах бежали рядом, лица их были напряжены. Кристина следила за ними мутным взглядом. Еще одна жизнь в опасности, но какое ей дело до чужой жизни, если это был не Дэниэл? Неожиданно ее взгляд упал на каштановые волосы, спутанными локонами свисающие вниз. Она еще не видела лица, но уже вскакивала на ноги, устремляясь к каталке. На лице женщины была кислородная маска, но Кристина узнала ее.

– Это Кира? Кира Кудрявцева? – схватив за рукав одного из врачей, спросила Кристина. Медсестра, держащая капельницу, посмотрела на нее поверх маски.

– Да? Вы ее родственница?

– Нет, подруга, – голос ее упал до шепота. Это что же такое? Она продолжала бежать за каталкой, когда заметила легкое шевеление. Кира двинула рукой. Глаза ее открылись. Кристина готова была поклясться, что она узнала ее.

– Кирочка, милая... – прошептала Кристина. Кира дрожащей рукой сдернула с лица маску.

– Лиза сказала, что он умер, – прохрипела Кудрявцева.

– Что? Как? Когда? Нет-нет, Кира. Дэниэл не умер. Где Лиза? Где она?

– Она уехала. Позвонила мне из аэропорта.

– Боже мой. Кира... – сердце Кристины болезненно сжалось.

– Девушка, отойдите. Вы мешаете, – прикрикнул на Кристину один из докторов, оттесняя ее в сторону.

– Кристина, у меня ребенок... Дэниэл не знает... – из последних сил, проговорила Кира. Глаза ее устало закрылись.

Кристина не слышала, как подошел Вуд, не чувствовала, как он обнял ее за плечи, не понимала слов, что он говорил. Она не могла отделаться от страшного предчувствия, что в последний раз видела Киру Кудрявцеву живой. Красивая, молодая Кира....

– Кристина... – кто-то позвал ее. Этот голос девушка узнала сразу. Он донесся до нее даже сквозь туман разрывающего болю сознания.

– Игорь! – она обернулась и посмотрела в глаза доктора. Он устало улыбнулся ей.

– Здравствуй, девочка. Я знал, что ты снова здесь.

– Что с ним, Игорь? – голос ее звенел от напряжения.

– Пройдем в мой кабинет. Вот уж ирония судьбы, ничего не скажешь, – проговорил он, забирая Кристину из-под опеки Вуда и увлекая за собой.

– Когда-то в этом кабинете я обсуждал твою судьбу, – про-

изнес Журавлев, закрывая за собой двери. Он усадил девушку на диванчик и подал стакан воды.

– Кристина, – серьезно и явно волнуясь начал доктор. – Я должен спросить.... Несомненно, Дэниэл причинил тебе много страданий. Я могу понять все, и я напишу в истории болезни, что инфаркт не был вызван сильнейшими психотропными препаратами. Просто не выдержало сердце. Так бывает....

Кристина, распахнув глаза, смотрела на него в полном изумлении.

– Он в порядке?

– Да, что ему будет, – отмахнулся Игорь. – Все нормально. Отделается легким испугом. Никакой выпивки, сигарет, волнений, диета, отдых, здоровый сон, соответствующее лечение и сердце заработает, как надо. Но ему сказочно повезло. Дэниэл здоровый и крепкий мужчина, несмотря на сомнительный образ жизни. Я бы сказал, что он родился в рубашке, – доктор снова посмотрел на нее серьезным тяжелым взглядом. – Ну, так, что мы будем делать?

– Это не я! – Кристина резко встала и подошла к нему. – Игорь, вы не станете ничего сообщать в полицию, но не потому что я виновата, а потому что я хочу защитить человека, который сделал это. Этот человек пытался защитить меня. Он никогда не повторит попытки. Это я гарантирую.

– Это тот парень?

– Нет. Тот парень – мой друг. Это сделала женщина, – от-

ветила Кристина. – Ее уже нет в стране. И она не вернется. Потому что знает, я никогда не прощу ее.

– Знаешь, я начинаю верить в Бога, милая. Все возвращается. Каждого настигает возмездие. Теперь ты здесь, и мы снова должны покрыть серьезное преступление, – в глазах Игоря Журавлева отразилась глубокая печаль. – Все, ухожу на пенсию. ...

Он хотел что-то добавить, но дверь распахнулась, и в проеме появилась озабоченная чем-то медсестра.

– У Нормана остановка сердца, – сообщила она.

– Черт возьми, упрямый мальчишка. – Пробормотал Игорь, выбегая из кабинета.

Глава 19

Кристина замешкалась у обшарпанной двери подъезда. Она позвонила Раисе Федоровной перед тем, как сесть в поезд, но прошло целых два часа. Может, она куда-то вышла....

Раиса Кудрявцева была дома. Она оказалась гораздо старше, чем думала Монахова. Седовласая маленькая старушка. Кира вероятно была очень поздним ребенком. Она посмотрела на гостью бесцветным, потерянным взглядом и поправила черное траурное платье. Сердце девушки сжалось от жалости к бедной женщине.

– Проходите, – Раиса Федоровна проводила ее в бедную гостиную. Почему они так плохо живут? Неужели Кира не посылала денег матери и сыну? Наверное, женщина заметила что-то на ее лице, судя по последующим словам:

– Кира помогала нам, но я больна. Почти все деньги уходили на лекарства, а она сама нуждалась в дорогом уходе, обследованиях. Но у нас с Алешей все есть. Нам всего хватает, – сурово сообщила она и проводила Кристину в маленькую, скудно обставленную комнатку. – Я бы никогда с ним не рассталась... – тихо добавила Раиса Кудрявцева. По морщинистому лицу потекли слезы. Кристина почувствовала себя неловко. Она собиралась забрать у несчастной женщины единственного внука. Дочь она потеряла, других детей и мужа у нее не было. Только Алеша. И Кристина приехала за

ним.

– Он спит? – шепотом спросила Крис, подходя к деревянной кровати. Темная головка покоилась на белоснежной подушке, раскинутые маленькие ручонки, пижама с зайчиками. Комок подступил к горлу девушки. Она смотрела на сына Дэниэла и не могла сдержать слез, на нее нахлынули совершенно неожиданные чувства. Присев рядом, она всматривалась в маленькое безмятежное личико мальчугана, в нем уже угадывались черты отца. Такие же темные брови вразлет, длинные черные реснички, подрагивающее во сне розовые губки.

– Какой красивый, – прошептала Кристина, дотрагиваясь до черных волосиков ребенка.

– Алеша не похож на Киру. Но он очень хороший мальчик. Кира редко приезжала. У него не было матери. Только я. Вы уж любите его. – Раиса Федоровна села рядом с Кристиной и беззвучно заплакала. Неожиданно для самой себя, девушка обняла старую женщину.

– Вы не расстанетесь с ним, – тихо сказала она. – У меня очень большой дом. Я забираю вас с собой. Я оплачу все расходы. Вы поправитесь, я обещаю.

Раиса заплакала в голос, уткнувшись в плечо Кристины.

– Все будет хорошо, – пообещала девушка. И в этот момент мальчик открыл глаза. Синие, бездонные глаза Дэниэла Нормана смотрели на нее с детским любопытством. Потом в них блеснула радость, и он сел, улыбаясь ей.

– Мама? – спросил Алеша. Кристина вздрогнула. Горячая волна окатила ее с головы до ног. Она уже знала, что это. Это была любовь. Кристина обняла хрупкое тельце, прижимая к себе.

– Да, Алеша. Я твоя мама. Я пришла, чтобы забрать тебя и бабушку домой, – девушка улыбнулась сквозь выступившие слезы. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой свободной и легкой. Ей казалось, что тело ее стало невесомым.... Поток воздуха поднял ее и понес к свету. Она растерянно озиралась вокруг, комната начала расплываться, размывая лица людей, которые за один миг стали ей так дороги и близки. Это было похоже на картину, если на нее вылить стакан воды....

Эпилог

Москва. 1999 год.

– Крис, ты слышишь меня? Я знаю, что слышишь. Открой глаза, малыш. Я с тобой. Я рядом. Детка, посмотри на меня....

Голос звал ее, он врезался в сознание, вытаскивая Кристину из состояния небывалого блаженства и эйфории. Но она не спешила возвращаться, не хотела открывать глаза. Кристина все еще видела силуэты, расплывшиеся и нечеткие. Ее охватила горечь и чувство потери, веки защищала от соленых слез. Свинцовая тяжесть разлилась по телу, колющая боль взорвалась в сведенных мышцах. Сердце забилося, как оголтелой, в голове загудело, потом монотонно и противно запищало. Пик. Пик. Пик.

Кто-то держал ее запястье. Ей хотелось стряхнуть чужие пальцы, потому что именно они вытащили ее из другого мира, где она, наконец, обрела покой. Кристина почувствовала, как задрожали ее веки, и дернула рукой.

– Игорь! Она приходит в себя, – громко закричал мужской голос, причиняя ей невероятные страдания. Хватка на ее запястье ослабла и исчезла, раздались быстрые суетливые шаги. Она поморщилась. Как много звуков! Девушка почувствовала, что над ней кто-то склонился. С невероятным трудом она открыла глаза. Сосредоточенное лицо Игоря

Журавлева улыбалось ей. Кристина отметила про себя, что он помолодел каким-то невероятным образом лет на десять. Кристина судорожно вздохнула, но и это простое движение вызвало новый приступ физической боли.

– С возвращением, девочка, – ласково произнес Журавлев. Кристина щурила слезившиеся от яркого света глаза. – Ты ведь помнишь, как тебя зовут? Не отвечай. Просто кивни головой, если да.

Кристина едва заметно кивнула.

– Хорошо, Кристина. Очень хорошо, – улыбнулся доктор. Из-за спины доктора появился другой силуэт. Дэниэл. Что-то с ним тоже было не так. В глазах тревога и раскаяние. Что случилось? Неужели она не доехала? Что случилось с Раисой и мальчиком? Кристина задрожала, и открыла рот, чтобы задать вопрос, но не смогла. Язык не слушался, горло царапала боль.

Она осознавала, что доктор проверяет ее состояние, измеряет пульс, смотрит в монитор, на котором изгибается кривая ее сердцебиения. Но ее взгляд был прикован к лицу Дэниэла, который тоже смотрел на нее. Неуверенно, с какой-то тоской в глазах. Он казался осунувшимся, худым и бледным. Совсем другим.... Кристина двинула другой рукой, и снова почувствовала резкую боль во всем теле. Она замерла, не шевелилась какое-то время, собирала силы. Ей нужно было сказать. Спросить. Понять, что произошло.

– Дэниэл... – прохрипела она. Он поспешно сел рядом.

Снова его пальцы на запястье. Теперь они не казались чужими. Теплые, родные, бережные.

– Все хорошо, Крис. Не нужно говорить. Я все расскажу сам. Ты не помнишь, что случилось? – неуверенным хрипловатым голосом спросил Дэн.

Кристина озадаченно смотрела на него. С ним определённо что-то было не так. Дэниэл погладил ее ладонь. Его прикосновения успокаивали, утешали. Она перевела взгляд на Журавлева и снова на бывшего мужа. Это сон? Может, она потеряла сознание? Крис помнила, как ее охватило странное ощущение полета в квартире Раисы Федоровной. Ее словно засасывало в воронку, потом яркий свет ослепил глаза, и она очутилась здесь.

– Мы попали в аварию, Крис. Ты помнишь? – тревожно спросил Дэниэл, заметив смятение на ее лице. Девушка отрицательно покачала головой. – Я в порядке, детка. У меня всего пара синяков, а ты..., – он прервался, нервно сглотнув. – Это я виноват. Мы спорили, ругались. Я не справился с управлением. Ты совсем ничего не помнишь? – Дэниэл осекся, заметив, как расширились ее глаза. Кристина снова покачала головой. Дэн перевел испуганный взгляд на доктора, который развернулся и тоже внимательно смотрел на нее.

– Дайте ей время, Дэниэл. Она еще не пришла в себя. Пусть поспит. Вы вернетесь завтра утром. Уже слишком поздно, – произнес Игорь. И Кристину удивила теплота, с которой Журавлев обращался к ее бывшему мужу. Но сле-

дующие слова убили ее наповал. – Позвоните отцу и Виктории, скажите, что Кристина пришла в себя.

Девушка сильно сжала руку Дэниэла, глядя на него настойчивым, полным ужаса взглядом. Она отчаянно затрясла головой, забыв про боль. Аппаратура запищала. Журавлев подбежал к ней, потом появилась медсестра с лицом Киры, которая повергла девушку в еще больший шок. Она быстро и ловко сделала ей укол, и Кристина провалилась в темноту.

Она открыла глаза в надежде, что мир примет прежние очертания. Кристина надеялась вернуться назад, туда, где ей было хорошо, туда, где был покой, но снова очутилась в палате, которую теперь заливал солнечный свет, льющийся через окно с открытыми жалюзи.

Она находилась в другой палате, более просторной и светлой. На столике рядом с кроватью стояла ваза с цветами. Крис попыталась присесть, нечаянно выдернула капельницу из вены и даже не заметила. Тело все еще казалось чужим, тяжелым и непослушным.

– Доброе утро, Кристина, – поприветствовал ее вошедший Игорь Журавлев. – Тебе лучше?

Она кивнула. И посмотрела на капельницу.

– Извините, я нечаянно, – незнакомым хриплым голосом сказала девушка. – Извините меня, – повторила чуть тише.

– Ты можешь говорить. Это прекрасно, – доктор просиял улыбкой. – Ты узнаешь меня?

– Да. – Кристина озадаченно посмотрела на него.

– И кто я?

– Вы хирург, который спас мне жизнь, – просипела она, устало откидываясь на подушку. – Давно я здесь?

– Нет. Ты поступила только вчера, поздно вечером. Вы с Дэниэлом попали в аварию. Твое сердце остановилось на несколько секунд, но мы боролись за тебя, девочка, и победили.

Кристина опустила глаза и посмотрела на свои забинтованные руки. Потом снова на доктора. Она не могла понять и боялась спросить. Происходило что-то очень странное, жуткое, не поддающееся ее пониманию. В палату вошел Дэниэл. Создалось впечатление, будто бы он и не уходил. Все такой же замученный, растерзанный вид.

– Дэниэл, – доктор пожал протянутую руку. – Кристине гораздо лучше сегодня. Вы можете поговорить. Не буду вам мешать.

Журавлев ушел, оставив пациентку и ее мужа наедине. Прошло насколько мучительных минут, в течении которых они долго смотрели друг на друга, не зная, что сказать. У Кристины голова шла кругом от бессвязно мечущихся мыслей. Дэниэл нерешительно подошел ближе и сел на стул рядом с кроватью. И снова гнетущая тишина. Он тяжело дышал, кадык нервно дергался, на скулах гуляли желваки.

– Откуда мы ехали, Дэниэл? – первой заговорила Кристина, пристально глядя на него. Сердце ее замерло в ожидании

ответа. Никогда ей не было так страшно.

– Ты действительно все забыла? – он с тревогой всматривался в ее лицо. Синие глаза затуманились. – Крис, мы возвращались с дня рождения своей матери. Я сел за руль пьяным, а потом начал выяснять отношения, и мы поссорились. Я думал, ты собираешься бросить меня... Надо было поговорить обо всем дома, но меня накрыло, Крис. Я потерял контроль над дорогой и чуть нас не убил.

Кристина задрожала от охватившего ее потрясения. Закрыв глаза, она потерла пульсирующие виски. Голова взрывалась от боли и огромного количества мыслей, вихрем пронесившихся в ее сознании.

– Ты... – хрипло прошептала девушка, но не смогла закончить фразу, забыв, что хотела сказать. Кристина открыла глаза и посмотрела на осунувшееся лицо мужа. – Я не собиралась бросать тебя, Дэниэл.

– Да, я знаю. Ты сказала мне. Но когда я нашел билеты, в меня просто бес вселился, – в его голосе сквозило раскаяние.

– Дэниэл, со мной произошло нечто невероятное, – проговорила она, дотрагиваясь до его руки. Постепенно все становилось на свои места. Кристина до конца не осознавала, что именно случилось, но ее внезапно охватило всеобъемлющее облегчение, и она на миг забыла о боли. – Как я могла подумать, что ты способен... – обрывисто прошептала она, прикрыв глаза и тут же широко распахнула их. Ее сверкающий взгляд замер на растерянном измученном лице мужа. –

Я видела ужасный сон, Дэниэл. Такой реальный, я словно прожила целую жизнь.

Она всхлипнула, чувствуя, как горькие рыдания рвутся из груди. Наклонившись к ней, Дэниэл обнял ее.

– Все будет хорошо. Больше никаких кошмаров. Тебе больше не придется меня бояться. Я все пересмотрел за эти бесконечные сутки, когда думал, что потерял тебя. Из-за собственной глупости, гордости. Я люблю тебя, Крис. Все изменится, я обещаю.

– Ты так много мне обещал, пока я спала, – прошептала она, пряча лицо на его плече. – Но ты сдержал все обещания. И сделал меня счастливой.

– Ты спала совсем недолго, – глухим тоном произнес он, зарываясь пальцами в ее волосы.

– Да, почти девять лет за несколько часов. Самая малость, – ироничная улыбка тронула ее губы. – Сколько мне лет, Дэниэл?

– Крис, ты меня пугаешь. Хочешь поговорить с мамой и Джоном? Они ждут, очень волнуются. Когда случилась авария они отменили поездку к Мэдисон и Роберту и вернулись обратным рейсом.

– Я так соскучилась по ним, Дэниэл, – Кристина улыбнулась сквозь слезы, сердце бешено колотилось. Так много эмоций. Боль и счастье и облегчение, надежда, растерянность. Неверие, любовь... – И по тебе. Ты не представляешь, что я пережила. Я видела твоего сына. Я полюбила его, как

тебя.... – Она умолкла, заметив, как потемнело лицо Норма-на. И вдруг осознала, что он больше не бывший муж, а самый настоящий. Ей еще предстояло разгадать загадку, которую сыграла с ней жизнь, но не сейчас.

– Крис, малышка, – он взял ее руки. – Ты едва не потеряла ребенка. Врачи и сейчас не могут дать гарантий, что все обойдется без последствий. Все из-за меня, Крис. Если ты не простишь меня....

– Я прощала тебе и не такое... – Кристина почувствовала, как екнуло ее сердце. – Я знаю, что все будет хорошо. Я видела его, Дэн. Нашего мальчика.

– Крис, я искренне сожалею, что был таким подонком, – синие глаза Дэниэла сверкнули, он наклонился и поцеловал ее в сухие губы. – Ты точно в порядке? Ничего не хочешь мне сказать?

– Я сама не понимаю, что происходит, – пробормотала девушка. – Почему я здесь и почему жизнь дает нам второй шанс? Мы были бы счастливы и там. Но я знаю... Я должна сказать тебе.... Это звучит странно, но кто-то сверху на твоей стороне, Дэниэл. Звучит фантастически, я понимаю. Но я сейчас тоже в полной растерянности, в шоке, недоумении. Когда я соберусь с силами, я расскажу тебе все, и ты поймешь, что может произойти, если ты не остановишься, если не сдержишь обещание, которое только что дал мне... и сейчас и в том сне, который так внезапно оборвался. Я люблю тебя, Дэн. – она улыбнулась легкой спокойной улыб-

кой. – Это возвращение – второй шанс, который, возможно, не давался никому до нас. Я верю... Верю, что все увиденное мной, действительно было. В одной из реальностей. Но мы вернулись, вернулись назад, чтобы исправить то, что сломало бы нас обоих. Мы бы выстояли, я знаю, но никогда не стали бы такими, как сейчас. Свободными от кошмаров, счастливыми. Мы же можем, Дэни? Скажи, что ты не подведешь меня? Пообещай!

– Я клянусь, Крис. Прости меня, за каждый день, за каждую минуту нашего ужасного брака, – он крепко сжал ее пальцы. С глубоким чувством посмотрел в глаза. – Я словно ослеп, Крис. Дело было не в тебе. Я ненавидел отца, Викторию, я винил их в том, что моя мать умерла, смирившись с болезнью, что моя семья разрушилась, и чуть было не разрушил ту, что подарила мне ты. Я наказывал их, причинял боль, но при этом уничтожал тебя, нас обоих. Крис, я... Вчера, когда ты лежала в реанимационной палате и почти не дышала, я смотрел на тебя и молился. Впервые в жизни. Я думал, что если ты умрешь, то меня тоже не станет, я никогда бы себя не простил. Я бы умер вместе с тобой.

Крис замерла, когда он произнёс последнюю фразу, которая так сильно повторяла смысл других слов, тоже сказанных им же, но в далеком будущем, которое могло бы произойти.... Дэниэл еще долго хранил молчание, но его глаза говорили больше, чем он мог произнести вслух.

Через пару минут в палате появилась санитарка. Кристина

изумленно уставилась на нее, узнав в девушке Соню.

– Как вас зовут? – спросила она.

– София, – девушка вежливо улыбнулась. – Вам лучше?

Но главные сюрпризы были впереди. В течение дня она познакомилась с другим медперсоналом, среди которого узнала семейного адвоката Норманов из своего сна, который оказался реаниматором, Киру Кудрявцеву – второго хирурга. Все они находились рядом, когда она на несколько секунд ушла в другое измерение, и Кристина забрала их образы с собой, чтобы придумать этот страшный, но такой реальный сон, растянувшийся на годы. И все же оставалась несколько вопросов, на которые ей хотелось бы получить ответы. Почему так переменялся Дэниэл? И сделал бы он то, что ей пришло в голову, если бы не авария. Кристина знала, что никогда не узнает ответ наверняка, но сомнения уже пускали свои корни.

Когда в палату вошли Джон и Виктория, вопросов добавилось. Вначале радость от встречи захлестнула все тревоги. Кристина плакала от радости, что может видеть их. Обеспокоенными, уставшими, но живыми и здоровыми. Позже Джон вышел с Дэниэлом, чтобы переговорить с лечащим врачом. Кристина и ее мать остались наедине. Девушка пристально посмотрела в глаза Виктории Норман. Большие и красивые, печальные глаза, полные вины и сожаления.

– Почему ты не рассказала мне? – спросила Кристина. Голос ее дрогнул от обиды. Виктория побледнела, судорожно

сжимая в пальцах небольшую дамскую сумочку.

– А как я могла сказать тебе такое? – прошептала женщина. Светлые волосы упали на ее лицо, когда она опустила голову. – Это он сказал тебе?

– Но это не он. Я сама поняла.

– Это было до того, как вы поженились. Дэниэл хотел насолить отцу, доказать, что он сделал плохой выбор. Я совершила ошибку. Джон простил меня, я сама ему все рассказала. Мне очень жаль, Крис, что я скрыла от тебя. Мне было стыдно. Такими поступками не гордятся.

– Я знаю, мам, – кивнула девушка. – Я понимаю. Мы это переживем. Я люблю тебя, мам.

– И я тебя, милая, – прослезившись Виктория нежно поцеловала дочь и еще долго держала ее в объятиях. Они говорили долго, обо всем, пока обе не выдохлись.

Оставшись одна, Кристина долго думала над тем, что с ней произошло. С ней и Дэниэлом, с ее близкими. Было ли это сном? Или жуткой реальностью, из которой ее вытащил некто всемогущий. Она осознала одно, ей восемнадцать, но она твердо знает, что прожила двадцать шесть лет, сложных, запутанных, трагичных, полных потерь, предательства и боли. И вернулась не с пустыми руками, а с огромным жизненным опытом и силой. Силой, которая поможет в этой реальности не совершить прежних ошибок. Силой, которая научила ее смотреть вперед и не бояться. Разве может быть

что-то страшнее того, что уже произошло?

– Крис? Не спишь? – Дэниэл осторожно вошел и нерешительно замер, сделав всего шаг вперед, лишь для того, чтобы закрыть за собой дверь.

– Нет. Что-то случилось? – спросила Крис, с безмятежной улыбкой глядя на него.

– Я говорил с Викой, – Дэниэл выжидающе смотрел в ее лицо. Крис кивнула, дав понять, что она знает, о чем он хочет спросить. – Я не могу изменить того, что сделано. Это было глупо, признаю. Жестоко. По отношению к отцу, к Виктории. Я никогда не был влюблен в нее, Крис. Это одна огромная ошибка.

– Я знаю, – кивнула Кристина. – Она сказала тоже самое.

– Почему ты прощаешь мне все, что я натворил? – спросил Дэниэл, не сводя с нее пристального взгляда. – Целый год я заставлял тебя страдать.

– Год? Ты ошибаешься, Дэниэл. Гораздо дольше. Но я простила тебя в последний раз. Помни об этом. И еще... – девушка загадочно улыбнулась. – Если решишь всерьез заняться автомобильным бизнесом, то не торопись. Поверь, через несколько лет тебе все наскучит, грянет финансовый кризис, и ты или продашь бизнес, или прогоришь. Твое место – в компании отца.

– Это тебе тоже приснилось? – приподняв брови, поинтересовался Дэниэл.

– Да, но отнесись к моим словам серьезно, – строгим то-

ном ответила Кристина.

– Крис, сейчас к тебе зайдет женщина, – поколебавшись, неуверенно начал ее настоящий бывший муж. – Она психолог. Вы просто поговорите....

– О, нет! – воскликнув, расхохоталась Кристина, прекрасно зная, кто сейчас войдет в ее палату. Девушка отрицательно качнула головой. – Лучше не стоит. Поверь, милый. Тебе это может выйти боком.

– Хорошо, если ты не хочешь, я отменю посещение, – Дэниэл слабо улыбнулся. – Так ты не передумала? Дашь мне второй шанс?

– Последний, Дэниэл, – серьезно посмотрев в глаза мужа, произнесла Кристина. – Других не будет!

Конец

Все книги автора на <https://feisovet.ru/магазин/Дэкс-Алекс/>

Группа автора в контакте:

https://vk.com/alexd_officialgroup

Автор на литнет: <https://litnet.com/ru/aleks-d-u545309>

В оформлении обложки использована фотография автора VERSUSstudio с сайта <https://stock.adobe.com>